

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 5.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово въ день восшествія на Престоль Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича. О лжеученіи графа Л. Н. Толстаго. Свящ. *Т. Бутневича* 269—283

Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности (продолженіе). *Шестакова* 284—317

Письма католина въ журналъ „L'Union Chrétienne“ съ отвѣтами на нихъ о. Владимира Гетте (продолженіе). *И—на.* 318—326

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Пессимизмъ какъ выраженіе и вмѣстѣ послѣдствіе опредѣленнаго міросозерцанія. Профессора Кіевской Духовной Академіи. *П. Липицкаго* . . . 179—197

О природѣ человѣческаго знанія и отношеніи его къ бытію объективному (окончаніе). Профессора Казанской Духовной Академіи *В. А. Снегирева* . . . 198—212

«Теодицея» Лейбница. Разсужденіе о благодти Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла. Часть вторая (окончаніе). *К. Истомина* 213—234

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1890/91 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковой, Петровскія линіи, контора В. Гяляровскаго, Столѣпниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Марта 15 дня 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

С Л О В О

въ день восшествія на Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора
Александра Александровича.

О лжеученіи графа Л. Н. Толстаго.

*О, дабы отъчены были разоряющіи
васъ! (Гал. V, 12).*

Мы собрались, бл. сл., въ этотъ св. храмъ, чтобы въ общей единомысленной молитвѣ съ одной стороны вознести благодареніе Господу за дарованіе намъ нашего Благочестивѣйшаго Государя, а съ другой—просить продленія къ Нему всевышней милости и въ будущемъ, укрѣпленія Его особенными благодатными силами, необходимыми для управленія великимъ государствомъ и милліонами подданныхъ. Эта молитва тѣмъ болѣе близка должна быть нашему сердцу, что она есть вмѣстѣ съ тѣмъ молитва и о благоденствіи всего нашего отечества, молитва о нашемъ собственномъ благосостояніи.

Великія обязанности и тяжелую отвѣтственность возложилъ Всевышній Царь царей на нашего возлюбленнѣйшаго Государя! Выполненіе этихъ обязанностей невозможно безъ сверхъестественной помощи. Отвѣтственность предъ Богомъ несравнима съ отвѣтственностію ни предъ живыми людьми, ни даже предъ судомъ исторіи: люди видятъ только дѣла царей, а отъ очей Всевидящаго не сокрыты и ихъ намѣренія. Благочестивѣйшему Государю нашему Господь вручилъ судьбу мно-

гихъ милліоновъ Его подданныхъ. На Него возложена обязанность заботиться не о внѣшнемъ только благосостояніи подданныхъ, но и о правильномъ развитіи ихъ духовной жизни. Онъ неуспѣшно печется не объ арміи только, которая бы защищала насъ отъ внѣшнихъ враговъ, не о процвѣтаніи только торговли и промышленности, не объ улучшеніи только путей сообщенія, не о безопасности только жизни и имущества подданныхъ, но и объ улучшеніи условій ихъ духовной жизни: объ ихъ умственномъ просвѣщеніи и религіозно-нравственномъ усовершенствованіи. Последнее еще важнѣе перваго. Умственное невѣжество народа, а еще хуже — извращенность его понятій, господство среди него ложныхъ ученій и теорій, увлеченіе разрушительными лжефилософскими міровоззрѣніями, — хотя не сразу, а постепенно, вреднѣе отзывается на народной жизни, чѣмъ даже неурожай, эпидемія, пожары и другія общественныя бѣдствія; упадокъ общественной народной нравственности гибельнѣе упадка промышленности, паденія курса, военныхъ неудачъ...

Къ сожалѣнію, наше время особенно нуждается въ попененіяхъ о духовной жизни народа. Если когда, то именно въ наше время въ русское общество вторгаются самыя превратныя идеи, самыя разрушительныя теоріи, самыя зловредныя ученія, самыя чудовищныя міровоззрѣнія, волнующія не только верхніе, но и низшіе слои общества, отторгая нашъ народъ отъ союза съ Православною Церковію, потрясая его вѣковыя вѣрованія, стремясь поколебать твердыя основы народной жизни, извращая истинныя понятія, развивая отрицательно-критическое только отношеніе къ существующему порядку и разстраивая единство народной мысли и народныхъ идеаловъ. И что прискорбнѣе всего, такъ это то, что каждый лжеучитель, развращающій наше общество, старается принять видъ апостола Христова, проповѣдуетъ свое ученіе, крайне враждебное христіанству, не иначе, какъ съ Евангеліемъ въ рукахъ. Пашковъ отторгаетъ отъ Церкви наше высшее общество, указывая на Евангеліе; распространители штундизма ведутъ къ гибели нашъ простой народъ, обѣщая ему *здѣ или ондѣ* показать Христа. Соловьевъ, также во

имя будто-бы Христа, убѣждаетъ насъ, всѣхъ православныхъ русскихъ людей, отречься отъ Православной Церкви и торжественно идти по его стопамъ въ Римъ для лобызанія папской туфли, которая будто-бы одна всеильна освободить нашу Церковь отъ измышленнаго имъ государственнаго гнета. Но ни для кого не тайна, что больше всѣхъ волнуетъ умы русскаго образованнаго и необразованнаго общества графъ Л. Н. Толстой, также желающій войти въ самую среду русскаго народа не иначе, какъ съ посохомъ апостола Христова.

На этомъ-то послѣднемъ злѣ, съ неимовѣрною силою врывающемся въ наше общество и грозящемъ разрушить вѣковыя начала народной жизни, мы и намѣрены остановить нынѣ ваше особенное вниманіе, бл. сл.!

Многіе изъ насъ съ увлеченіемъ читаютъ многочисленныя сочиненія графа Толстаго какъ дозволенныя цензурою, такъ и подпольныя, но совершенно свободно и открыто распространяемыя среди нашего общества; многіе изъ насъ съ горячію защищаютъ идеи Толстаго, не замѣчая, конечно, ихъ разрушительной силы и растлѣвающаго характера; многіе изъ насъ съ преступнымъ хладнокровіемъ смотрятъ на то, какъ наша молодежь—наши сыновья и дочери—цѣлыя ночи просиживаютъ надъ перепискою на короткое время добытой у знакомыхъ «Крейцеровой Сонаты», — этого нескладнаго, грязнаго и безнравственнаго разсказа, который неблагоприятно было бы даже читать въ присутствіи молодыхъ людей. Но мы увѣрены, что изъ всей массы почитателей Толстаго лишь очень и очень немногіе знаютъ, въ чемъ собственно состоитъ его ученіе. Въ его сочиненіяхъ — такое множество противорѣчій, что по нимъ почти нельзя составить себѣ правильнаго представленія о его міровоззрѣніи. Личное сношеніе съ нимъ также еще не даетъ намъ полнаго ручательства за то, что мы можемъ узнать, такъ сказать, самую душу его ученія. Нужно замѣтить, что Толстой вообще крайне сдержанъ въ своей откровенности. Ею пользуются только немногіе испытанные ученики его. Вотъ почему, получивъ возможность ознакомиться съ самымъ остономъ этого ученія, чрезъ ближайшаго ученика и наперсника Толстаго, и провѣривъ со-

общенное намъ по самымъ сочиненіямъ этого лжеучителя, мы рѣшаемся, бл. сл., раскрыть его предъ вами здѣсь въ сжатомъ видѣ и безъ всякихъ прикрасъ, но во всей, такъ сказать, наготѣ его, дабы тѣ, которыхъ еще не оставило благоразуміе, могли съ надлежащею осторожностью относиться къ сочиненіямъ Толстаго, во множествѣ распространяемымъ въ послѣднее время, а тѣ, которые уже увлечены Толстымъ безвозвратно, по крайней мѣрѣ, увидѣли бы, если только захотятъ видѣть, имѣя очи, куда ихъ ведутъ и какая пропасть ожидаетъ ихъ. Человѣколюбецъ Господь силевъ спасти и этихъ несчастныхъ людей, даже на самомъ краю пропасти, какъ спасъ Онъ разбойника, уже повѣшеннаго на крестѣ, быть можетъ, за нѣсколько минутъ до его кончины...

Итакъ,—въ чемъ же состоитъ ученіе Толстаго? Въ своихъ подпольныхъ сочиненіяхъ¹⁾ Толстой совершенно отрицаетъ бытіе личнаго Бога, не признаетъ Промысла Божія, зло издѣвается надъ христіанскимъ догматомъ о Троичности Лиць въ Богѣ, отвергаетъ ученіе Церкви о Боговоплощеніи и искупленіи, первородномъ грѣхѣ, не допускаетъ возможности сверхъестественнаго откровенія и чудесъ; Господа нашего Іисуса Христа признаетъ обыкновеннымъ, но только «умнымъ человѣкомъ»; а его послѣдователи уже не признаютъ даже существеннаго различія между Христомъ и самимъ Толстымъ; мало того, они утверждаютъ даже, что Толстой выше Христа, такъ какъ, живя въ болѣе просвѣщенный вѣкъ и будучи болѣе одаренъ отъ природы, онъ будто бы глубже вникаетъ и яснѣе понимаетъ задачи міровой жизни. Далѣе,—Толстой не признаетъ ни Церкви, ни таинствъ, ни догматовъ, ни молитвы²⁾, ни постовъ,—почитаніе Богоматери, святыхъ, иконъ, креста и мощей называетъ даже идолопоклонствомъ. Напоминаніе человѣку о Богѣ, по его ученію, только развращаетъ и самаго развратнаго. «За то, что ты мнѣ про Бога помянулъ, говоритъ у него разбойникъ³⁾, я завтра лишнихъ двухъ лю-

1) «Въ чемъ моя вѣра?», «Исповѣдь», «Церковь и государство» и «Евангеліе».

2) Соч. Толстаго, т. XII, стр. 213—221.

3) Соч. Толстаго т. XII, стр. 207.

дей убью». И дѣйствительно, кто становится послѣдователемъ Толстаго, тотъ прежде всего разрываетъ всякую связь съ Православною Церковью и не присоединяется ни къ какой другой, выбрасываетъ изъ своего дома иконы, грубо сожигая ихъ, перестаетъ совсѣмъ молиться и исполнять религиозныя обязанности.

Невѣріе и безбожіе Толстаго очевидны для каждаго,—и въ этомъ отношеніи Толстой ничего не сказалъ новаго: безбожные безумцы существовали еще даже во времена Давида. Чѣмъ же привлекательно ученіе Толстаго? Его послѣдователи были, безъ сомнѣнія, людьми невѣрующими и до знакомства своего съ его воззрѣніями; но теперь они хватаются за его безбожныя книжки лишь потому, что думаютъ найти въ нихъ оправданіе своего невѣрія и безбожія, надѣясь этими книжками примирить съ собою свою непокойную совѣсть; этимъ несчастнымъ людямъ любезно міровоззрѣніе Толстаго, очевидно, лишь потому, что оно потакаетъ человѣческимъ слабостямъ, старается оправдать дурное поведеніе людей. Но какъ послѣ этого жалокъ позѣть, когда онъ не нашелъ никакого лучшаго употребленія для своего таланта, кромѣ оправданія людскихъ пороковъ и недостатковъ!

Въ жизни и дѣятельности Толстой предлагаетъ руководствоваться своимъ послѣдователямъ только двумя правилами, которыми, собственно, и исчерпывается вся его мнимая философія.

1. Первое изъ этихъ правилъ гласитъ такъ: *Не противься злу!* ¹⁾ Если ты видишь (учить лжеапостоль), что твоего ближняго имѣетъ постигнуть какое-либо горе, ты не старайся отвратить его самъ и даже не предупреждай о томъ своего друга; иначе это горе, встрѣтивъ на своемъ пути сопротивленіе, вызоветъ другое, еще большее горе. Это безнравственное, не христіанское, даже не человѣческое правило жизни Толстой поясняетъ ²⁾ наглядными примѣрами. «Крестникъ» — герой одного изъ его народныхъ рассказовъ — уви-

1) Соч. Толстаго, т. XII, стр. 55—65, 192—212.

2) Соч. Толстаго, т. XII, стр. 198—200.

дѣлъ, что воръ крадетъ снопы съ поля его отца; желая воспротивиться этому злу, онъ указалъ на него отцу; отецъ поѣхалъ въ поле, созвалъ мужиковъ, которые избивъ вора, связали и повели въ острогъ; въ острогѣ воръ просидѣлъ цѣлый годъ, научился тамъ всѣмъ злодѣйствамъ и началъ жестоко мстить отцу «Крестника»: сначала угналъ двухъ лошадей его, а потомъ сжегъ и дворъ. Но вотъ примѣръ еще разительнѣе. Увидѣлъ тотъ же «Крестникъ», что въ избу, въ которой спала его мать, влѣзъ разбойникъ и сталъ сундукъ ломать; мать проснулась и закричала; увидѣвъ ее, разбойникъ выхватилъ топоръ, замахнулся на мать и хотѣлъ ее убить; не сдержался «Крестникъ», какъ пустить жезломъ въ разбойника, прямо въ високъ ему попалъ и убилъ на мѣстѣ. И вотъ за этимъ слѣдуетъ новое зло: плачетъ мать о своихъ грѣхахъ, кается, говоритъ: лучше бы меня тогда разбойникъ убилъ,—не надѣлала бы я столько грѣховъ. Этихъ бѣдствій не было бы, по словамъ новаго лжеучителя нашего, если бы «Крестникъ» не противился злу. Пусть же воръ похищаетъ труды твоего ближняго,—ты не говори ему: «не крадь!» Не предупреждай и друга твоего о причиняемомъ ему злѣ. Пусть разбойникъ на твоихъ глазахъ убиваетъ твою родную мать,—ты вопреки голосу твоей природы, вопреки требованіямъ всего существа твоего, будь только безучастнымъ зрителемъ этого несчастія, но не мѣшай ему, не проявляй никакого чувства любви къ своей матери. И это безнравственное ученіе Толстой еще выводитъ, какъ бы въ глумленіе, изъ Божественныхъ словъ Спасителя, заповѣдавшаго намъ даже жизнь свою полагать *„за други своя“*, дабы только предотвратить отъ нихъ зло!

«Не противься злу, чтобы оно не повлекло за собою еще большаго зла!» Въ какое глубокое, непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою здѣсь впадаетъ графъ Толстой! Для чего же онъ такъ усердно старается о распространеніи своего лжеученія, если онъ не думаетъ пресѣчь имъ мнимое, самоизмышленное зло? Или онъ желаетъ вызвать зло большее существующаго?

«Не противься злу, чтобы оно не повлекло за собою еще большаго зла!» Какъ будто бы злу неизбѣжно противиться

только зломъ! Какъ будто бы пожаръ тушатъ однимъ масломъ! Какъ будто бы христіанская любовь безсильна—то или другое временное зло безвредно прекратить въ самомъ его зародышѣ!

«Не противься злу, чтобы оно не повлекло за собою еще большаго зла!» Какая возмутительная ложь заключается въ этомъ ужасномъ совѣтѣ! И не думайте, бл. сл., чтобы въ этомъ совѣтѣ сообщалось намъ что-либо новое для насъ и не слыханное: напротивъ,— это житейское руководство слишкомъ старо, мы съ нимъ свыклись, имъ-то, къ сожалѣнію, и управляется наша не христіанская жизнь; если же многіе изъ насъ имъ еще увлекаются въ настоящее время, то, во-первыхъ, лишь потому, что его высказалъ со всею возмутительною откровенностію *Толстой*, а во-вторыхъ, потому, что въ той формѣ изложенія, которую далъ ему этотъ лжеучитель, оно оправдываетъ наше дурное поведеніе, котораго мы до сихъ поръ стыдились въ самой глубинѣ своей совѣсти, и потакаетъ нашимъ страстямъ. Собственно говоря, и безъ Толстаго мы жили и живемъ по Толстому, вопреки голосу нашей совѣсти. Мы и такъ не противимся злу изъ боязни новаго зла, хотя бы то даже только въ видѣ какой-либо для насъ непріятности. Мы видимъ злоупотребленія людей, но боимся указывать на нихъ кому слѣдуетъ, чтобы не нажить себѣ непріятностей, и при этомъ думаемъ еще вступать въ сдѣлку съ своею совѣстію, наивно увѣряя себя, что „это—не наше дѣло“. Мы видимъ на улицѣ человѣка, которому наносятъ ужасные побои,— и обыкновенно убѣгаемъ отъ этого уличнаго скандала, чтобы даже не попасть только въ число свидѣтелей, и еще успокаиваемъ свою непокойную совѣсть, ложно примѣняя къ себѣ слово Писанія: „уйди отъ зла и сотвори благо“. „Уйди отъ зла“—это значитъ: самъ не дѣлай зла, а не то, что— «не противься злу». Мы избѣгаемъ оказывать серьезную помощь каждому несчастному потому именно, что съ этимъ могутъ соединяться нѣкоторыя непріятности для насъ самихъ. Но живя по Толстому даже и безъ его совѣтовъ, живя, не противясь дѣйствительно злу, можемъ-ли мы сказать, что чрезъ эту жизнь нашу зло въ мірѣ уменьшается? Отвѣтъ на это

даютъ намъ наши тюрьмы и арестантскія роты, ежегодно переполняющіяся преступниками и постоянно увеличивающіяся въ своемъ количествѣ; отвѣтъ на это самымъ яснымъ образомъ представляетъ намъ наша совѣсть, нашъ ежедневный опытъ; послѣ ихъ свидѣтельства намъ вѣтъ даже надобности указывать ни на Сибирь, ни на Сахалинъ! Нѣтъ, бл. сл., зло въ мѣрѣ можетъ быть уменьшаемо только одною христіанскою жизнію, христіанскою любовію, нашимъ подражаніемъ Христу, Который и на землю сошелъ для того именно, чтобы побѣдить зло и насъ научить противиться ему,—Который не боялся того, что Его обличенія зла въ книжникахъ, фариसेяхъ и даже цѣломъ народѣ еврейскомъ повлекутъ для Него самую позорную и ужасную крестную смерть.

2. Второе правило, которымъ Толстой совѣтуетъ руководствоваться въ жизни, можетъ быть выражено такъ: *Не содѣйствуй злу!* Правило это, повидимому, не противорѣчатъ ни ученію Христа, ни здравому смыслу человѣческому. Но это только—*повидимому*. Ибо знаете ли вы, бл. сл., что Толстой разумѣетъ подъ словомъ *зло*? По его міровоззрѣнію, зло есть вообще *всякая* ассоціація, пожирающая, попирающая и уничтожающая личность каждаго отдѣльнаго человѣка, требующая отъ каждаго лица принесенія ей въ жертву собственныхъ интересовъ. Поэтому, коренное зло, какъ источникъ всякаго вообще зла и всѣхъ бѣдствій народныхъ, по Толстому, есть *государство*, потому, что оно есть высшая ассоціація, а отсюда—и всѣ отрасли государственной жизни суть только проявленія зла: войско и военная служба ¹⁾—зло, потому что онѣ содѣйствуютъ государству, этой высшей ассоціаціи, этому сильнѣйшему злу; школа ²⁾ во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ—отъ народнаго училища до академіи наукъ—зло по той же самой причинѣ; торговля и промышленность ³⁾, фабрики и заводы, гражданская администрація и суды, даже самыя благотворительныя общества ⁴⁾, человеко-

1) Соч. Толстаго т. XII, стр. 239, 147, 331, 153 и др.

2) Ibid. стр. 350, 372—445, 236—237.

3) Ibid. 330—332, 154.

4) Соч. Толстаго т. XII, стр. 256.

любивыя заведенія ¹⁾, больницы и богадѣльни, пріюты и воспитательные дома, всѣ виды общественнаго самоуправленія, — суть зло по той-же самой причинѣ, по тому-же самому отношенію къ государству. *Церковь Православная*, по ученію Толстаго ²⁾, есть даже сугубое зло, ибо съ одной стороны она сама есть *ассоціація*, а съ другой—она много содѣйствуетъ усиленію высшей государственной ассоціаціи. Жизнь семейную, бракъ христіанскій, какъ корень жизни общественной, какъ первоначальную основу государства, Толстой также объявляетъ зломъ и потому не скорбитъ ни сколько, если бы прекратилось даже и продолженіе рода человѣческаго ³⁾. Послѣ этого ясно для каждаго, какъ нужно понимать наставленіе Толстаго: *не содѣйствуй злу*. Т. е., не содѣйствуй вообще усиленію государства, въ частности—не содѣйствуй могуществу отечественнаго войска, не содѣйствуй школѣ и народному образованію, не содѣйствуй торговлѣ и промышленности, не поддерживай государственной власти и администраціи, не поддерживай благотворительныхъ учрежденій, не слушайся наставленій Православной Церкви, не дорожи семейною жизнью, христіанскимъ бракомъ...

Но «*кто не за насъ, тотъ противъ насъ!*» «Не содѣйствуй развитію государственной жизни» не то же ли, что — «стремясь къ разрушенію ея!» И Толстой не скрываетъ, что именно *такъ* нужно понимать его ученіе. Онъ уже нарисовалъ ⁴⁾ намъ и новый идеалъ, къ которому мы должны стремиться; онъ уже указалъ намъ и на то, что должно быть на мѣстѣ нашего нынѣшняго государства, которое, по его ученію, подлежитъ уничтоженію. Что же это такое? Парламентаризмъ?—Нѣтъ!—Республика?—Опять—нѣтъ! Что же, наконецъ? Простите, бл. сл., что мы не можемъ избѣжать здѣсь языка, которымъ говоритъ съ нашимъ народомъ самъ Толстой. На мѣстѣ теперешняго благоустроеннаго нашего государства Толстой

1) Ibid.

2) Соч. Толстаго «Церковь и Государство».

3) Соч. Толстаго «Крейцера Соната».

4) Соч. Толстаго т. XII, стр. 131—166.

хотѣлъ бы видѣть лишь «царство дураковъ»¹⁾, царство—безъ религіи, царство—безъ церкви, царство—безъ власти и государственной администраціи²⁾, царство—безъ городовъ и школъ, царство—безъ торговли и промышленности³⁾, царство—безъ денегъ и банковъ⁴⁾, царство—безъ войска и законовъ⁵⁾, царство—безъ умственнаго труда и техническихъ улучшеній⁶⁾ царство—безъ искусственныхъ путей сообщенія, царство—безъ права личной собственности⁷⁾, однимъ словомъ—царство безъ царства. Правда, въ этомъ царствѣ какимъ-то непонятнымъ образомъ отводится еще мѣсто царю, но лишь въ Толстовскомъ смыслѣ, ибо царь этого царства не имѣетъ надъ своими подданными никакой власти и никакого значенія, кромѣ одной собственной мускульной силы. Онъ можетъ повелѣвать своимъ подданнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой его собственная физическая сила можетъ ручаться ему за осуществленіе его распоряженій. Но если мускульная сила подданнаго превосходитъ силу царя, послѣдній теряетъ всякое значеніе. Чтобы попасть въ число подданныхъ этого царства, Толстой совѣтуетъ⁸⁾ своимъ послѣдователямъ обратиться сначала въ *дураковъ*, отказаться отъ «изученія грамматики, географіи, юридическихъ наукъ, стиховъ, повѣстей и романовъ, французскаго языка, фортепіанной игры, философскихъ теорій, военныхъ упражненій», всѣхъ этихъ, по его ученію, «праздныхъ и развращающихъ душу занятій», и взяться за соху, посвятить себя одному физическому труду...

Едва-ли нужно указывать на то, какая ужасная ложь лежитъ въ основѣ этого взгляда и какъ разрушительны эти идеи, проповѣдуемыя Толстымъ. Ассоціація или правильно организованное, на нравственныхъ началахъ поставленное общество не только не есть зло само по себѣ, а напротивъ---

1) Ibid. стр. 152.

2) Ibid. стр. 151.

3) Ibid. стр. 159.

4) Ibid. стр. 151—159.

5) Ibid. стр. 158.

6) Ibid. стр. 159—164.

7) Ibid. стр. 151.

8) Соч. Толстаго т. XII. стр. 427.

есть единственная сфера, среди которой только и возможна нравственная, духовная жизнь человѣка. Безъ общества себѣ подобныхъ человѣкъ жить бы не могъ, онъ одичалъ бы, онъ существовалъ бы развѣ въ видѣ какого-то автомата. *«Не добро быти чловѣку единому»* — эти слова Божіи лежатъ и въ глубинѣ самаго существа нашего, это — основной психологическій законъ нашего развитія. Даже до-христіанскіе мыслители, изучавшіе человѣческую природу, прекрасно знали эту истину, почему и самаго человѣка опредѣляли, какъ *«существо общественное»* (Аристотель). Христосъ возвысилъ нравственное значеніе общества, указавъ на служеніе ему, какъ на высшее выполненіе заповѣди о любви къ ближнему, и заповѣдавъ намъ ради служенія обществу забывать свои личные интересы, свои эгоистическія стремленія. Правда, эта заповѣдь Христа тяжела для нашей природы, испорченной грѣхомъ. Нашъ эгоизмъ не позволяетъ намъ съ истиннымъ самопожертвованіемъ служить государству. Въ этомъ отношеніи опять справедливо будетъ сказать, что и безъ Толстаго мы живемъ по Толстому. Поэтому-то его міровоззрѣніе такъ и любезно нашему сердцу: оно потакаетъ нашимъ эгоистическимъ стремленіямъ, оно оправдываетъ дурное поведеніе людей. Нѣтъ порока, нѣтъ преступленія, котораго сталъ бы страшиться человѣкъ, усвоившій себѣ это міровоззрѣніе. Казнокрадство, банковскія хищенія, земскія растраты, преступное равнодушіе государственныхъ чиновниковъ къ своимъ обязанностямъ, — все это теперь находитъ для себя оправданіе въ ученіи Толстаго. И до Толстаго были казнокрадства; но тогда, по крайней мѣрѣ, казнокраду не давала покоя его совѣсть; а теперь онъ съ хладнокровіемъ стойка можетъ сказать ей: *«Что ты терзаешь меня, беспокойная? Ты спроси Толстаго: вѣдь не зло, а добро я дѣлаю, расхищая казну и такимъ образомъ обезсиливая государство, это сильнѣйшее зло въ мірѣ!...»* А у Толстаго самъ царь успокаиваетъ совѣсть вора словами: *«Ну, чтожъ, что укралъ! значить, — ему нужно»* ¹⁾.

¹⁾ Соч. Толстаго, т. XII, стр. 151.

Дитя малое пойметъ, какими ужасными бѣдствіями, какими страшными разрушеніями грозитъ это ученіе нашему обществу; а мы смотримъ на него безучастно; мы не противимся этому злу, какъ того и хочетъ отъ насъ Толстой. Гдѣ же причины этого преступнаго нашего равнодушія, даже болѣе—нашего увлеченія идеями Толстаго?—Причины эти заключаются, какъ мы видѣли, прежде всего въ томъ, что міровоззрѣніе Толстаго потакаетъ нашимъ слабостямъ, оправдываетъ наше дурное поведеніе; затѣмъ — въ отсутствіи въ нашемъ обществѣ истинной свободы мышленія; вѣдь наша мысль еще и теперь находится въ ужасномъ рабствѣ: говоритъ *Толстой*, общепризнанный великій *поэтъ* (хотя самый незначительный *мыслитель*), и мы внимаемъ ему, какъ пророку; но кто станетъ отрицать, что если бы тоже самое заговорилъ кто-либо другой, не завладѣвшій еще нашими умами, не крѣпостникъ нашей мысли, — мы его не стали бы и слушать? А между тѣмъ Толстой знаетъ, что дѣлаетъ. Сказать правду,—онъ даже и не особенно интересуется людьми мыслящими, которые бы могли сознательно относиться къ его ученію. Онъ знаетъ, какъ неустойчивы взгляды и нравственные принципы нашей «интеллигенціи»; онъ знаетъ, что достаточно бросить ей какую-нибудь «Крейцерову Сонату», чтобы окончательно потрясти ея и безъ того распаленную семейную жизнь; онъ знаетъ, что достаточно дать нашимъ такъ называемымъ «мыслящимъ людямъ» въ руки такую книжку, какъ «Въ чемъ моя вѣра?» или лже-«Евангеліе», чтобы они, и безъ того никогда не имѣвшіе живой вѣры въ Бога и привязанности къ Церкви, пошли за нимъ безотвѣтною толпою; людей же, мыслящихъ дѣйствительно самостоятельно, Толстой вообще не любитъ и, повидимому, не надѣется даже имѣть ихъ когда либо въ числѣ своихъ послѣдователей.

Въ минуту откровенности онъ даже печатно заявилъ ¹⁾, что ему нужны послѣдователи не мыслящіе, а народная масса, «полусознательно, полу-на-вѣру» и даже «только на вѣру признающая» его ученіе. Онъ вообще не цѣнитъ умственной

1) Соч. Толстаго т. XII, стр. 455—456.

силы ¹⁾, ему нужна сила физическая, сила стихійная, способная слѣпо идти за своимъ жожакомъ и безотчетно разрушать все, попадающее ей на пути. Онъ гоняется не столько за интеллигентными людьми, сколько за простымъ народомъ. Объ этомъ ясно говорить все и въ его дѣятельности, и въ самыхъ приемахъ его пропаганды. Зачѣмъ, на примѣръ, онъ надѣлъ на себя и на своихъ апостоловъ крестьянскій армякъ и простые сапоги и взялся за крестьянскій топоръ или соху? Исключительно — для сближенія съ простымъ народомъ! Для болѣе удобнаго вербованія его!... Свои идеи онъ распространяетъ также не въ ученомъ изложеніи, а главнымъ образомъ — въ видѣ простонародныхъ сказокъ и легендъ ²⁾, доступныхъ вполнѣ для пониманія крестьянъ, и своимъ художественнымъ изложеніемъ усыпляющихъ у читателей способность различенія добра отъ зла. Онъ подходитъ къ нашему народу съ истинно сатанинскою хитростію.

Чтобы не испугать его всею мерзостію своего міровоззрѣнія, его разрушительною силою, онъ не раскрываетъ его сразу во всей его наготѣ и очевидности, а вводитъ его въ сознаніе нашего общества лишь по частямъ, съ перерывами, — въ одной сказкѣ проведетъ одну мысль, въ другой — другую, въ подпольномъ изданіи — третью; а чтобы сбить съ толку своихъ читателей, онъ иногда издаетъ и рассказы, написанные въ христіанскомъ духѣ ³⁾, такъ что человекъ, прочитавшій только одни эти рассказы, будетъ даже недоумѣвать, за что можно нападать на Толстаго. Обладая змѣиною хитростію, Толстой начинаетъ свою пропаганду не прямымъ указаніемъ на государство, какъ на корень зла, какъ на источникъ всѣхъ бѣдствій, постигающихъ крестьянина, а лишь указаніемъ на зло, временно проявляющееся въ урядникахъ, становыхъ приставахъ, исправникахъ, священникахъ, войнѣ ⁴⁾ и воинской повинности ⁵⁾, государственныхъ податяхъ ⁶⁾, крупномъ зе-

1) Ibid. стр. 160—164, 268—351, 372—457.

2) Соч. Толстаго т. XII, стр. 121—167, 188—221.

3) Соч. Толстаго, т. XII, стр. 3—114.

4) Ibid. стр. 239, 147 и др.

5) Ibid. стр. 156, 157, 158.

6) Ibid. стр. 151.

млевладѣніи ¹⁾, раздѣленіи труда ²⁾, убѣждаетъ не бояться суда и наказаній, такъ какъ ссылка на поселеніе является благодѣяніемъ будто бы даже и для самыхъ министровъ ³⁾ и т. д. Чтобы завлечь только простой народъ Толстой вступаетъ иногда даже въ явное противорѣчіе съ своимъ собственнымъ міровоззрѣніемъ; такъ, онъ объявилъ, что „*деньги зло сами по себѣ*“ ⁴⁾ поэтому казалось бы, что подати, какъ избавленіе отъ этого „*зла*“, слѣдовало бы признать добромъ, имѣющимъ право на существованіе; но Толстой, зная, какъ народъ тяготится этою обязанностію, объявляетъ подати зломъ, которое не должно имѣть мѣста ⁵⁾.—У народа еще сильна вѣра во Христа, Церковь, слово Божіе,—и Толстой не говоритъ ему сразу, что, по его ученію, Христосъ—простой человѣкъ, а Церковь—зло; напротивъ, — онъ подступаетъ къ нашему простому народу съ истинно адскою лестію. Подобно діаволу, искушавшему Христа въ пустынѣ, онъ даетъ въ руки народа свои сказки и легенды не иначе, какъ съ длинными эпиграфами изъ Св. Писанія ⁶⁾, а самый рассказъ ведетъ даже какъ бы въ духѣ церковнаго благочестія. Удивительно ли послѣ этого, что народъ толпами идетъ за нимъ; а онъ старается лишь о томъ, какъ бы этихъ несчастныхъ *взрослыхъ младенцевъ* завести подальше въ пустыню, изъ которой для нихъ уже не было бы возврата?

Но что ожидаетъ, бл. сл., наше отечество, если это зло не будетъ пресѣчено нынѣ, а разольется, какъ море, по всему обширному пространству Россіи? Сколько бѣдъ принесетъ оно? Какія разрушенія оно произведетъ! Но да не будетъ этого! Милосердый Господь не прогнѣвается на васъ до конца!

Благочестивѣйшій Государь нашъ есть основаніе нашей надежды, что это зло будетъ пресѣчено своевременно. Его

1) Ibid. стр. 190.

2) Ibid. стр. 372—445, 350.

3) Ibid. стр. 444.

4) Соч. Толстаго, т. XII, стр. 344—346, 257.

5) Ibid. стр. 160.

6) Ibid. стр. 5, 35, 55, 69, 192, 213, 221.

горячая вѣра въ Бога, Его преданность Православной Церкви, Его любовь къ своему народу извѣстны не намъ только, Его вѣрноподданнымъ, но всему образованному міру,— и эти свойства Его духа служатъ для насъ ручательствомъ, что блага нашего отечества вручены Господомъ въ могучую десницу. Но и мы всѣ не можемъ оставаться равнодушными къ развращенію нашего народа лжеученіями противными Церкви и государству. На обязательность и силу клятвы не распространяется никакая давность; а въ этотъ именно день мы давали торжественную клятву Богу быть вѣрными слугами своего Государя, ревностными исполнителями Его державной воли и мудрыхъ предначертаній. Поэтому и мы всѣ должны вступить въ единодушную борьбу со зломъ, угрожающимъ нашему отечеству. Какъ христіане, мы не можемъ считать себя не подготовленными или застигнутыми врасплохъ лжеученіями, подобными лжеученію Толстаго. О нихъ предсказалъ своимъ послѣдователямъ еще Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Именно, — незадолго до Своей смерти Онъ говорилъ Своимъ ученикамъ: „если кто скажетъ вамъ: вотъ здѣсь Христосъ, или тамъ, не вѣрьте. Ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки... чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ“ (Мѡ. XXIV, 23—24). Подобно сему наставляетъ насъ и апостоль Христовъ, св. Павелъ, говоря: „лжеапостолы, лукавые дѣлатели, принимаютъ видъ апостоловъ Христовыхъ. И не удивительно; потому что самъ сатана принимаетъ видъ ангела свѣта. А потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды“ (2 Кор. XI, 13—15). „Но если бы даже мы, или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѡема. Какъ прежде мы сказали, такъ и теперь еще говорю: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѡема“ (Гал. I, 8, 9).—Аминь.

Свящ. Т. Буткевичъ.

МЫСЛИ

0

ВОСПИТАНІИ ВЪ ДУХЪ ПРАВОСЛАВІЯ И НАРОДНОСТИ.

(Продолженіе *).

IV.

Дѣтскіе годы.

Бога бойтеса, Царя чтите (Пос. Петр. I, 11—17)

Бояйся Господа, приметъ наказаніе (Кн. Премудр. Ис. сына Сирах. XXXII, 17).

Всяка премудрость имя Господа и съ тѣмъ есть во тѣхъ. (Тамъ-же I, 1).

Страхъ Господень, яко—рай благословенія (Тамъ-же XL, 28).

Въ дѣтскіе годы полагается основаніе для здоровья ребенка физическаго и духовнаго.

Для физическаго здоровья необходимы: чистый воздухъ, здоровая пища, теплое и сухое помѣщеніе, купанье, чистота, движеніе, даже бѣготня. Такъ какъ о физическомъ воспитаніи и о гимнастикѣ много писано, то мы не станемъ дѣлать выписокъ и повторять столько разъ говоренное, тѣмъ болѣе, что физическое воспитаніе вѣрнѣе назвать возвращеніемъ, а не воспитаніемъ.

Мы обратили вниманіе лишь на самое главное и существенное для здоровья ребенка. Присоединимъ къ этому желаніе, чтобы дѣтей одѣвали свободно, не въ узкіе костюмы, сообразно полу, возрасту и времени года, чтобы не слишкомъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 3.

увлекались развившимся въ послѣднее время стремленіемъ приучать дѣтей къ холоду, вода ихъ чуть не съ голыми ногами. Нашъ суровый климатъ требуетъ большаго береженія, большей теплоты. Не нужно слишкомъ укутывать дѣтей, что, конечно, располагаетъ къ простудѣ, но не слѣдуетъ и слишкомъ раздѣвать ихъ даже въ холодное время. Во всемъ нужно соблюдать мѣру, а при возвращеніи нѣжнаго дѣтскаго организма соблюденіе мѣры болѣе всего необходимо. Нельзя же въ суровомъ климатѣ одѣвать дѣтей такъ, какъ одѣваютъ въ Италіи; а нельзя не сознаться, что костюмы нашихъ дѣтей въ холодные вѣтренные осенніе дни порою производятъ невольную дрожь: на нихъ смотря, холодно становится, а каково-то имъ, бѣдняжкамъ. И все дѣлается ради моды, чтобы какъ нибудь не погрѣшить противъ этой властительницы надъ слабостями человѣческими. Посмотрите: холодный осенній день, рѣзкій вѣтеръ такъ и продуваетъ насквозь, благоразумные люди надѣваютъ теплое пальто съ мѣховымъ воротникомъ, а крошку дѣвочку ведутъ въ коротенькомъ, можетъ быть и ватпомъ, платьицѣ, въ чулочкахъ, чуть не ажурныхъ, и туфляхъ на высокихъ каблучкахъ, а съ ней идетъ мальчикъ, одѣтый почти дѣвочкой и также легко, воздушно. Посинѣли бѣдные дѣтки, а идутъ чинно, подъ надзоромъ, не допускающей ничего шокирующаго, англичанка.

Не кутайте ребенка, но одѣвайте его тепло, сообразно съ временемъ года и съ климатомъ мѣстности, гдѣ вы живете, вотъ правило здоровой педагогики.

«Рано ложиться, рано вставать, спать не болѣе 8 часовъ. Дѣти должны спать на матрацахъ, а не на перинахъ. Не слѣдуетъ пичкать ихъ лекарствами, особенно предохраняющими отъ болѣзней. Не слѣдуетъ призывать врача изъ за всякой мелочи» (Локе. 1632—1704 г.).

Не лишнимъ считаемъ сдѣлать замѣтку относительно хожденія ребенка. Здѣсь, по нашему мнѣнію, не должны имѣть мѣста искусственные способы, въ родѣ самокатокъ, которыя передвигаютъ ребенка сами, безъ усилія съ его стороны. Едва ли такіе способы приучаютъ къ хожденію способствуютъ здоровью ребенка. Пусть лучше дитя выучивается ходить само

указанными природѣ способами, которые составляютъ естественную дѣтскую гимнастику; при этомъ нужно только наблюдать за ребенкомъ и остерегать его благовременною помощію отъ тяжелыхъ паденій. Естественнымъ путемъ научившійся ходить ребенокъ гораздо тверже держится на ногахъ и смѣлѣе ходитъ.

А какое удовольствіе родителямъ доставляютъ первая улыбка ребенка, первый лепетъ дорогихъ для отца и матери словъ: папа и мама и первое его самостоятельное хожденіе. И съ какимъ удовольствіемъ самъ ребенокъ пользуется приобрѣтеннымъ имъ умѣньемъ ходить, и какъ осторожно какъ-то подобравшись, сложивши ручки крѣпко-крѣпко, какъ будто держась ими за себя самого, совершаетъ дитя свое первое кругосвѣтное путешествіе по комнатѣ.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ родители этихъ важныхъ въ жизни ребенка моментовъ.

Теперь обратимся къ нравственному воспитанію.

Для каждаго человѣка дорого свое родное, съ чѣмъ онъ сжился съ пеленокъ. Для каждаго народа дороги тѣ особенности, которыя составляютъ его самобытность и самостоятельность, его народность, которыя укрѣпляются въ народѣ, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію. Каждый народъ воспитывается въ духѣ своей народности. Римское воспитаніе, подобно духу народному, велось иначе, чѣмъ воспитаніе греческое: у грековъ дѣти Іонійскаго племени воспитывались иначе, чѣмъ дѣти племени Дорійскаго.

Въ душѣ человѣческой, кромѣ общихъ всѣмъ людямъ свойствъ, есть свойства частныя, изъ совокупности которыхъ и складывается народность. Намъ, русскимъ, дорога наша чистая вѣра, источникъ нашего здравомыслія, дорога наша воспитательница и руководительница православная церковь со всею ея богослужебною обстановкою; нашимъ сердцамъ пріятны и близки и колокольный звонъ, и священныя пѣснопѣнія, и даже церковно-славянскій языкъ, хотя нашъ теперешній языкъ и далеко отступилъ отъ него, — со всѣмъ этимъ мы сжились, сроднились съ дѣтства.

Воспитаніе русскаго ребенка должно стоять твердо на

исконныхъ народныхъ началахъ. Православная Русь наша искони была богобоязненною и царелюбивою. Этими принципами она была крѣпка и могуча, эти принципы спасли ее отъ сильныхъ враговъ вѣшнихъ и внутреннихъ. Послѣ тяжкихъ бѣдствій она, много страдальная, выходила, благодаря этимъ свойствамъ народа, цѣлою и невредимою, возрождалась изъ пепла своихъ городовъ какъ фениксъ. Богобоязненность и царелюбіе—основныя русскія начала; на нихъ и должно соиздаться воспитаніе русскаго ребенка. *Бога бойтеся, Царя чтите*, вотъ что должно быть основнымъ правиломъ русскаго воспитанія. Страхъ Господень и беззавѣтную любовь и преданность Царю слѣдуетъ положить въ основу воспитанія: въ этихъ народныхъ началахъ слѣдуетъ вести русскаго ребенка твердо и неуклонно съ самыхъ пеленокъ до лѣтъ возмужалости. Русскому сердцу дороги святыя иконы, переходящія отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ, какъ лучшее драгоценное наслѣдіе; намъ дорого крестное знаменіе, съ которымъ чисто русскій человѣкъ приступаетъ ко всякому дѣлу; мы съ любовью привыкли смотрѣть на изображеніе русскаго царя, этого, по русскому исконному вѣрованію, помазанника Божія.

Поэтому первыми предметами въ дѣтской комнатѣ должны быть образъ Спасителя и портретъ царствующаго государя; первыми словами, которымъ обязана учить его мать, какъ только ребенокъ станетъ говорить, должна быть соединенная съ крестнымъ знаменіемъ молитва: «Спаси, Боже, Царя, папу и маму».

Богъ всевидящій, для Котораго нѣтъ тайны, Который знаетъ не только всѣ наши дѣла, но и помышленія, и Царь дорогой, любимый, который любитъ насъ и мы его, вотъ съ кѣмъ прежде всего долженъ быть ознакомленъ ребенокъ, вотъ къ кому должны быть обращены первыя его мысли, вотъ кто долженъ быть регулятивомъ его дѣйствій. Богъ долженъ стоять передъ ребенкомъ, какъ живое лице, въ ореолѣ святости, всевѣдѣнія и всемогущества. Рано ребенокъ долженъ узнать, что Богъ сотворилъ все и всѣхъ, и все, что живетъ и движется, держится Его всемогущею силой, обо всѣхъ и обо всемъ Онъ печется, всѣхъ и все Онъ знаетъ, отъ Него скрыться нельзя:

Онъ вездѣ присутствуетъ и все видитъ. «Богъ увидитъ, Богъ узнаетъ». вотъ что должно останавливать ребенка отъ лжи, скрытности, отъ всего дурного, что запрещено ему отцемъ и матерью, которые, конечно, должны требовать отъ ребенка одного и того же,—это непремѣнное правило воспитанія. Царь да стоять передъ ребенкомъ, какъ живой, свѣтлый образъ отца, любящаго свой народъ, котораго всѣ его подданные, отъ мала до велика, должны любить отъ всего сердца, ежедневно утромъ и вечеромъ молиться объ его здоровьи, и котораго всѣ, и старъ, и малъ, обязаны безпрекословно слушаться,---такъ повелѣлъ Богъ, и такъ велитъ любовь къ Царю. «Ты любишь и слушаешься папу и маму, а папа и мама любятъ и слушаются Царя, и ты долженъ любить и слушаться Царя всегда, во всемъ и молиться о немъ каждый день, утромъ и вечеромъ». Слово Царя законъ, вотъ что должно быть внушаемо ребенку словомъ и примѣромъ родителей. Доступно ли ребенку такое внушеніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приведемъ фактъ изъ дѣтской жизни. Ребенокъ, очень любящій, какъ и всѣ дѣти, слушать сказки, приходитъ въ комнату отца и проситъ: «папа, расскажи сказку». Отецъ, въ это время сидѣвшій за письменнымъ столомъ, отвѣчаетъ: «нельзя мнѣ тебѣ рассказывать сказки, мой мылый: Царь (указываетъ на портретъ Царя) приказалъ мнѣ писать; за это Царь даетъ мнѣ жалованье, деньги, на которыя я покупаю мамѣ и тебѣ (пересчитывается для наглядности, что именно). Какъ же я не послушаю Царя, брошу дѣло и стану сказывать тебѣ сказки? Царя нужно слушаться». И ребенокъ, внимательно выслушавъ слова отца, уходитъ отъ него серьезный, идетъ къ мамѣ, и когда мать спрашиваетъ.—Что папа?—дѣтя отвѣчаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: «папа пишетъ, ему Царь писать велѣлъ».

Иные полагаютъ, что мысль о Богѣ—слишкомъ отвлеченная мысль для ребенка.—Выводъ изъ такого положенія ясенъ; стало быть, говорятъ они, о Богѣ ребенку говорить не слѣдуетъ. Какъ они ошибаются. Для ребенка все живетъ, дышетъ, чувствуетъ и говоритъ. Его живое воображеніе влагаетъ жизнь даже въ бездушные предметы, и онъ увѣренъ, онъ даже видитъ, что они живутъ, и обижается, если большіе

не видятъ того, что онъ видитъ. Памятенъ мнѣ одинъ случай. Бойкій и живой трехлѣтній мальчикъ неустанно болталъ ногами, сидя верхомъ на стулѣ, онъ, видите, ѣхалъ въ Москву. Но вдругъ замолкъ на минуту, на лицѣ его изобразилась серьезная дума.. Онъ бѣжитъ въ дѣтскую, приноситъ оттуда большой гуттаперчевый мячикъ, снова садится верхомъ на стулъ, беретъ въ одну руку веревочку, которою онъ еще раньше осѣдлалъ стулъ, другою рукою съ силою бросаетъ мячъ на полъ, мячикъ запрыгалъ, а дитя съ восторгомъ посматривалъ на него и, подергивая веревку, покрикивалъ но—но. «Что это, Ваня, у тебя мячикъ-то упалъ на полъ», замѣтилъ отецъ. Мальчикъ остановился, съ укоромъ посмотрѣлъ на отца, и чуть не со слезами въ голосѣ сказалъ: «мячикъ, какой мячикъ, папа, это жеребенокъ прыгаетъ за своей мамой». Изъ отвѣта ребенка ясно, что онъ живо вообразилъ, что стулъ дѣйствительная лошадь, а мячъ—жеребенокъ, прыгающій около своей мамы, вообразилъ сцену, которую такъ часто случалось ему видѣть въ деревнѣ. При такомъ живомъ воображеніи, ребенку все доступно, для него всякая бездушная вещь, всякое отвлеченное, повидимому, понятіе облекается въ плоть и кровь, дышетъ, живетъ и движется. Что отвлеченнѣе, повидимому, понятія о всевѣдѣніи Божиѣмъ, а оно доступно ребенку, доступно въ самой живой, образной формѣ. Приведу въ примѣръ сценку изъ дѣтскаго быта. Малютка братъ 2¹/₂ лѣтъ и сестра 3¹/₂ сидятъ на маленькихъ стуликахъ около маленькаго дѣтскаго столика, передъ ними игрушечный чайный приборъ. Сестра наливаетъ брату будто бы чай, а въ сущности, какъ они сами говорятъ, пустую чашку. Братъ серьезно беретъ чашечку и пьетъ. Выпиваетъ онъ одну чашку, другую. Хочешь еще? спрашиваетъ сестра, бѣлокурая, необыкновенно бойкая и предприимчивая дѣвочка. Хочу, отвѣчаетъ братъ, серьезный, нѣсколько неповоротливый мальчикъ, дай. Но въ это время на бойкую дѣвочку стихъ нашель: она, говоря ея словами, распакизничала: «не дамъ, отвѣчаетъ она брату». Маша, дай, проситъ тотъ. «Не дамъ, говорю, не дамъ, полно». Мальчикъ горько заплакалъ и пошелъ жаловаться матери: Мама, Маша мнѣ чаю не даетъ. Маша, обращается къ

дѣвочкѣ мать, что ты не даешь чаю Оедѣ? Маша нашла причину: «онъ у меня ведро взялъ». Нѣтъ, мама, это мое ведро, оправдывается мальчикъ. Маша свое ведро потеряла. «Нѣтъ, ты потерялъ свое, а мое взялъ, возражаетъ сестра и при этомъ схватываетъ ведро, это мое ведро». «Мама, вели ей отдать ведро», снова заплакалъ Оедя. Маша, отдай ему ведро сейчасъ, строго говоритъ мать, вѣдь это его ведро. Маша съ ведромъ въ рукѣ вдругъ выступаетъ два шага впередъ къ образу и, поднимая рученку съ ведромъ вверхъ, говоритъ твердымъ убѣжденнымъ голосомъ: «Богъ видитъ, Богъ знаетъ что это мое ведро. На, возьми». И отдаетъ ведро брату.

Другой примѣръ тонкости пониманія ребенка. Ходитъ наша знакомка Маша съ своимъ папой рука въ руку по саду и осыпаетъ отца вопросами: то (указывая на дерево), откуда? То (указывая на цвѣтокъ), откуда? То (указывая на траву), откуда? и т. д. На всѣ вопросы получаетъ одинъ отвѣтъ: отъ Бога—Богъ создалъ. «Все Богъ создалъ»? спрашиваетъ дѣвочка.—Все.— «А свѣтъ кто, а солнце?» И свѣтъ, и солнце Богъ создалъ. А было когда-нибудь, что свѣта не было, солнца не было? Да, было такое время. Маша вдругъ блѣднѣетъ, и съ испугомъ вскрикиваетъ: «Папа, да что-жъ это такое было тогда—мракъ, ужасъ». Вотъ до какой мысли, до мысли о хаосѣ, предшествовавшемъ созданію міра, можетъ додуматься ребенокъ. Какъ ему можетъ быть недоступно понятіе о живомъ, всевѣдущемъ и всемогущемъ Богѣ, если величавый образъ этого живого Бога съ раннихъ дней поставятъ предъ нимъ, если каждое утро и каждый вечеръ ребенокъ видитъ, какъ отецъ и мать съ сердечною молитвою благоговѣйно обращаются къ этому Богу, если каждое утро и каждый вечеръ его учатъ складывать ручки и молиться этому всемогущему Богу, Который все создалъ, все подаетъ, безъ творческой силы Котораго не было бы ни этихъ свѣтлыхъ звѣздъ съ луною, ни этого яснаго, голубого, безоблачнаго неба, ни этого ярко блестящаго солнца, ни этихъ привлекающихъ взоры зеленыхъ деревьевъ и травъ, ни этихъ пестрыхъ, красивыхъ, благоуханныхъ цвѣтовъ, а былъ бы только «мракъ и

ужась». Ни одна идея не близка такъ сердцу ребенка, какъ идея о Богѣ Творцѣ, все сотворившемъ и все въ своей рукѣ содержащемъ.

Дѣтская вѣра — самая чистая, не затуманенная никакимъ размышленіемъ вѣра. Эта вѣра, о которой такъ глаголетъ Господь: *«Имѣйте вѣру Божию. Аминь бо глаголю вамъ, яко, иже аще речетъ гортъ сей: двинися и верзися въ море: и не размыслитъ въ сердцѣ своемъ, но вѣру иметъ, яко еже глаголетъ бываетъ будетъ ему, еже аще речетъ»* (Ев. отъ Марка, гл. XI, 23). *«Сего ради глаголю вамъ вся, елика аще молящися просите, вѣруйте, яко приѣмлетъ, и будетъ вамъ»* (тамъ же, 24). Не даромъ народъ нашъ говоритъ: дѣтская молитва доходна къ Богу. Что идея о Богѣ доступна дѣтскому, если не разумѣнію, то сердцу; это, по нашему мнѣнію, несомнѣнно и изъ слѣдующихъ словъ Спасителя: *«Аще не обратитесь и будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное. Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть велиій во царствіи небесныхъ»* (Еванг. отъ Матѣ. гл. XVIII, 3—4). *«Блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко ангели ихъ въ ны видятъ лице отца моего небеснаго»* (тамъ же, 10). Ангель ребенка, всегда видящій лице Отца нашего небеснаго, вѣруемъ, влагаетъ въ душу ребенка живой образъ Божій, такъ что ребенокъ скорѣе взрослога: уразумѣетъ сердцемъ чистымъ и смиреннымъ, *«яко очи Господни тмами темъ кратъ свѣтлѣйшии солнца суть, прозирающіи вся пути человѣческія и разсматривающіи въ тайныхъ мѣстѣхъ. Прежде неже создана быша вся, угодна ему»* (Кн. Премудр. Иисуса сына Сирахова гл. XXIII 27—30).

Итакъ, отецъ и мать, смѣло и постоянно говорите ребенку своему о Богѣ милосердомъ, всемогущемъ и всевѣдущемъ: ребенокъ воспріиметъ ваши слова и глубоко въ сердцѣ своемъ сохранитъ ихъ на всю жизнь. Помните: корень премудрости, *«еже боятися Господа, и отвѣтъ ея долгоденствіе»*. (Кн. Премудр. Иисуса сына Сирахова, гл. I, 20).

Родители желаютъ, конечно, чтобы ребенокъ ихъ былъ уменъ, а *«всякая премудрость отъ Господа и съ Нимъ есть во всякъ»* (Ис. сынъ Сирах., гл. I, 1). Потому-то и Соломонъ прежде всего и паче всего просилъ у Бога разума и премудрости.

«Сего ради помолихся, и данъ бысть мнѣ разумъ; призвахъ, и прииде на мя Духъ премудрости. Предсудихъ ю паче скиптрова и престолова и богатство ничто же вмѣнихъ къ сравненію тоя. Ниже уподобихъ ея камню драгоцѣнному, яко все злато предъ нею песокъ малый, и яко брѣніе вмѣнитъя предъ нею сребро». (Кн. Премудр. Соломона гл. VII, 8—10). Просите и вы, отецъ и мать, для ребенка своего разума и премудрости, которая предохранитъ его отъ всякаго зла и дастъ ему долгоденствіе.

Съ самаго начала слѣдуетъ вести ребенка систематически и строго, чтобы не его воля преобладала надъ волею отца и матери и руководила ихъ поступками, а наоборотъ, чтобы воля и приказанія отца и матери были закономъ для ребенка. Онъ долженъ привыкнуть безпрекословно повиноваться волѣ родителей, и всѣ свои поступки и дѣйствія сообразовать съ ихъ волею. Для этого нужно, чтобы руководила ребенка одна воля, чтобы онъ велся въ одномъ направленіи. А для этого совершенно необходимо, чтобы воля отца была и волею матери, чтобы приказаніе матери было и приказаніемъ отца, чтобы отнюдь не было ни малѣйшаго противорѣчія въ распоряженіяхъ отца и матери. Между отцемъ и матерью ребенка должно быть все заранѣе условлено относительно того, какъ вести дитя и чего отъ него требовать, и ихъ взаимное условіе должно быть свято всегда соблюдаемо. Главнымъ и непремѣннымъ правиломъ разумнаго воспитанія должно поставить безпрекословное послушаніе ребенка отцу и матери.

«Сынъ бо быхъ и азъ отцу послушливый и любимый предъ лицемъ матери, иже глаголаша и учиша мя: да утверждается наше слово въ твоёмъ сердцѣ: храни заповѣди, не забывай, стяжи премудрость, стяжи разумъ: не забуди, ниже презри реченія моихъ устъ, ниже уклонися отъ глаголъ устъ моихъ». (Книга Притчей Соломоновыхъ гл. IV, 3—5). «Слушай, сыне, отца твоего наказанія, да мудръ будещи въ послѣдняя твоя». (Кн. Притч. Соломон. гл. XIX, 20). «Чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сіе бо есть праведно. Чти отца твоего и мать, яже есть заповѣдь первая въ обѣтованіи: да благо ти будетъ и будещи долготѣтенъ на земли». (Ап. Пав. къ Ефес. гл. VI, 1—4).

«Не должно исполнять прихоти дѣтей, говоритъ Локе, а слѣдуетъ прежде всего приучить ихъ къ безусловному повиновенію, а потомъ, съ годами, къ свободѣ, такъ чтобъ они изъ послушныхъ дѣтей сдѣлались друзьями». Родители, которые изъ любви къ ребенку, дозволяютъ ему все, что его душенькѣ угодно, которые хвалятся тѣмъ, что «дитя у насъ деспотъ въ домѣ, что хочетъ съ нами, то и дѣлаетъ», такіе родители угліе огненное собираютъ на главу свою и на главу своего ребенка. Себѣ они воспитываютъ деспота и мучителя, ребенку приготавливаютъ самую плачевную участь: При первомъ шагѣ изъ родного дома ребенокъ, деспотъ родителей, рискуетъ получить не только противорѣчіе своей волѣ, но и прямое противодѣйствіе своимъ прихотямъ, а это для него — горе и слезы. И сколько горя и слезъ ждетъ такого ребенка въ его дѣтствѣ. Какое жалкое, несчастное существо выйдетъ изъ него впоследствии! Много приходилось намъ, на своемъ вѣку, видѣть подобныхъ избалованныхъ родителями до-нельзя дѣтей. Они по истинѣ были печалью родителей и въ тягость себѣ самимъ. *«Конь неукротимый свирѣпъ бываетъ, и сынъ самовольный прoderзъ будетъ»*. (Кн. Премудр. Иисуса сына Сирахова гл. XXX, 8). За примѣрами далеко ходить нечего: они у всякаго передъ глазами: къ сожалѣнію, баловство родителей — не рѣдкость. Избалованныя дома, дѣти и въ школу вносятъ нежелательные элементы. Они постоянно недовольны и начальниками, и учителями, и товарищами, жалуются родителями, которые, привыкши смотрѣть глазами и слышать ушами своихъ милыхъ дѣточекъ, поднимаютъ иногда дымъ коромысломъ, всею силою своего несправедливаго негодованія обрушиваясь на мнимую виновницу — школу, которая у нихъ всегда и во всемъ виновата, а дѣти ихъ правы. Не найдя школы по себѣ, баловники-юноши остаются недорослями весь свой вѣкъ и входятъ въ ряды такъ называемыхъ неудачниковъ, вредныхъ и для семьи, и для общества, и для государства.

Баловство дѣвочекъ принимаетъ еще иную, обусловливаемую поломъ, окраску. Кромѣ исполненія всѣхъ прихотей своей «красавицы дѣвочки». баловники родители всѣ силы

употребляютъ на то, чтобы понаряднѣе, повычурнѣе, позыщнѣе одѣть своего милаго ребенка. Модные журналы перелистываются тщательно состоятельными родителями, подбираются лучшіе, подороже костюмы, болѣе выставяющіе на поглядѣнне бѣлое, нѣжное тѣльце ребенка, и въ такихъ костюмахъ ребенокъ вывозится на гулянья, на дѣтскіе вечера, елки, балы и даже въ театры, въ эту совершенно несоотвѣтствующую ему сферу, гдѣ нерѣдко бѣдный ребенокъ засыпаетъ въ своемъ богатомъ нарядѣ. Не понимаютъ, повидимому, родители, какимъ растлѣвающимъ путемъ ведутъ они воспитаніе своей любимой дѣвочки, какія вредныя сѣмена тщеславія, себялюбія, гордости, страсти къ непомѣрной роскоши влагаютъ они въ душу ребенка, отравляя тѣмъ жизнь его навсегда. *«Дщерь, говоритъ Исусъ сынъ Сираховъ (глава XLII—9), отцу сокровенно бдѣніе, и попеченіе о ней отгоняетъ сонъ: въ юности своей да не когда презрѣетъ, и сожительствовавши съ мужемъ да не когда возненавидѣна будетъ»*. Отгоняетъ ли отъ васъ сонъ, отцы и матери, сокровенное бдѣніе и попеченіе о дочеряхъ вашихъ? Или вы заботитесь лишь о томъ, какъ бы понаряднѣе и пооткровеннѣе одѣть ихъ.

Не отъ слабаго ли, потворствующаго дѣтямъ и съ младыхъ ногтей извращающаго ихъ воспитанія происходятъ тѣ безотрадныя явленія, которыя мы такъ часто видимъ въ настоящее время. Вотъ молодой человѣкъ, въ глазахъ всѣхъ, отъ всего, повидимому, сердца выражаетъ и взорами, и словами, и безпрестаннымъ прилежнымъ ухаживаніемъ любовь къ молодой дѣвицѣ,— и наконецъ успѣваетъ. Они уже обвѣнчались, не прошло года, у нихъ и дитя связываетъ ихъ союзъ. Полно, связываетъ ли? Къ сожалѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей, молодой мужъ открыто оставляетъ жену и ребенка и поселяется въ номерахъ, безсовѣстно выставя на двери занимаемаго имъ номера карточку со своей фамиліи и съ фамиліей дѣвицы, съ которою онъ близко сошелся. Что это такое? Не возмутительно ли такое открытое, напоказъ, какъ бы съ похвалбою, производимое нарушеніе святыхъ семейныхъ узъ?

Вотъ молодая женщина, супруга и мать нѣсколькихъ дѣ-

тей, вдругъ, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, оставляетъ мужа единственно потому, что онъ не имѣетъ средствъ одѣвать ее богато, сообразно ея красотѣ, хлопочетъ о разводѣ, и вступаетъ въ бракъ съ человѣкомъ, который и лицомъ не красивъ, и умомъ не великъ, но за то богатъ. Ради нарядныхъ платьевъ и брилліантовъ, бросить мужа и дѣтей, отъ него навязаться на шею другому, богатому мужу—можно ли назвать этотъ поступокъ нравственнымъ?

Прискорбныя это явленія; существованіе ихъ обличаетъ нашу глубокую общественную язву, подтачивающую весь организмъ. Не воспитаніемъ ли порождается эта язва? Не воспитаніемъ ли неправильнымъ влагается въ души сыновей и дочерей легкомысліе, выходящее изъ предѣловъ, готовое на всяческія излишества? Тяжело вспоминать объ этой болѣзни нашего вѣка—о разрушеніи семьи, основы общества и государства. Можно ли не ожидать вредныхъ послѣдствій отъ ослабленія семейныхъ узъ, освящаемыхъ церковію, которая словомъ Апостола, приглашаетъ мужей: *«каждо свою жену сице любитъ, якоже и себе»*, (Павл. къ Ефес. гл. V, 33), которая смотритъ на мужа и жену, какъ на едину плоть, и называетъ великою тайною брачнаго союза. *«Сего ради оставитъ человекъ отца и мать и прильпится къ женѣ своей и будутъ два въ плоть едину»*. (Павл. къ Ефес. V, 31—32). Основатель и Глава церкви христіанской, Господь нашъ Іисусъ Христосъ такъ отвѣчаетъ на вопросъ: *«аще достоинъ жену пустити:—Еже убо Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ»* (Ев. отъ Марка гл. X, 9). *«Иже аще пуститъ жену свою и оженился иною, прелюбы творитъ на ню: и аще жена пуститъ мужа (своего) и посянетъ за иного, прелюбы творитъ»*. (Ев. отъ Марка гл. X, 11—12).

Христіанинъ, вземли слову Господа твоего, подумай и о грозномъ предостереженіи: *«А иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ върующихся въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй»* (Ев. отъ Мате. гл. XVIII, 6).

Итакъ, ребенка слѣдуетъ наставлять и поучать, требуя отъ него послушанія и повиновенія. *«Наказуй, говоритъ Соло-*

монъ, сына твоего, тако бо будетъ благонадеженъ» (Кн. Притчей гл. XIX,—10). «Воспитывайте чадо въ наказаніи и ученіи Господни». (Къ Ефес. гл. VI, 5).

Не забывайте, родители, ежедневно, прощаясь вечеромъ съ дѣтьми, осѣнять ихъ крестнымъ знаменіемъ; не забывайте наблюдать, чтобы вашъ ребенокъ правильно и съ полнымъ благоговѣніемъ полагалъ на себя крестное знаменіе.

Въ ребенкѣ должно воспитывать хорошія привычки ¹⁾). Ребенка слѣдуетъ приучать къ простотѣ и воздержности.

Не могу не привести здѣсь выдержки изъ посмертныхъ записокъ Виктора Гюго о бесѣдѣ его съ королемъ Луи-Филиппомъ. «Она (г-жа де-Жанлисъ, воспитательница Луи-Филиппа), рассказывалъ король, воспитывала жестоко меня и сестру. Зиму и лѣто мы вставали въ 6 часовъ утра, питались только молокомъ, жареною говядиною и хлѣбомъ, никогда никакого лакомства, ничего сладкаго. Притомъ работы много, удовольствія никакого. Она же приучила меня спать на голыхъ доскахъ и заставила научиться разнымъ ремесламъ, включая ремесло цирюльника. Я пускаю кровь не хуже Фигаро. Я и столяръ, и плотникъ, и конюхъ, и кузнецъ. Она была систематична и строга. Когда я былъ маленькимъ, то боялся ее. Я былъ мальчикъ слабый, лѣнивый и трусъ: боялся мышей. Она же сдѣлала изъ меня довольно смѣлаго и храбраго человѣка».

Выкинувъ жестокость, холодность, которая, впрочемъ, свой-

¹⁾ О силѣ привычекъ такъ говоритъ французскій писатель Erckmann Chat-rian въ Histoire d'un sous-maitre: Les trois quarts et demi des hommes ne vivent que par habitudes; selon qu'ils ont pris ou reçu des habitudes bonnes ou mauvaises dans leur enfans,—habitudes d'agir, habitudes de penser, habitudes de raisonner ou de croire, — ils continuent de même sans interruption et sans pouvoir changer jusqu'à la fin de leurs jours. C'est l'habitude de l'enfance qui fait les hommes laborieux ou faincans, sobres ou ouvragues, dépensiers, economes, entreprenans, timides, honnêtes, gueux, francs, hypocrites, soumis, revoltés etc. Oui, c'est de l'habitude, que vient presque tout, car bien peu d'hommes ont le courage et la persévérance nécessaires pour changer leurs mauvaises habitudes, lorsqu'ils s'en aperçoivent. Поэтому-то и слѣдуетъ себѣ усваивать путемъ воспитанія и образованія хорошія привычки, чтобы онѣ вошли въ плоть и кровь нашу, сдѣлались нашею второю природою.

ственна только чужой воспитательницѣ, а не воспитательницѣ—матери; выбросивъ спанье на голыхъ доскахъ, представляющее уже крайность, и замѣнивъ спаньемъ на матрасахъ, нельзя не отнестись сочувственно къ простой и трудовой жизни, къ которой приучала г-жа де-Жанлисъ своего царственного воспитанника, къ систематичности и строгости воспитательницы.

Читая выписанныя строки изъ записокъ Виктора Гюго, невольно припоминаемъ наставленіе Іисуса, сына Сирахова, о воспитаніи сына: *«Угождай сыну обяжетъ струпы его, и о всякомъ вопли возмаетъ утроба его. Конь неукротенъ свирѣнъ бываетъ; и сынъ самовольный продержъ будетъ. Ласкай чадо, и устрашитъ тя, играй съ нимъ, и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболитъ о немъ, и напоследокъ стиснешь зубы твоя»* (Кн. Премудр. Іисуса сына Сирахова, гл. XXX, 6—10).

Къ простой и умѣренной жизни приучать ребенка слѣдуетъ, воспитаніе должно быть систематично и строго; но строгость должна быть растворяема любовію. А для этого необходимо, чтобы воспитаніе вела сама мать, которую материнское чувство не допустить до тѣхъ крайностей, до той жестокости, какую вводила воспитательница Луи-Филиппа въ свою систему воспитанія. Безъ любви правильное и раціональное воспитаніе ребенка не мыслимо: для ребенка теплая любовь нужна, какъ свѣтъ, какъ теплота нужны для каждаго. А такую любовь богата мать, которую сама природа назначила быть кормилицею и воспитательницею своихъ дѣтей.

У.

Дѣтская подражательность.

Вънецъ старыя чада чадъ; похвала же чадомъ отцы ихъ. (Кн. Притч. Соломон. гл. XVII, 6).

Молю же васъ, подобни мнѣ бывайте, яко же азъ Христу. (Къ Коринт. 1 гл. IV, 16).

Въ природѣ дѣтской самая выдающаяся черта—подражательность, желаніе подражать большимъ, даже играть роль большого, дѣлать все, что большіе дѣлаютъ. На этой то чертѣ дѣтской природы основывается то воспитательное положеніе, которое выражается латинскимъ изреченіемъ: *Longum iter per*

praeserta, breve et efficaх per exempla. (Длинень путь при посредствѣ наставленій, кратокъ и вѣренъ при посредствѣ примѣровъ). Дѣйствительно, одними словесными наставленіями не скоро добьетесь до желанныхъ результатовъ въ дѣлѣ воспитанія ребенка, да едва ли и добьетесь, какъ одними теоретическими правилами не научите ребенка писать правильно. Единственный и вѣрный путь воспитать ребенка—примѣръ родителей и окружающихъ его. Примѣры научаютъ, а не одни правила. Ребенокъ зорко смотритъ, внимательно, хотя и незамѣтно наблюдаетъ и быстро перенимаетъ. Поэтому семейная жизнь должна быть устроена и идти такъ, чтобы она была хорошимъ образцомъ для ребенка; тогда и въ немъ мало по малу укоренятся добрые нравы и привычки, и на немъ отразится образъ дѣйствія родителей и окружающихъ его лицъ.—Опытъ показываетъ, что даже внѣшнія, мелкія привычки родителей, въ родѣ морганія глазами, сморщиванія носа, подергиванія плечами, усваиваются дѣтьми и нерѣдко остаются на всю жизнь. Понятно, что и болѣе крупныя, выдающіяся свойства и дѣйствія родителей входятъ въ привычку дѣтей, съ усердіемъ слѣдящихъ за каждымъ шагомъ отца и матери и всѣми силами старающихся подражать имъ. Памятенъ мнѣ одинъ случай: двухлѣтній мальчикъ, вслѣдствіе дурно сложившейся семейной жизни, оставшейся совершенно безъ призора, смотрѣвшій дикимъ и неразвитымъ, большею частію молчавшій, а если и говорившій, то очень мало и несвязно, разъ, играя съ братомъ, вдругъ крѣпко ударилъ кулачкомъ по столу и закричалъ громко, выразительно, съ особенной интонаціей: «водки дай». Слова эти онъ часто слышалъ отъ своего отца, прекраснаго, добраго, кроткаго человѣка, но страдавшаго запоемъ и въ это время бушевавшаго. Подражаетъ ребенокъ равно охотно и хорошему, и дурному. Видя, что мать и отецъ подаютъ просящему милостыню, онъ, при первомъ случаѣ, увидя бѣднаго и говорить: «папа дай копѣечку подать бѣдненькому». Привыкнувъ къ тому, что родители его ходятъ въ церковь каждый праздникъ, ребенокъ, какъ только услышитъ ударъ въ колоколъ, бѣжитъ къ отцу или къ матери и кричитъ: «пойдемъ ко всеобщей (или къ обѣднѣ),—звонятъ», при чемъ не позабудетъ

попросить копѣчку въ тарелочку положить. Присущею ребенку подражательностію съ одной стороны облегчается, съ другой и не мало затрудняется дѣло воспитанія. Повидимому, стоять только родителямъ такъ устроить жизнь въ семьѣ, чтобы ихъ ребенокъ видѣлъ и усвоивалъ лишь добрыя, нравственные примѣры,—и воспитаніе пойдетъ быстро, успѣшно; самъ ребенокъ бессознательно своею подражательностію будетъ помогать родителямъ, какъ такъ-же бессознательно, по инстинкту, своимъ движеніемъ онъ помогалъ матери при своемъ рожденіи. Но легко сказать: слѣдуетъ устроить семейную жизнь такъ, чтобы ребенокъ видѣлъ лишь добрыя, достойныя подражанія примѣры, такъ, чтобы отецъ и мать могли сказать своему дитяти: *«Дажь ми, сыне, твое сердце, очи же твои моя пути да соблюдаютъ»* (Кн. Притч. Соломон., гл. XIII — 26); а какъ трудно въ дѣйствительности достигнуть этого семейнаго совершенства. Какое строгое, неуклонное, ежеминутное самонаблюденіе требуется отъ родителей, чтобы не погрѣшить въ присутствіи ребенка ни единымъ словомъ, ни единымъ движеніемъ, чтобы не подать ему ни малѣйшаго соблазна. Если даже отецъ и мать добросовѣстно, въ предстоявшій передъ рожденіемъ ребенка 9-ти мѣсячный искусь, готовились къ принятію дорогаго маленькаго гостя и многое въ себѣ самихъ исправили и улучшили путемъ самовоспитанія; то за ними стоятъ длинныя годы протекшей жизни, въ нихъ лежатъ иногда несмыаемыя слѣды ихъ собственнаго, далеко не столь обдуманнаго, какъ слѣдуетъ, воспитанія. Это прошлое порою можетъ обнаруживаться и при ребенкѣ и оставлять въ душѣ его недобрый слѣдъ, а ребенокъ все видитъ, все слышитъ даже тогда, когда, повидимому, не смотритъ и не слушаетъ. Положимъ даже, что отецъ и мать ребенка съ такимъ тщаніемъ будутъ слѣдить за своими словами и дѣйствіями, что будутъ подавать своему дитяти примѣры, дѣйствительно достойныя подражанія. Но въ семьѣ, кромѣ отца и матери, могутъ быть другія лица—бабушки, дѣдушки, братья или сестры отца или матери, наконецъ, прислуга. Вотъ отъ этихъ то постороннихъ вліаній какъ оградить ребенка? Какъ уберечь его отъ впечатлѣній и примѣровъ внѣ дома, въ сообществѣ съ другими дѣтьми? Единственное средство сохранить ребенка подѣ руководствомъ отца

и матери и уберечь отъ постороннихъ, нерѣдко вредныхъ, вліяній,—имѣть его по возможности постоянно на глазахъ, а для этого, конечно, требуется отреченіе не только со стороны матери, но и отца, отъ развлеченій и удовольствій внѣ дома, посвященіе себя на первыхъ порахъ всецѣло дому и ребенку и кромѣ того — окруженіе себя лицами испытанной честности и нравственности, которыя, если не могутъ научить и наставить ребенка словомъ и примѣромъ, то по крайней мѣрѣ и не испортятъ его.

Наблюденіе за ребенкомъ и сохраненіе его нравственной чистоты преимущественно, конечно, лежитъ на обязанности матери, такъ какъ отецъ часто отвлекается службою или другими занятіями, которыми онъ пріобрѣтаетъ средства для жизни семьи. Мать естественная воспитательница своихъ дѣтей. На ней лежатъ всѣ обязанности по воспитанію ребенка, на нее ложится и нравственная отвѣтственность. Отецъ долженъ помогать ей въ дѣлѣ воспитанія, по мѣрѣ силъ и возможности, и въ свободное отъ занятій время не оставлять ее одну коротать часы съ ребенкомъ, не давать ей повода отвлекаться отъ заботъ о ребенкѣ, беспокойствомъ о мужѣ.

Какъ устраивается жизнь въ хорошей русской семьѣ.

Еще когда ребенокъ въ колыбели, онъ видитъ ежедневно отца и мать предъ образомъ молящихся и дѣлающихъ крестное знаменіе. Какъ только ребенокъ проявляетъ сознаніе, мать пріучаетъ его складывать пальцы для крестнаго знаменія и молиться, причемъ немногосложныя слова дѣтской молитвы произноситъ сама мать, пока ребенокъ не заучитъ этихъ словъ.

«Въ этомъ, главнымъ образомъ, періодѣ дѣтской жизни полагается начало божественнаго чувства и молитвъ. Это также происходитъ путемъ подражанія, но возбуждающая религіозно-молитвенная сила родственнѣе для души ребенка, доступнѣе и дѣйствительнѣе. Нужно только, чтобы божественное и религіозное чувство въ ребенкѣ возбуждалось дѣйствительнымъ, искреннимъ, изъ глубины души исходящимъ религіознымъ чувствомъ и расположеніемъ взрослыхъ, ибо чѣмъ глубже и сильнѣе эти чувства и расположенія, тѣмъ явственнѣе выразятся они въ голосѣ и положеніи лицъ». (Н. И. Ильминскій *Бесѣды о народной школѣ*)

День въ хорошей семьѣ начинается и оканчивается молитвою. Молятся отдѣльно каждый, мать всегда въ спальнѣ въ присутствіи ребенка, который, если онъ первый, спитъ въ спальнѣ родителей, чтобы мать могла слышать каждый крикъ дитяти.

Въ старое время въ русскихъ семействахъ утренняя и вечерняя молитва совершалась цѣлою семьею, и домочадцы (прислуга) участвовали въ общей молитвѣ. Читалъ молитву отецъ семейства. Начиналась молитва моленіемъ о Царѣ и Царской семьѣ. Хорошій и трогательный то былъ обычай, соединявшій и хозяевъ, и слугъ въ одну семью, ежедневно молившуюся о Царѣ и о мирномъ, безмятежномъ жителствѣ. Нельзя не пожалѣть, что усложненіе семейной жизни повело къ отмѣнѣ этого патриархальнаго обычая — общей молитвы, совершавшейся съ подобающимъ благочиніемъ и благоговѣніемъ.

Передъ праздникомъ отецъ и мать идутъ въ церковь ко всеобщей, а во время праздника къ обѣднѣ. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, его тоже берутъ съ собою въ церковь. Такимъ образомъ постепенно воспитывается любовь къ церкви православной, нашей «воспитательницѣ и руководительницѣ», духомъ которой мы, по словамъ преосвященнѣйшаго Харьковскаго Амвросія, (Слово въ день тезоименитства Государя Императора, за Августъ 1888 года) «крѣпки», «въ ея указаніяхъ и наставленіяхъ имѣемъ свѣтлый, чистый, истинный идеаль могущественнаго и благоустроеннаго народа».

Каждая семейная трапеза начинается и оканчивается молитвою, — наложеніемъ на себя крестнаго знаменія. Въ последнее время это, къ прискорбію, считается излишнимъ; на публичныхъ обѣдахъ только одно духовенство наше свято соблюдаетъ этотъ исконный обычай старины.

Ребенка слѣдуетъ приучать къ умѣренной пищѣ. Само собою разумѣется, что родители должны ему подавать примѣръ умѣренности. Неумѣренность и пристрастіе къ излишествамъ развили, столь распространенную въ настоящее время, жажду къ приобрѣтенію во что бы то ни стало. Мы не можемъ быть довольны малымъ, намъ все подавай больше и больше. Отсюда преобладаніе меркантилизма. Воспитаніе должно пода-

влять эти алчные инстинкты, или вѣрнѣе, вовсе не возбуждать ихъ въ ребенкѣ. А къ этому вѣрнѣе всего ведетъ пріученіе дитяти къ простой, воздержной, умѣренной жизни.

Давать ребенку деньги на сласти или на какія-нибудь зрѣлища, по нашему мнѣнію, совершенно непедагогично. Можно и должно давать ребенку для двухъ цѣлей—положить въ тарелочку въ церкви и подавать бѣдному, а когда онъ подростетъ—на хорошія книги. Хорошая книга --- лучшій и наиболѣе цѣлесообразный подарокъ въ день ангела и въ день рожденія: подаренная книга возбуждаетъ желаніе прочесть ее, а прочтеніе книги принесетъ пользу несравненно большую, чѣмъ даримыя обыкновенно дѣтямъ сласти и игрушки.

Пріученіе къ сладостямъ заслуживаетъ не одобренія: сладости вредятъ желудку и составляютъ излишество, котораго должны избѣгать благоразумные родители. Зналъ я одну мать, которая сама очень любила сладкое и дѣтямъ своимъ каждый день давала «посластиться». Ея младшій сыночекъ съ самаго начала имѣлъ отвращеніе къ сладкому. И что же? Она до того усердно потчивала малютку, что наконецъ пріучила, и онъ сдѣлался страстнымъ сластолюбомъ, такъ, что такъ и смотрѣлъ, гдѣ бы и чѣмъ бы, говоря языкомъ матери, посластиться.

Время между молитвою и трапезою должно быть посвящено труду: отецъ занимается своимъ дѣломъ, мать своимъ. Ни отецъ, ни мать не проводятъ время въ праздности. Свободное отъ занятій время отдыха—прогулкѣ и чтенію. Любовь родителей къ труду и чтенію благотворно дѣйствуетъ на ребенка, который будетъ въ первое время дѣлать то же изъ подражанія, а потомъ трудъ и чтеніе обратятся ему въ привычку, сдѣлаются его второю природою, предохраняя его отъ пустыхъ и вредныхъ развлеченій. Чтеніе разовьетъ его умъ и обогатитъ его знаніями.

Въ число работъ матери входятъ и работы для бѣдныхъ. Посильная помощь бѣднымъ, забота о нихъ служатъ къ смягченію сердца ребенка, который, видя оказываемую родителями помощь бѣднякамъ, безмолвно, но крѣпко впитываетъ въ себя самое лучшее христіанское чувство—милосердіе.

Нѣкоторые изъ отцовъ и матерей не позволяютъ себѣ осуждать

другихъ и говорить о другихъ худо въ присутствіи ребенка. Никогда не позволяютъ себѣ читать вслухъ такія произведенія, которыя могутъ соблазнять дитя. Въ этомъ случаѣ, да не утѣшаютъ себя родители тою мыслию, что ребенокъ малъ, не пойметъ. Многое можетъ понимать ребенокъ не умомъ, а тонкимъ дѣтскимъ чутьемъ, сердцемъ.

Не можемъ не рассказать нашей собственной ошибки, сдѣланной нами при обученіи письму—чтенію нашего пятилѣтняго сына. Когда онъ сталъ уже довольно хорошо разбирать и могъ читать связно, мы взяли для упражненія въ чтеніи первую попавшуюся намъ въ руки книгу и взяли именно стихотворенія Пушкина, чтобы привлечь ребенка изяществомъ и красотой стиха. Намъ открылась поэма «Цыгане», и мы, ничто же сумняся, увѣренные, что въ тонкости мысли ребенокъ входитъ не въ состояніи, заставили его читать. Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Земфира, пропѣвъ пѣсню:

«Старый мужъ, грозный мужъ,
Презираю тебя.
Я другого люблю,
Умираю любя».

Спрашиваетъ Алеко:

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

И на его восклицаніе «Земфира» прибавляетъ:

«Ты сердиться воленъ,—
Я пѣсню про тебя пою»,

нашъ малютка вдругъ заволновался и спросилъ насъ: «Папа, она шутитъ это?» Читай дальше, говорю я. Прочитавъ то мѣсто, гдѣ Земфира измѣняетъ своему мужу, мой мальчикъ совершенно возмутился: «Скверная какая», проговорилъ онъ съ сердцемъ и оттолкнулъ книгу. Тогда только мы поняли, что сдѣлали непростительную ошибку, давъ ребенку чтеніе не по лѣтамъ.

Вообще, какъ при выборѣ сказокъ и рассказовъ, такъ и при выборѣ перваго чтенія, вужно соблюдать большую осторожность. Не всякая сказка, не всякій рассказъ и не всякое стихотвореніе хорошо для ребенка. Осторожно нужно выбирать сюжетъ для рассказа и чтенія, потому что ребенокъ очень любитъ слушать и рассказъ, и чтеніе, весь обращается

въ слухъ и вѣрно и живо схватываетъ суть разсказа и прочитанной статьи. Весьма занимають ребенка разсказы изъ жизни дѣтей; даже описаніе собственной ихъ обстановки и жизни дѣти выслушиваютъ весьма охотно и не скучаютъ повтореніями одного и того же. Слушаетъ ребенокъ разсказъ про себя самого и фотографическое описаніе своей обстановки, слушаетъ внимательно и оглядываетъ свою комнату и по временамъ приговариваетъ «такъ», или повторяетъ названіе предмета, о которомъ идетъ рѣчь.

Съ большимъ удовольствіемъ выслушиваютъ дѣти разсказы изъ священной исторіи. Жизнь Іосифа, проданнаго братьями иноземнымъ купцамъ, производитъ на ребенка сильное впечатлѣніе, иногда вызываетъ слезы. Не подумайте утѣшать его такими, якобы принаровленными къ дѣтскому возрасту, утѣшеніями: «Не плачь, я скажу братьямъ, чтобы они не продавали Іосифа». На это вы рискуете получить такой отвѣтъ: «Да, какъ же! Кому ты скажешь, книгѣ-то?»

Чрезвычайно интересуютъ ребенка разсказы басенъ. Былъ я свидѣтелемъ, какъ мать разсказывала своему трехлѣтнему мальчику басню Крылова: «Фортуна и Нищій». Ребенокъ слушалъ съ увлеченіемъ, у него духъ захватывало при разсказѣ о томъ, какъ нищій при каждой новой горсти золота, которую фортуна всыпала въ его суму, все просилъ прибавить еще горсточку, хотя зналъ, какія пагубныя послѣдствія могутъ быть отъ переполненія сумы тяжелымъ золотомъ: фортуна объявила нищему, что она будетъ класть въ суму золота сколько онъ ни попроситъ, но что если сума прорвется, то все пропадетъ, и онъ опять останется бѣдненькимъ, нищимъ. Не смотря на это предостереженіе, нищій все просилъ: «прибавь еще горсточку». При каждой такой просьбѣ нищаго, ребенокъ горестно вскрикивалъ: «Опять! Экій какой!» Очевидно, онъ боялся за нищаго, чтобы не прорвалась его сума. А нищій продолжаетъ опять свое, разсказываетъ мать. прибавь еще горсточку. «Экій какой! Ну, а она?» — Она еще всыпала горсть золота. «Ну? А нищій»... Опять запросилъ волнуется ребенокъ.—Да, нищій снова: прибавь еще горсточку.— «А она?»—Она всыпала еще горсть золота... а сума-то и прорвалась; «ну вотъ», воскликнулъ ребенокъ. И

сколько горечи, сколько неподдѣльнаго, искренняго сочувствія къ нищему было въ томъ дѣтскомъ восклицаніи.

Разумно веденные рассказы и чтеніе приносятъ ребенку громадную пользу, а возбужденная въ годы дѣтства любовь къ чтенію дѣлается драгоценнымъ достояніемъ всей жизни человѣка.

Въ присутствіи ребенка, въ первые особенно годы, слѣдуетъ рѣшительно избѣгать пировъ, соединенныхъ съ попойкой и картежной игрой. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ, ради удовлетворенія прихоти ребенка, желающаго подражать большимъ, давать ему пить наливки, допель-кюммелю, крѣпкаго вина. Къ питью пріучиться легко, но отстать отъ него трудно, а когда страсть къ спиртнымъ напиткамъ овладѣетъ человекомъ, то онъ становится рабомъ своей страсти и теряетъ мало-по-малу лучшія человѣческія чувства. *«Въ винѣ, говоритъ Іисусъ, сынъ Сираховъ (Кн. Премудр. гл. XXXI, 29), не мужайся, многихъ бо погуби вино»*. Отъ такого огненнаго напитка слѣдуетъ всячески остерегать дѣтей, чтобы не сжегъ ихъ огонь. *«Не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ»* (Павла къ Ефесеемъ гл. V, 18). *«Всякъ бо тѣяница и блудникъ обнищаетъ и облечетъ въ раздраная и въ рубища всякъ сонливый»* (Кн. Притч. Соломон. гл. XXIII, 21).

Къ картежной игрѣ тоже пріучать дѣтей не слѣдуетъ, ни къ коммерческой, ни къ азартной: нѣтъ время препровожденія болѣе безсмысленнаго, какъ игра въ карты. И сколько на нее теряется времени, которое, употребленное съ пользою, послужило бы къ значительному возвышенію нравственности, благосостоянія и богатства народнаго.

Отецъ и мать смѣло могутъ выказывать взаимную любовь другъ къ другу предъ лицомъ ребенка. Это и поучительно и даже пріятно дитяти, которое часто, по собственному влеченію, соединяетъ руки отца и матери, сближаетъ ихъ головы, обнимаетъ ихъ дѣтскимъ сердечнымъ объятіемъ, цѣлуетъ попеременно то одного, то другого. Дитя съ веселымъ, радостнымъ смѣхомъ смотритъ на взаимныя ласки отца и матери. Видно, что такое отношеніе родителей другъ къ другу ему по душѣ. Напротивъ, недобрыя, или, чего Боже сохрани, враждебныя отношенія нагоняютъ недѣтскую грусть

на лице ребенка, отравляютъ его дѣтское спокойствіе и беззаботность.

Доброта, скромность, вѣжливость и другія хорошія качества передаются ребенку въ наслѣдіе и утверждаются въ немъ путемъ подражанія родителямъ, то же замѣчаемъ мы и съ обратными качествами.

Старательно должны сдерживать себя отецъ и мать, если кто-либо изъ нихъ слишкомъ боится грозы, коровъ, собакъ, кошекъ, мышей и т. п.: эта боязнь очень легко переходитъ и въ дѣтей. И часто мы видимъ въ одной семьѣ дѣтей смѣлыхъ и трусливыхъ: къ первымъ перешла смѣлость отъ отца, ко вторымъ боязливость и трусость отъ матери. А такая перешедшая по наслѣдству или усвоенная подражаніемъ трусость иногда ставитъ взрослога человѣка въ пренепріятное положеніе.

Одинъ храбрый и предприимчивый полковникъ, пріобрѣтшій себѣ литературную и политическую извѣстность, въ одномъ домѣ, при разговорѣ объ очень важномъ предметѣ, вдругъ поблѣднѣлъ, затрясся и, съ дрожью въ голосѣ, спросилъ хозяина: «у васъ есть кошка?!» Да, отвѣчаетъ удивленный такимъ неожиданнымъ и неумѣстнымъ вопросомъ хозяинъ, есть маленькій котенокъ. «Ради Бога, умоляю васъ, прикажите его убрать... Если я его увижу... со мной обморокъ сдѣлается».

А сколько примѣровъ боязни предъ грозою, боязни, доходящей до странностей. Одинъ педагогъ ветеранъ, строгій и стойкихъ правилъ, до того боялся грозы, что нарочно устроилъ себѣ спальню во внутренней, совершенно темной комнатѣ, куда и уходилъ онъ стремительно при первомъ ударѣ грома, ложился въ постель и укрывалъ голову подушками. Въ такомъ положеніи оставался онъ во все время грозы.

Воспитаніе можетъ смягчить и даже совершенно уничтожить наслѣдственную боязнь. Припомнимъ слова Луи-Филиппа: «Я былъ мальчикъ слабый, лѣнивый и трусъ: боялся мышей. Она (его воспитательница г-жа де-Жанлисъ) сдѣлала изъ меня довольно смѣлаго и храбраго человѣка». Вся тайна этого воспитанія заключалась въ двухъ словахъ — систематичность

Въ чемъ же состоитъ строгость воспитанія, не въ наказаніяхъ ли?

VI.

Наказанія, награды, похвалы, порицанія, ласки.

Не преставай младенца наказывати; аще бо жезломъ биеши его, не умретъ (имя тою). Ты бо побиеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти. (Кн. Притч. Соломон. гл. XXIII, 13—14).

Наше старое воспитаніе, которое изложено въ Домостроѣ и которое до сего времени имѣетъ силу въ крестьянскомъ быту, опирается на наказанія, не въ смыслѣ древнемъ полученія, а въ смыслѣ нанесенія боли тѣлесной. Въ Домостроѣ дословно приводятся слова изъ книги премудрости Іисуса, сына Сирахова. А въ книгѣ премудрости Іисуса, сына Сирахова, говорится такъ: *«Любяй сына своего участитъ ему раны, да возвеселится въ послѣдняя своя. Наказуяй сына своего насладится о немъ, и посреда знаемыхъ о немъ похвалится. Учай сына своего раздражитъ врага, и передъ други о немъ возрадуется. Умре отецъ его, и аки неумре: подобна бо себе остави по себѣ»*. (гл. XXX, 1—5). *«Угождаяй сыну обяжетъ струпы его, и о всякомъ вопли возматетъ утроба его. Конь неукрощенъ свирѣтъ бываетъ, и сынъ самовольный продержъ будетъ. Ласкай чадо, — и устрашитъ тя, играй съ нимъ, — и опечалитъ тя. Не смѣйся съ нимъ, да не поболити о немъ, и на послѣдокъ стиснеши зубы твоя. Не даждь ему власти въ юности и не презри негоднїя его. Сляцы въю его въ юности и сокруши ребра его, дондеже младъ есть, да не когда ожестѣвъ, не покориттися»* (гл. XXX, 7—13).

Соломонъ въ книгѣ притчей также совѣтуетъ наказывать младенца: *«Безуміе виситъ на сердцѣ юнаго, жезлъ же и наказанье далече (отгонитъ) отъ него»* (гл. XXII, 16). *«Не преставай младенца наказывати: аще бо жезломъ биеши его, не умретъ (отъ него). Ты бо побиеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти»* (XXIII, 13—14).

Не только древняя педагогика, но и позднѣйшая сильно стояла за розгу и вообще за наказаніе тѣлесное. Тротцендорфъ (1490—1556) въ третьемъ школьномъ законѣ, въ числѣ наказаній указываетъ розгу. И Лютеръ не хвалитъ родителей,

щающихъ тѣло своихъ учениковъ. Лютеръ, называвшій Соломона истинно царственнымъ школьнымъ учителемъ, такъ говорить: «Но ложная кровная любовь (Naturliebe) ослѣпляетъ родителей, такъ что они болѣе щадятъ тѣло (das Fleisch) своихъ дѣтей, чѣмъ душу».

Мы очень хорошо помнимъ бесѣду нашу за границей съ германскими педагогами въ 1862 году. Они съ похвалою отзывались о проектѣ устава гимназiи, составленномъ при министрѣ народнаго просвѣщенiя А. В. Головинѣ, но рѣшительно всѣ были противъ отмѣны тѣлеснаго наказанiя. По ихъ мнѣнiю, такъ какъ дѣти имѣютъ душу и тѣло, то, дѣйствуя на душу, не нужно забывать и тѣла, и отъ времени до времени закрѣплять нравственныя внушенiя тѣлесною болью, иначе придется многихъ выгонять изъ учебныхъ заведенiй. Къ сожалѣнiю, опасенiя германскихъ педагоговъ оправдались: розги изгнаны изъ нашихъ гимназiй, но въ то же время изгонялись цѣлыми десятками ученики, даже младшихъ классовъ, такъ что родителямъ пришлось жалѣть объ изгнанiи розги. Мы лично такъ много видѣли злоупотребленiй при употребленiи тѣлеснаго наказанiя въ школахъ, что рѣшительно стояли за уничтоженiе этого наказанiя въ учебныхъ заведенiяхъ и теперь стоимъ. Исключенiя учениковъ десятками, имѣвшiя мѣсто въ послѣднiя 20 лѣтъ, мы приписываемъ не уничтоженiю тѣлеснаго наказанiя, а другимъ причинамъ, о которыхъ когда нибудь поговоримъ отдѣльно.

Въ германiи въ 1862 году намъ случалось даже въ дѣтскихъ садахъ видѣть, какъ дѣтскiя садовницы (Kindergartneri ппеп) давали колотушки дѣтямъ; а въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведенiй, въ присутствiи нашемъ, учитель географiи безъ церемонiи отвѣсилъ ударъ кулакомъ по спинѣ ученика за то, что онъ при перечисленiи самостоятельныхъ мелкихъ германскихъ государствъ пропустилъ одно изъ нихъ.

Въ нашемъ домашнемъ воспитанiи въ большинствѣ тѣлесное наказанiе существуетъ въ видѣ розги, или въ видѣ дранья за уши за волосы, ударовъ по щекѣ, по рукамъ и т. п. Можно съ увѣренностiю сказать, что семьи, въ которыхъ ребенка и пальцемъ не тронуть, рѣдкость и могутъ, по

Представляется вопросъ: слѣдуетъ ли допускать тѣлесное наказаніе въ домашнемъ воспитаніи съ дѣтьми до школьнаго возраста?

Присматриваясь къ дѣтямъ, мы замѣчаемъ, что ребенокъ, для котораго достаточно одного нравственнаго воздѣйствія, чуть ли не составляетъ исключенія, и вспоминаются слова Соломона: *Безуміе виситъ на серци юнаго*; такъ что страхъ наказанія едва ли не необходимая принадлежность строгаго воспитанія.

При систематичности и благоразумной строгости воспитанія, растворяемой любовію, можетъ быть, и придется ограничиться страхомъ наказанія, что, конечно, и желательно.

Если и допустить въ домашнемъ воспитаніи тѣлесное наказаніе, то лишь какъ необходимое зло, въ самыхъ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ, примѣнять его не въ минуту вспышки гнѣва на ребенка и любовію смягчать наказаніе.

Въ Новомъ Завѣтѣ мы читаемъ уже такія указанія относительно обращенія съ дѣтьми. *«И отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни»* (Къ Ефес. гл. VI, 4). *«Отцы, не раздражайте чадъ вашихъ, да не унываютъ»*. (Къ Колос. гл. III, 21).

Самая любовь родительская не допуститъ родителей до жестокой ручной расправы надъ родными дѣтьми. Такая расправа поэтому является только какъ печальное исключеніе, и преимущественно въ такихъ семьяхъ, гдѣ отецъ и мать расправляются съ ребенкомъ тотчасъ подъ вліяніемъ гнѣва и личнаго раздраженія. Родительская любовь влечетъ къ снисхожденію, къ тихости, къ мягкости, и самый гнѣвъ, растворенный любовію родительскою, почти всегда чуждъ жестокости. Наказывать дѣтей должно не иначе, какъ съ еротостію, чтобы они видѣли, что наказующая рука милуетъ ихъ, что и въ наказаніи проявляется теплота сердечная. Наказаніе ребенка, производимое не съ гнѣвомъ и яростію, а съ печалію и тихостію дѣйствуетъ вдвое сильнѣе и оставляетъ въ наказываемомъ ребенкѣ не ожесточеніе, а раскаяніе въ проступкѣ, поведшемъ къ наказанію. А чтобы такъ наказывать, необходимо дать время остыть гнѣву на ребенка, а отнюдь не приступать къ наказанію въ раздраженіи.

Какъ и чѣмъ наказывать? Конечно, не палкой, не такимъ орудіемъ, которымъ можно причинить ребенку вредъ, не кулакомъ, употребленіе котораго уже указываетъ на раздраженіе и гнѣвъ. Слѣдуя совѣту Домостроя, ни по уху, ни по видѣнью (т. е. по глазамъ) не бить, не бить также по головѣ, такъ какъ отъ такихъ ударовъ можетъ быть поврежденъ слухъ, зрѣніе и нанесенъ вредъ не только тѣлесному здоровью, но и умственнымъ способностямъ.

Во всякомъ случаѣ къ тѣлесному наказанію нужно прибѣгать какъ можно рѣже: часто употребляемое тѣлесное наказаніе притупляетъ чувствительность и теряетъ силу. Тѣлесное наказаніе не должно производиться при другихъ, это непремѣнное правило.

Честь и слава родителямъ, которые постоянною бдительностію надъ своимъ ребенкомъ, постоянною твердостію и строгостію, соединенною съ любовью, постоянною справедливостію и разумною требовательностію достигнуть того, что ребенокъ будетъ послушенъ и исполнителемъ, и въ тѣлесномъ наказаніи ни разу не представится надобности. Избаловать ребенка и безъ всякаго наказанія легко, но воспитать какъ слѣдуетъ, въ страхѣ и ученіи Господни великое и нелегкое дѣло, заслуживающее полнаго уваженія и могущее быть признано идеаломъ воспитанія.

Много нужно ума, твердости характера и умѣнья владѣть собою, а главное много нужно любви, чтобы если не достигнуть идеала воспитанія, то хоть приблизиться къ нему. По нашему, идеаль воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы воспитать ребенка послушнымъ, нравственнымъ, честнымъ, добрымъ и религіознымъ, и во время воспитанія не только не допускать тѣлеснаго наказанія, въ какомъ бы то видѣ ни было, хоть бы оно даже заключалось въ стояніи на колѣняхъ, но и грубаго, оскорбительнаго слова, которое тяжело падаетъ на душу оскорбленнаго ребенка и оставляетъ въ ней недобрый слѣдъ.

«Слово жестоко воздвизаетъ гнѣвы», говоритъ Соломонъ (Кн. Притч. Соломоновыхъ гл. XV, 1). Иное слово оскорбитъ сильнѣе удара «Суть иже глаголюще уязвляютъ яко мечи». (Кн. Псалм. Соломоновъ гл. XII, 10). И такъ словомъ оскорбляютъ и

уязвляетъ бранное слово, во гнѣвѣ сказанное, сколько злая и холодная насмѣшка. Грубыхъ и оскорбительныхъ словъ родители должны избѣгать и потому, что такія слова раздражаютъ дѣтей и портятъ ихъ характеръ, и потому, что дѣти, по своей переимчивости, скоро усваиваютъ эти слова. Стоить пожить въ деревнѣ, чтобы убѣдиться, какъ скверная руготня родителей усваивается дѣтьми: мальчики 5 — 6 лѣтъ ругаются между собою тою скверною бранью, которая, къ сожалѣнію, такъ часто употребляется русскимъ народомъ, что ей придается даже названіе «русской брани». Если бы родители и вообще взрослые не ругались такъ при дѣтяхъ, изъ уваженія къ ихъ чистотѣ и невинности, такъ эта брань не переходила бы изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ нѣчто унаслѣдованное отъ отцевъ и дѣдовъ. Что Іисусъ, сынъ Сираховъ, говоритъ относительно сына наказаннаго, т. е. воспитаннаго въ страхѣ Божіемъ, то же можетъ быть примѣнено къ сыну, которому дурная жизнь и дурное слово отца постоянно служили соблазнительнымъ примѣромъ: *«умре отецъ его и аки не умре: подобна бо себѣ остави по себѣ»* (Кн. Премудр. Іисуса, сына Сирахова гл. XXX, 4). Какъ добрыя и хорошія дѣти утѣшеніе и слава родителей, такъ и честные, хорошіе родители—отрада и честь для дѣтей. *«Вънеуз старыхъ чада чадъ, говоритъ Соломонъ, похвала же чадамъ отцы ихъ.»* (Кн. Притч. Соломон. гл. XVII, 6).

Признавая тѣлесное наказаніе необходимымъ зломъ, которое можно допускать лишь въ крайнихъ случаяхъ и безъ котораго лучше было бы обходиться при воспитаніи, такъ какъ тѣлесное наказаніе—орудіе обоюдоострое, приносящее и пользу и вредъ, смотря потому, кѣмъ, съ кѣмъ, когда и какъ оно употребляется; признавая, что грубыя, оскорбительныя слова и особенно злая, ядовитая насмѣшка должны быть совершенно выкинуты, какъ пособія при воспитаніи,—мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не обратить вниманія родителей и на награды и похвалы, на которыя иные родители смотрятъ, какъ на полезнѣйшее орудіе воспитанія, и излишествомъ которыхъ нерѣдко злоупотребляютъ.

По нашему мнѣнію, награды не должны имѣть мѣста въ системѣ домашняго воспитанія, мы не въ состояніи даже по-

нять, какой такой особенный, исключительный, заслуживающий награды подвигъ можетъ сдѣлать ребенокъ? Если онъ любить отца и мать и, покоряясь голосу любви, старается дѣлать все, что пріятно и угодно родителямъ, то за это съ избыткомъ награждаетъ его любовь матери и отца, заботливо охраняющая его дѣтскіе годы. Если онъ кротокъ, послушенъ, съ готовностію исполняетъ приказанія отца и совѣты матери, то это плоды той же дѣтской любви, которая смотритъ въ глаза родителямъ, угадываетъ ихъ желанія и спѣшитъ исполнять ихъ. Награждать какими-нибудь матеріальными наградами за эти проявленія любви умѣстно ли? И чѣмъ награждаютъ дѣтей? Дорогими игрушками. Дѣтямъ, какъ показываетъ опытъ, такія игрушки доставляютъ лишь минутное удовольствіе, а затѣмъ забываются, ломаются.... И гдѣ награда?... Въ какомъ жалкомъ видѣ! Награждаютъ дѣтей лакомствами. Это одинъ изъ самыхъ вредныхъ способовъ наградъ: лакомства портятъ ребенку и зубы, и желудокъ, и даже отчасти нравственность, дѣлая его лакомкой, сластеной. Награждать деньгами, какъ дѣлаютъ иные родители, самый вредный видъ награды, воспитывающій въ дѣтяхъ мысль, что за хорошій поступокъ, въ родѣ ли выучки наизустъ даннаго стихотворенія, усвоенія евангельскаго разсказа, рѣшенія заданной задачи, непременно слѣдуетъ денежная награда. Привыкнувъ въ дѣтствѣ ждаты награды или платы за каждый исполненный долгъ, за каждое хорошее дѣло, онъ въ послѣдствіи не будетъ ли ждаты платы за каждый свой шагъ? Не воспитываются ли такими наградами люди, стремящіеся, въ продолженіи всей своей жизни пріобрѣтать и пріобрѣтаты? Не усилится ли этимъ способомъ воспитанія и безъ того сильно развитая въ настоящее время страсть къ стяжанію во что бы то ни стало, страсть пагубная, замораживающая всѣ теплыя побужденія души?

Лучшая и единственная награда для дѣтей — ласковый взглядъ, доброе, ласковое слово родителей.

Слѣдовательно, спросятъ насъ, награда должна быть замѣняема похвалою? Да, похвалою, одобреніемъ. За хорошій поступокъ, за добросовѣстное исполненіе долга достаточно похвалити ребенка. Не слѣдуетъ ждать награды за то, изъ чѣмъ при-

ложенъ былъ трудъ ребенка, а не за то, что дано ему самую природою. Можно похвалить ребенка за хорошо усвоенный урокъ, за чистоту и опрятность; но не за способности, не за красоту. Осыпать ребенка похвалами за его таланты къ живописи, къ музыкѣ, къ математикѣ, восхвалять его геніальность, представлять его другимъ, какъ замѣчательнаго поэта, хвалиться его стихами, рисунками, — по меньшей мѣрѣ, неблагоразумно со стороны родителей. Такія похвалы съ малолѣтства надмеваютъ ребенка, заставляютъ его думать о себѣ высоко; и большею частію, если не всегда, изъ такого чуда ребенка выходитъ въ концѣ концовъ самая жалкая посредственность, неизмѣримо, до смѣшнаго, высоко о себѣ мечтающая. Таковую себялюбивую, смѣшную, заносчивую ничтожность воспитываютъ неумѣренные похвалы. За примѣрами ходить далеко, думаемъ, нечего. Примѣры, къ сожалѣнію, у всѣхъ передъ глазами. Вотъ, на примѣръ, молодой человекъ, способный, обладающій даромъ слова, но, къ сожалѣнію, возмнившій о себѣ съ дѣтства, что онъ артистъ, поэтъ, геній. Еще будучи мальчикомъ, онъ пописывалъ стишки, гдѣ воспѣвалъ съ дѣтскимъ увлеченіемъ «царицу души своей», дебелую дѣву, которая ему, тощему и худому, очень нравилась, онъ просилъ у ней сочувственнаго отклика на его любовь, не то грозилъ: умру, «и предадутъ меня гробамъ». Любящая и нѣжная мать была въ восторгѣ отъ своего Лели, всѣмъ показывала его стихи, всѣмъ, въ его присутствіи, съ убѣжденіемъ твердила «у меня Леля—геній». Сдѣлавшись студентомъ, онъ пристрастился къ театру, вообразилъ, что онъ великій актеръ, что никто въ мірѣ не понималъ еще геніальныхъ драматурговъ такъ, какъ понималъ онъ, и никто не въ состояніи такъ вѣрно передать на сценѣ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ ихъ произведеній, какъ онъ. Такъ какъ двумъ господамъ въ одно время нельзя служить, то посвятивши себя театральному искусству, нашъ геніальный молодой человекъ не могъ въ то же время съ увлеченіемъ служить наукѣ, и потому вышелъ изъ университета не геніально, а какъ самый рядовой, средней руки студентъ. Поступилъ на службу... Но гдѣ же для генія найти служебное положеніе по душѣ? И службу оставилъ... Напечаталъ свои стихотворенія, въ которыхъ по преимуще-

ству воспѣвалъ луну, свидѣтельница его мечтаній, зефиры, вѣтерки, души его царицъ... но и стихотворенія не только не прославили его, а возбудили лишь смѣхъ. Пробовалъ онъ себя и въ драматическихъ роляхъ, но и на сценѣ онъ оказался такимъ же актеромъ, какимъ вышелъ поэтъ, словомъ вышелъ изъ гениальнаго Лели неудачникъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Неумѣстно хвалить ребенка за его прирожденные способности, за то, въ чемъ нѣтъ ни капли его труда, его заслуги; но еще непростительнѣе расхваливать красоту ребенка. А какъ многіе родители и знакомые и даже незнакомые грѣшны въ такомъ расхваливаніи... «Ахъ, какое прелестное дитя! Какой красавчикъ!» слышимъ мы нерѣдко при появленіи красиваго ребенка. Эти похвалы чистый ядъ. Слышащій ихъ часто ребенокъ невольно не разъ засматривается въ зеркало, любуясь собою, невольно прихорашивается, начинаетъ особенно заботиться о прическѣ и платьѣ, посматриваетъ, глядятъ ли на него, прислушивается, говорятъ ли о немъ; если видятъ, что шепчутся, воображаетъ, что рѣчь идетъ о немъ, что его хвалятъ. Тля мелкаго себялюбія и тщеславія крѣпко западаетъ въ душу ребенка подъ громомъ похвалъ его красотѣ. Все это вниманіе обращено на наружность, о развитіи душевныхъ способностей мало заботы, и выйдетъ изъ ребенка дѣвочки тщеславная, красивая кукла, всѣ мысли которой сосредоточены на вечерахъ, балахъ, театрахъ и нарядахъ, которая окажется дурною женою и матерью; изъ ребенка — мальчика красивый франтъ, шпютикъ, который изощрается въ придумываніи оригинальныхъ разноцвѣтныхъ костюмовъ, чтобы рельефнѣе выставить въ нихъ свою красивую фигуру, который оригинальничаетъ тѣмъ, что появляется на велосипедѣ въ публичныхъ садахъ, стѣсняетъ, чуть не давитъ гуляющихъ, желая поразить своей красотой, который отличается предъ «золотою молодежью», если онъ принадлежитъ къ ней по рожденію и средствомъ, красивыми женщинами, съ которыми онъ показывается всюду, который наконецъ, когда средства его истощатся отъ безумно расточительной жизни, не задумается сдѣлается альфонсомъ богатой старухи.

Увидѣвъ ребенка, слышащаго за дѣло, по умѣренно растая

нибудь, чтобы его не замѣтили, чтобы не получать оскорбленія словомъ или пинка. Хорошо еще, если въ семьѣ есть нянька или кто нибуть изъ прислуги, которая пожалѣетъ бѣднаго, обижаемаго всѣми, ребенка и приголубитъ его отъ времени до времени; хорошо, когда найдутся постороннія теплыя сердца, которыя откликнутся сочувственно на горе ребенка и постараются облегчить его нравственныя страданія. А то бывали примѣры, что такой забитый ребенокъ доходилъ, дѣйствительно, чуть не до идиотизма. Бывали примѣры, что такой ребенокъ, въ порывѣ отчаянія, покушался на свою жизнь: такъ невыносима была для него эта незаслуженная печать отверженія.

И здѣсь, такъ-же какъ при захваливаніи, важную роль играетъ наружность ребенка. «Это у насъ красавчикъ, умница, а этотъ уродъ, не знаемъ, въ кого уродился. идиотъ какой-то». И бѣдный некрасивый ребенокъ преслѣдуется насмѣшками и язвительными укорами... за то, что при рожденіи не получилъ красиваго лица.

Знали мы и такіе примѣры, что изъ нелюбимаго, отверженнаго родителями ребенка, благодаря счастливой его природѣ, или благодаря тому, что находились чужіе люди, смягчавшіе своею внимательностію тяжелое семейное положеніе ребенка, выходилъ человекъ дѣльный, благородный, стойкій; что онъ, при печально измѣнившихся обстоятельствахъ родителей, дѣлался подпорою ихъ старости, ихъ единственною отрадою и утѣшеніемъ, тогда какъ ихъ прежніе любимчики частію довольно равнодушно относились къ ихъ участи, частію, избалованные съ дѣтства, поступали въ разрядъ неудачниковъ. Какое чувство должны были испытывать старики—родители, съ любовію поддерживаемые ихъ прежнимъ отверженцемъ.

Нѣкоторые родители и любятъ своихъ дѣтей, но, подъ вліяніемъ мнѣнія, что ласкать ребенка значить портить его, удерживаются отъ показанія дѣтямъ своей любви, надѣвая на себя въ сношеніяхъ съ ними маски строгости и суровости. Ребенокъ видитъ, что родители ласковы и вѣжны другъ съ другомъ, ласковы къ чужимъ дѣтямъ, но къ нему всегда хо-

людны, хотя и доставляютъ все, для него нужное, — никогда не прижмутъ его къ своему сердцу, никогда не поцѣлуютъ, только и позволяютъ ему цѣловать свою руку. А между тѣмъ они хвалятъ его, даютъ ему хорошіе подарки, награждаютъ его за прилежаніе книгами и деньгами. Но для ребенка всего этого, недостаточно, — холодомъ вѣтъ отъ всѣхъ тѣхъ похвалъ, подарковъ, наградъ. Сердце ребенка требуетъ теплоты, ласки.

Для добраго, хорошаго ребенка дороже всякихъ наградъ и похвалъ ласка родителей, которую онъ цѣнитъ, которую онъ помнитъ всю жизнь, когда эта ласка идетъ отъ чистаго, любящаго сердца. На такую родительскую ласку всегда готово откликнуться чуткое и отзывчивое сердце ребенка. Никакія ласки кормилицы и нянекъ, боннъ и гувернантокъ не могутъ замѣнить ребенку ласки отца и матери. Лишать ребенка этой ласки, къ которой стремится онъ всѣмъ сердцемъ, болѣе чѣмъ жестоко. А нѣтъ ли отцовъ, которымъ и въ голову не приходитъ приласкать ребенка, которые такую ласку считаютъ излишнею вѣжностью? Нѣтъ ли матерей, которыя, вполнѣ отдавшись свѣтскимъ удовольствіямъ, не находятъ времени приласкать своего ребенка, жаждущаго ласки? Нѣтъ ли отцовъ и матерей, которые и видятъ своего ребенка только тогда, когда его приводятъ къ нимъ наемныя бонны и воспитательницы, чтобы сказать отцу и матери bon jour и bon soir и поцѣловать у нихъ ручку? А ребенку, вмѣсто этого холоднаго привѣтствія, такъ хотѣлось бы кинуться въ объятія отца и матери, приникнуть къ ихъ груди горячей головенкой и получить отъ нихъ сердечный поцѣлуй. Всѣ свои богатя, разнообразныя игрушки, которыя такъ часто покупаютъ ему родители, видящіе его только по утрамъ и вечерамъ, онъ охотно отдалъ бы за одну теплую родительскую ласку.

Шестаковъ.

(Окончаніе будетъ).

ПИСЬМА КАТОЛИКА
ВЪ ЖУРНАЛЪ „L'UNION CHRÉTIENNE“
СЪ ОТВѢТАМИ НА НИХЪ О. Владиміра Гетте.

(Продолженіе *).

Восьмое письмо.

Г. Редакторъ l'Union chrétienne,

Я пересталъ на нѣкоторое время писать вамъ. Не думайте, что это произошло отъ того, что я не оцѣнилъ ваши отвѣты. Нѣтъ, я почувствовалъ къ вамъ глубочайшее почтеніе, и ваши письма пролили мнѣ свѣтъ на многіе вопросы. Позвольте мнѣ написать вамъ въ настоящее время о злоупотребленіяхъ интеллектуальною культурою. Я буду очень радъ, если узнаю, что въ православной Церкви раздѣляютъ тѣ же убѣжденія, какъ и въ римской Церкви, истинное ученіе которой я хочу изложить въ своихъ письмахъ.

Иисусъ Христосъ сказалъ своимъ апостоламъ: *Ite et docete omnes gentes*; идите и научите всѣ народы. Такимъ образомъ Онъ возложилъ на Церковь обязанность напоминать вѣрующимъ Его слова и Его заповѣди и распространять среди язычниковъ крещеніе и евангеліе.

Католическая же Церковь, по благодати Иисуса Христа, есть истинная наставница человѣческаго рода, и никто не имѣетъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1891 г., № 2.

права, не возставая противъ власти самого Бога, присвоить себѣ преподаваніе внѣ церковнаго надзора.

Каждое дитя, рожденное въ нѣдрахъ церкви, принадлежитъ ей болѣе, чѣмъ своимъ родителямъ; крещеніе отдаетъ дитя Церкви, обученіе подчиняетъ его ей.

Это неизмѣнное правило, такъ какъ оно есть божественное, было почитаемо до послѣдняго столѣтія, т. е. до той эпохи, когда философія и революція попытались уничтожить его.

Но оно не могло быть отмѣнено. Вселенскій соборъ, подъ предсѣдательствомъ папы или по его уполномочію, одинъ только имѣлъ бы право на это. Но никто не собрался бы на этотъ соборъ, развѣ только для того, чтобы протестовать противъ той узурпаціи, которая продолжается до настоящаго времени, не смотря на непрерывныя заявленія епископата.

Католическія націи, каковы, на примѣръ, Франція, Бельгія, Пьемонтъ, смиренно признали нравственное и религіозное первенство Церкви и, не смотря на то, по странному противорѣчію, онѣ отняли у ней общественное преподаваніе, первоначальный пунктъ этого первенства, подъ предлогомъ свободы совѣсти, какъ будто эта свобода у католика состоитъ въ чемъ-то иномъ, а не въ выборѣ лучшихъ средствъ познанія божественной воли; кто же лучше Церкви можетъ ихъ указать?

Разсмотримъ результаты свѣтскаго преподаванія.

Дѣти рабочихъ или крестьянъ посылаются въ общинныя школы, гдѣ ихъ обучаютъ катехизису въ нѣсколько страницъ; потомъ ихъ ведутъ къ первому причастію, какъ на праздникъ, о чемъ они будутъ вспоминать послѣ, потому что они были одѣты тогда въ новое платье и получили поздравленія отъ своихъ родителей.

Сдѣлавшись взрослыми людьми, они припоминаютъ о томъ, что они католики лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда, напр., хоронятъ родителей или товарищей, когда ихъ приглашаютъ на свадьбу, на крестины, на храмовой праздникъ; они мало беспокоятся при этомъ, какъ бы не совершить святотатственнаго дѣйствія, появляясь въ Церкви въ непочтительной по-

зѣ. съ разсѣяннымъ взглядомъ и съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

Городскіе рабочіе получаютъ въ нѣкоторомъ родѣ особенное обученіе, обученіе мастерскихъ, совершенно противоположное религіи, ибо тамъ происходитъ вѣчная смѣна идей; рабочій привыкаетъ тамъ къ чтенію сочиненій или журналовъ съ направленіемъ философскимъ или революціоннымъ; это антикатолическая пропаганда, которой не можетъ положить предѣла ревность духовенства, безъ дѣятельнаго содѣйствія со стороны абсолютнаго правительства.

Что касается до *именитыхъ* дѣтей (*fils de famille*), какъ говорится, т. е. рожденныхъ отъ богатыхъ или достаточныхъ родителей, то ихъ рано запираютъ въ пансіонъ или коллегію, гдѣ вѣра заглушается класснымъ преподаваніемъ. По совершеніи перваго причастія, ихъ болѣе не принуждаютъ къ религіознымъ упражненіямъ, тѣмъ не менѣе названіе это даютъ періодическимъ духовнымъ собесѣдованіямъ, которыхъ они не слушаютъ, повторенію перваго причастія, которое совершаютъ машинально, утреннимъ и вечернимъ молитвамъ, молитвамъ предъ трапезою и послѣ трапезы, предъ классами и послѣ нихъ и т. п. (въ количествѣ нѣтъ недостатка), которыя профессора и ученики исполняютъ не для того, чтобы сосредоточиться внутри себя, но уступая лишь обычаю, священному классной традиціей. Даже и эти упражненія уничтожены въ настоящее время.

Образцовыя произведенія древнихъ временъ, литературныя и философскія, составляютъ основу обученія, и если нѣкоторые духовные авторы, какъ Боссюэтъ, Фенелонъ, Бурдалу, проскользаютъ между этими языческими писателями, то лишь по своему краснорѣчію и прекрасному слогу они получаютъ здѣсь право убѣжища; но такъ какъ духовные писатели говорятъ менѣе молодому воображенію, чѣмъ Вергилій, Гораций, Тибулль, то ихъ очень скоро откладываютъ въ сторону, за исключеніемъ развѣ *Телемака*, книги языческой. И послѣ этого удивляются, что изъ коллегій выходятъ столь ничтожныя философы и столь скороспѣлыя ученые, которые, едва вступая въ свѣтъ, спѣшатъ приложить это свое знаніе къ

Въ прежнихъ университетахъ, управляемыхъ духовенствомъ, элементъ религіозный преобладалъ и уравновѣшивалъ классическое преподаваніе; однакожь большее число учениковъ, по раціоналистическому направленію, больше предавались изученію произведеній древнихъ писателей, чѣмъ твореній Отцевъ Церкви; таковы были энциклопедисты, воспитанные въ коллегіяхъ іезуитовъ. Іезуиты, слишкомъ расширяя обученіе, подвергали, да подвергаютъ и теперь молодые умы опасности быть уловленными въ сѣти новыхъ идей.

Нѣкоторые знаменитые проповѣдники нашихъ дней, получившіе подобное воспитаніе, горячо защищаютъ языческихъ писателей. Это и понятно; они не находили ни въ Писаніи, ни у Отцевъ Церкви того великолѣпія въ слогѣ, тѣхъ цвѣтовъ краснорѣчія, которыми они усыпаютъ свои рѣчи и которые привлекаютъ толпу свѣтскихъ слушателей, жадныхъ до красивыхъ фразъ и ораторскихъ движеній.

Нѣкоторые епископы поднимаютъ робкій голосъ, для возвращенія себѣ неотчуждаемаго права Церкви на общественное преподаваніе; но эти одинокіе протесты лишь еще болѣе оттѣняютъ общее оцѣпененіе, въ которомъ закоснѣли католическіе народы по вопросу о преподаваніи и которое проникаетъ даже въ самое духовенство. Дѣятельнѣйшее сопротивленіе преобладанію раціоналистическаго обученія исходитъ отъ одного лишь свѣтскаго лица, г. Вейло (Veillot), и *l'Univers* своею ежедневною полемикою сдѣлалъ больше, чѣмъ всѣ епископы съ ихъ пастырскими увѣщаніями.

Еслибы однакоже члены епископата вновь вооружились мужествомъ, которое Іисусъ Христосъ заповѣдалъ своимъ апостоламъ и ихъ преемникамъ, то они могли бы, въ силу своего божественнаго права, въ силу своего непогрѣшимаго полномочія, смѣло выступить предъ лицомъ католическихъ правительствъ и сказать имъ: «Во имя Бога, отъ Котораго берутъ начало всѣ власти земныя, во имя Сына Божія, божественность Котораго вы признали, во имя святой Церкви католической, апостолической, римской, предъ Которой вы преклоняетесь въ торжественные дни, мы требуемъ возвращенія нашего неизмѣннаго и неотчуждаемаго права обучать

юношество и отлучаемъ отъ таинствъ тѣхъ, кто будетъ по-лучать воспитаніе отъ свѣтскихъ лицъ, не уполномоченныхъ къ тому Церковію».

Конституціонныя правительства отвѣчаютъ, что руки ихъ связаны въ дѣлѣ свободы преподаванія и связаны существеннымъ членомъ (articles) ихъ конституцій. Пусть такъ; но свобода обученія проистекаетъ изъ свободы вѣры, вслѣдствіе чего родители имѣютъ право воспитывать своихъ дѣтей въ своей религіи. Еврей воспитываетъ своихъ дѣтей у раввина, протестантъ у пастора; а католикъ развѣ въ правѣ воспитывать своихъ дѣтей у протестантскаго учителя или философа, т. е. у врага своей религіи? Нѣтъ, ибо эти дѣти, по благодати крещенія, принадлежатъ Церкви, и у ней не могутъ похищать душъ, о которыхъ она обязана дать отчетъ Богу.

И вотъ поэтому коллегія и факультеты преизобилуютъ профессорами еретиками или вольнодумцами, которые напываютъ своимъ невѣріемъ учениковъ, ввѣренныхъ ихъ наставленіямъ; а когда епископы жалуются на это, то всѣ поднимаютъ крикъ о преобладаніи духовной власти надъ свѣтской, и тѣ не считаются католиками, которые кричатъ наименѣе громко. Они боятся, по словамъ ихъ, того, чтобы эти протесты епископовъ не внесли смятеніе въ сознаніе, не нарушили бы общественное спокойствіе, не увеличили бы числа противниковъ католицизма. Но этимъ слишкомъ боязливымъ умамъ можно отвѣтить слѣдующимъ полустипіемъ:

La foi qui n'agit pas, est-ce une foi sincère?

(Вѣра, которая не проявляется въ дѣйствіяхъ, искренняя ли это вѣра?).

Тщетно Св. Престоль поражаетъ *запрещеніемъ (l'index)* сочиненія нѣкоторыхъ профессоровъ; средство это хуже, чѣмъ плохое; оно способствуетъ лишь большому привлеченію къ нимъ слушателей и большей распродажѣ ихъ книгъ.

Если даже и истинному католику приходится быть свѣтскимъ преподавателемъ, то и онъ лишается полной возможности посвятить религіозному воспитанію все то усердіе, какого оно требуетъ; его свѣтская жизнь, его мірскія занятія

отвлекаютъ его обыкновенно отъ благочестивыхъ упражненій въ которыхъ онъ долженъ подавать примѣръ своимъ ученикамъ. Съ другой стороны, между начальниками учебныхъ заведеній установился родъ конкуренціи въ стремленіи дать своему преподаванію возможно большую широту и такимъ образомъ поймать родителей на удочку обширныхъ знаній; а въ этомъ не малая опасность для религіи.

Свѣтское преподаваніе помѣщаетъ на школьныхъ скамьяхъ рядомъ другъ съ другомъ католиковъ и еретиковъ, вслѣдствіе чего первые подпадаютъ опасности слышать отъ вторыхъ, если не внушенія къ отступничеству, то по крайней мѣрѣ наблюденія, обмѣнъ идей, разсужденія, способныя поколебать ихъ вѣру; а профессора, съ своей стороны шадя всѣхъ, располагаютъ свои уроки такимъ образомъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными для различныхъ вѣроисповѣданій; отсюда возникаетъ система безпристрастія, которая скоро превращается въ религіозное равнодушіе.

Ученики, привыкшіе къ постоянному сообщенію мнѣній иновѣрцевъ, строго логическимъ путемъ приходятъ къ тому заключенію, что если католическая религія и истинна, то все-таки ея истинность не имѣетъ характера такой безусловности, чтобы она не могла приравливаться къ враждебному сосѣдству другихъ религій, и не на столько совершенна, чтобы не могла заимствовать кое-чего и изъ раціоналистическихъ разсужденій.

Нѣкоторые епископы возставали противъ подобнаго смѣшаннаго обученія.

Странно, что газеты, заявляющія притязаніе на названіе католическихъ, могли присоединиться въ этомъ отношеніи къ ереси и нечестію и требовать уваженія къ конституціоннымъ законамъ.

Единственнымъ врачевствомъ въ этомъ ложномъ положеніи было бы возвращеніе къ старымъ законамъ, т. е. ко внутреннему (intime) согласію (accord) между Церковью и государствомъ; ибо какъ первая имѣетъ право связывать и разрѣшать грѣхи, такъ и государство имѣетъ власть измѣнять гражданскіе законы, чтобы лучше сообразоваться съ канони-

ческими постановленіями; одна обладаетъ словомъ, другое мечь; одну должно слушать, другому повиноваться.

Но законъ божескій и законъ человѣческій одинаково смотритъ, какъ на соучастниковъ во злѣ, на всѣхъ тѣхъ, кто, имѣя возможность воспрепятствовать злу, допускаетъ однако же ему совершаться. Итакъ, тѣ, которые управляютъ людьми по милости Божіей, обязаны дать Богу отчетъ въ своемъ столь высокомъ призваніи. Они испрашиваютъ у Бога благословенія на ихъ скипетръ; они просятъ у Него сохраненія ихъ династіи. Поэтому, въ свою очередь, они обязаны полною покорностью Его повелѣніямъ и повелѣніямъ Его Церкви; они должны, слѣдовательно, согласовать учрежденія своихъ государствъ съ откровенными законами, воспитывать юношество въ принципахъ чистѣйшаго правосмыслия; а если встрѣтятъ сопротивленіе этому со стороны своихъ подданныхъ, то развѣ они не обладаютъ всѣми матеріальными средствами для того, чтобы принудить ихъ къ молчанію? Съ Божью помощію дѣятельность государства въ этомъ направленіи приведетъ къ чему-либо хорошему.

Говорятъ, что правосмысленное ученіе не согласуется болѣе съ современною наукою; тѣмъ хуже для науки; ибо, если она противорѣчитъ священному преданію, то ее должно, *a priori*, объявить ложною и негодною (aveuue).

Я продолжу рѣчь объ ятомъ предметѣ въ моемъ будущемъ письмѣ.

ОТВѢТЪ НА ВОСЬМОЕ ПИСЬМО КАТОЛИКА.

Милостивый Государь,

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ вы ставите такой вопросъ: въ случаяхъ, когда Библия и наука находятся въ противорѣчій, не должно ли отдавать предпочтеніе Библии? Вы говорите, что таково мнѣніе римской Церкви и спрашиваете у меня, какъ думаетъ относительно этого православная Церковь?

Я вамъ отвѣчу прежде всего, милостивый государь, что я никогда не выдавалъ себя за голосъ (organe) православ-

ной Церкви. Я защищаю отъ себя самого официальное ученіе православной Церкви; я противопологаю его ложному ученію римской Церкви; я стараюсь въ особенности доказать, что только православная Церковь есть Церковь первоначальная, ученіе которой она сохранила съ священною тщательностію. Но я всегда остерегался приписывать ей мнѣнія или вѣрованія, которыхъ она не признаетъ. У ней нѣтъ маніи, подобно римской Церкви, создавать новые догматы; она довольствуется сохраненіемъ залога, вѣреннаго ей первенствующею Церковію. Но въ этомъ залогѣ мы не находимъ никакого члена вѣры относительно вопроса, предложеннаго вами.

Ваша римская Церковь, милостивый государь, не высказывалась съ такою силою въ пользу ученія, которое вы ей приписали и которое вы должны будете изложить яснѣе. Безъ сомнѣнія, Св. Писаніе, въ случаѣ противорѣчія его съ наукою, должно отвергать ее; но для этого нужно сначала, чтобы смыслъ Писанія былъ установленъ неоспоримо и чтобы научныя данныя равнымъ образомъ были неоспоримы. Но легко ли установить истинный смыслъ библейскихъ текстовъ? Мы отвѣчаемъ, что это, напротивъ, очень трудно. Мы можемъ найти этому доказательства въ многочисленныхъ толкованіяхъ на св. Писаніе во всѣхъ христіанскіе вѣка. Всѣ толкователи работали подъ наблюденіемъ Церкви, и ихъ всегда скорѣе одушевляли, чѣмъ останавливали въ ихъ ученыхъ работахъ.

Такимъ образомъ надобно признать два положенія: во-первыхъ то, что позволено толковать Библию, во-вторыхъ, что наука имѣетъ право предаваться всевозможнымъ изслѣдованіямъ, которыя только подлежатъ ея вѣдѣнію. И дѣйствительно, въ самой Библии можно читать, что Богъ *предоставилъ міръ человеческимъ изслѣдованіямъ*. Это тотъ міръ, изслѣдованіемъ котораго собственно и занимается наука, наблюденія которой, повидимому, находятся въ противорѣчіи съ извѣстными фактами и извѣстными библейскими текстами. Такъ какъ Богъ позволилъ изслѣдованіе по этому предмету, то слѣдовательно Онъ не установилъ точнаго смысла Библии объ этихъ фактахъ и объ этихъ текстахъ, и нельзя поэтому противопоставлять ихъ на-

учнымъ выводамъ. Слѣдуетъ лучше толковать ихъ такимъ образомъ, чтобы уничтожить всякое противорѣчіе между ними и наукою. Такъ поступали наичуднѣйшіе Отцы Церкви. Нѣкоторые изъ нихъ принимали, напр., шесть дней творенія и устроенія міра не за шесть обыкновенныхъ дней, а за неопредѣленные эпохи. Вѣдь можно же давать этимъ эпохамъ какое угодно протяженіе, не противорѣча тѣмъ Библии. Наука свободна въ этомъ отношеніи въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Я думаю, милостивый государь, что вы не въ правѣ были высказываться такъ рѣшительно объ отношеніяхъ религіи и науки, разъ вы не имѣете необходимыхъ знаній, чтобы установить точный смыслъ библейскихъ текстовъ. Даже ваша римская Церковь не высказывалась такъ положительно, какъ вы, и оставляетъ извѣстный просторъ для тѣхъ, кто хочетъ заниматься изслѣдованіями. Даже богословы позволяли себѣ высказываться въ пользу мнѣній, противоположныхъ вашимъ.

Мое же мнѣніе, милостивый государь, состоитъ въ томъ, что благочестивые люди должны поступать съ величайшимъ благоразуміемъ, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи смысла библейскихъ текстовъ, и должны показывать себя друзьями науки. Такъ будетъ лучше, чѣмъ подвергать науку подозрѣнію и противопоставлять ей тексты, очень часто худо понятые. Поступая такимъ образомъ, не придется отвѣчать на вашъ вопросъ; ибо религія и наука не находятся въ противорѣчій; да не придется и выбирать между той или другой. Истинная наука и истинная религія всегда находятся въ согласіи между собою.

И—нъ

(Продолженіе будетъ).

Пессимизмъ какъ выраженіе и вмѣстѣ послѣдствіе опредѣленнаго міроеозерцаія.

Отъ чего происходитъ столь обычное въ настоящее время недовольство жизнью. Пессимистическій взглядъ на жизнь какъ на сплошное страданіе. Путь къ избавленію отъ страданія. Умъ какъ орудіе погашенія желаній. Удовольствіе какъ цѣль жизни. Предпочтеніе умственныхъ и эстетическихъ удовольствій и совпаденіе ихъ съ основаніемъ нравственности. Двойственность въ пониманіи конечной цѣли жизни. Источникъ этой двойственности. Историческое положеніе и значеніе философіи Шопенгауера.

Никогда, кажется, не было столь распространеннымъ недовольство жизнью, какъ въ наше время. Пессимизмъ—господствующее теперь настроеніе. Возникло оно уже давно и все болѣе распространяется. Достаточно указать на байронизмъ, который, какъ извѣстно, отчасти отразился въ поэзіи Пушкина, а главнымъ образомъ въ поэзіи Лермонтова. Родственная по духу съ байронизмомъ поэзія другаго болѣе поздняго, но столь-же общеизвѣстнаго поэта *Гейне*. Философское выраженіе пессимизма далъ Шопенгауеръ, который, благодаря этому, также сдѣлался общеизвѣстнымъ и многими признается за величайшаго философа. Впрочемъ пессимизмъ господствуетъ теперь, повидимому, не въ видѣ опредѣленнаго ученія и какъ твердо обоснованный и приведенный въ систему взглядъ на жизнь, но въ видѣ неопредѣленнаго смутнаго настроенія, которое выражается въ томъ, что съ необычайною легкостію расчитываются съ жизнью. Сколько людей лишаютъ себя жизни ради того, что жизнь имъ надоѣла, что, по ихъ мнѣнію не стоитъ жить. Жизнь представляется теперь многимъ столь незначашею, малоцѣнною вещью, что ничего не стоитъ ее бросить, какъ только пред-

ставляется къ тому удобный случай. По старинному вѣковому взгляду на жизнь можно и должно подвергать себя смертной опасности только ради великихъ цѣлей, — болѣе важныхъ, чѣмъ сама эта жизнь, напр. изъ любви къ отечеству, къ истинѣ и добру. Теперь же лишеніе себя жизни не есть болѣе жертва, а лишь освобожденіе себя отъ излишняго бремени. Добровольное лишеніе себя жизни, по современнымъ понятіямъ, есть *самоуничтоженіе*: что возникло изъ ничтожества, — должно снова обратиться въ ничтожество; но не лучше ли добровольно уничтожить себя, нежели ожидать пока слѣпой случай, или непонятная для насъ сила природы обратитъ насъ въ ничто. По философіи стоиковъ, судьба предопредѣляетъ теченіе жизни каждаго съ неотвратимою необходимостію, такъ что въ этомъ отношеніи всѣ равны; но мудрецъ тѣмъ различается отъ глупца, что первый, познавъ законъ судьбы, добровольно ей подчиняется, тогда какъ послѣдній, по глупости, напрасно ей сопротивляется. Такъ-же точно, по философіи пессимизма, если необходимый конецъ жизни есть уничтоженіе личности, то лучше ужъ пусть этотъ неизбѣжный конецъ будетъ добровольнымъ нашимъ дѣломъ, нежели дѣломъ невольнымъ, зависящимъ отъ случая, отъ причинъ непредвидимыхъ. Отсюда ясно, что въ самомъ неопредѣленномъ пессимистическомъ настроеніи, въ простомъ недовольствѣ жизнью вообще сказывается однако извѣстный взглядъ на жизнь, именно тотъ взглядъ, что жизнь есть случай, вызванный къ бытію стеченіемъ многоразличныхъ обстоятельствъ, что какъ позади, такъ и впереди жизнь наша окружена непроницаемою тьмою. Для объясненія такъ часто встрѣчающагося недовольства жизнью обыкновенно указываютъ на множество частныхъ причинъ и условій дѣлающихъ жизнь тягостною; но всѣ такія причины и условія только поддерживаютъ и усиливаютъ уже существующее недовольство, а создать его не могутъ. Почему же нерѣдко при самыхъ счастливыхъ условіяхъ мы встрѣчаемъ недовольство жизнью, и наоборотъ, — при условіяхъ тягостныхъ иногда встрѣчается довольство жизнью. Безспорно, что главный источникъ нашего довольства или недовольства жизнью заключается въ томъ, какъ мы смотримъ на жизнь вообще, какую цѣнность имѣетъ

жизнь въ нашихъ глазахъ, а такъ какъ жизнь наша тѣсно связана съ міровою дѣйствительностію вообще, будучи важнѣйшимъ феноменомъ или частью этой дѣйствительности, то понятно, что нельзя имѣть никакого опредѣленнаго взгляда на жизнь, безъ нѣкотораго болѣе общаго воззрѣнія на всю дѣйствительность. Такое болѣе общее воззрѣніе на дѣйствительность, лежащее всегда въ основѣ всякаго опредѣленнаго взгляда на жизнь и дающее этому взгляду опредѣленный цвѣтъ и характеръ, называется *міросозерцаніемъ*. Можно сказать, что нѣтъ столь бѣдной умственно души человѣческой, чтобы не содержалось въ ней извѣстное міросозерцаніе, въ смутныхъ и неопредѣленныхъ чертахъ конечно, иногда же невѣдомо для нея самой. И такъ велика организующая сила мысли, что никакая, запавшая въ душу, идея не остается тамъ безъ свойственнаго ей дѣйствія на другія соприкосновенныя съ нею идеи и на весь умственный строй человѣческой души. Извѣстенъ фактъ, что мысль, внушенная кому либо во снѣ, заставляетъ повиноваться ей невольно и дѣлать то, что ею требуется. Это, конечно, болѣзненное проявленіе того общезвѣстнаго свойства умственной организаціи человѣка, что всякая идея обладаетъ сама по себѣ нѣкоторою мощью и производитъ соотвѣтственное ей дѣйствіе въ душѣ человѣка, при чемъ понятно, что чѣмъ чаще повторяется извѣстная идея въ сознаніи человѣка, будучи многообразно воспринимаема, тѣмъ неотразимѣе должно быть ея дѣйствіе на умъ, если только это дѣйствіе не парализуется болѣе сильнымъ вліяніемъ другихъ, противныхъ ей идей. Впрочемъ, всегда придавалось важное значеніе тому, каковъ образъ мыслей у человѣка, но всегда же (у насъ по крайней мѣрѣ) мало вникали въ то, какимъ образомъ слагается такой или иной образъ мыслей, — зависитъ ли это отъ стеченія случайныхъ причинъ, или же здѣсь дѣйствуютъ органическія силы и слѣдуетъ предполагать присутствіе извѣстнаго закона, и какимъ образомъ должно быть ведено образованіе мышленія, какъ такой силы, которая, разумѣется, важнѣйшее значеніе имѣетъ въ образованіи всякаго рода міросозерцаній. Гораздо большее вниманіе издавна обращается на изученіе различныхъ образцовъ искусства словеснаго. Изученіе литературы всегда считалось

важнѣйшимъ образовательнымъ средствомъ, но изученіемъ мышленія, отъ котораго зависитъ самый языкъ, служа для него орудіемъ, а также изученіемъ образцовъ и разныхъ типовъ человѣческаго мышленія, которые можно находить также и въ произведеніяхъ литературныхъ, всегда пренебрегали и считали это дѣломъ не многихъ любителей и спеціалистовъ. Конечно, разъяснить строй мысли, составляющій основу извѣстнаго міросозерцанія, дать точную характеристику извѣстной системы мышленія, уловить и выразить понятнымъ для всякаго образомъ самый его духъ, не довольствуясь наборомъ подлинныхъ мѣстъ, взятыхъ у извѣстнаго мыслителя, это дѣло трудное. Но развѣ легче разъяснить и истолковать должнымъ образомъ великое произведеніе литературнаго искусства? Первое не менѣе необходимо и важно, какъ и послѣднее.

Кто увѣренъ въ томъ, что концомъ жизни можетъ быть только полное уничтоженіе личности, разрѣшеніе бытія въ небытіе, для того не можетъ быть иной конечной цѣли, какъ только наилучшимъ образомъ воспользоваться своимъ временемъ для добыванія тѣхъ благъ, какія намъ доступны, чтобы какъ можно болѣе насладиться жизнью, завоевать наибольшую сумму удовольствій. Философія пессимизма не знаетъ и не признаетъ иной цѣли жизни. Такая цѣль была бы допустима, еслибы вполнѣ зависѣло отъ насъ имѣть одни лишь удовольствія и избѣгать всего непріятнаго; но по опыту каждому извѣстно, сколько бываетъ въ жизни непредвидимыхъ и ни чѣмъ неотвратимыхъ страданій, притомъ столь сильныхъ и разрушительныхъ для насъ, для нашихъ желаній и надеждъ, что предъ ними блѣднѣютъ всякія удовольствія и теряютъ свою заманчивость. И что удивительно! Представители пессимистической философіи не только признаютъ это, но даже преувеличиваютъ до крайности невозможность осуществленія конечной цѣли жизни, которая пми же самими выставляется какъ единственно возможная. Полагая, что единственно возможная цѣль жизни есть счастье, наслажденіе, они доказываютъ въ тоже время, что счастье для насъ невозможно, что всякое наслажденіе обманчиво, что жизнь есть ничто иное какъ страданіе. То, что мы называемъ удовольствіемъ, говорятъ намъ философы—пес-

симисты, есть только облегченіе страданія; оно кратковременный отдыхъ, минутная передышка среди всяческихъ тягостей, удручающихъ насъ; оно — незначительный перерывъ, малый промежутокъ въ длинной цѣли бѣдствій, —наполняющихъ нашу жизнь, и даже болѣе того: нѣтъ такого удовольствія, къ которому не примѣшивалось бы болѣе или менѣе страданіе. Такимъ образомъ пессимистическая философія сама же отрицаетъ то, что признается ею единственнымъ благомъ и цѣлью жизни. Философія эта въ сущности сама надъ собою смѣется, но свой собственный смѣхъ она выдаетъ за иронію судьбы. Она полагаетъ, что жизнь дана намъ для наслажденія, что иной цѣли и быть не можетъ, а такъ какъ наслаждаться жизнью мы не можемъ, ибо на самомъ дѣлѣ она есть страданіе, то слѣдовательно сама судьба обрекла насъ на постоянный обманъ и разочарованіе ¹⁾. Она играетъ и какъ бы забавляется нами, она прельщаетъ насъ обманчивымъ видомъ удовольствій и побуждаетъ насъ домогаться ихъ во что-бы то ни стало, но всякій разъ какъ цѣль наша достигнута и желаемое осуществилось, мы видимъ, что напрасны были наши надежды и мечты, тщетны усилія. По здравому разсужденію, если удовольствія, которыхъ ищутъ постоянно въ жизни, обманчивы, если наслажденіе—цѣль неосуществимая, то значитъ настоящая подлинная цѣль жизни не въ этомъ заключается; значитъ,—какъ бы ни были для насъ желательны удовольствія всякаго рода, но не къ этому мы призваны, не на то дана намъ жизнь, чтобы искать постоянно удовольствій и наслаждаться. Въ самомъ дѣлѣ, откуда пессимистическая философія выводитъ, что такова именно конечная цѣль жизни и что иной быть не можетъ? Такой взглядъ на жизнь она оправдываетъ слѣдующимъ простымъ разсужденіемъ: несомнѣнно, что воля есть основа всякаго бытія, и въ особенности она есть основная сила въ природѣ человѣка. Но воля проявляется въ актахъ хотѣнія и нехотѣнія; само собою понятно при этомъ, что хо-

1) Нужно гнѣтъ, что пессимистическая философія прямо того не выражаетъ, что наслажденіе признается ею цѣлью жизни; достаточно и того, что такой взглядъ на жизнь прямо вытекаетъ изъ самыхъ основаній пессимизма. Если не считать жизнь предназначенною для удовольствій, то изъ-за чего же ее охуждать?

тимъ мы всегда того, что для насъ пріятно, а не хотимъ непріятнаго. Итакъ, стремленіе къ удовольствію и отвращеніе отъ всего непріятнаго,—это необходимые и первоначальные, основные мотивы нашихъ дѣйствій. Всякое желаніе или хотѣніе есть знакъ того, что намъ чего-то не достаетъ и, слѣдовательно, есть состояніе страдательное, состояніе недовольства. Жизнь наша отъ того именно бѣдственна, что мы имѣемъ различныя желанія; не будь у насъ желаній, мы бы не страдали. Значитъ одинъ только путь есть къ избавленію отъ страданія; этотъ путь—освобожденіе отъ желаній. Если бы воля была единственною дѣйствующею въ насъ силою, то конечно освобожденіе отъ желаній было бы невозможно. Но у насъ кромѣ воли есть умъ. Конечно умъ есть произведеніе воли, и какъ произведеніе воли—предназначенъ служить ея орудіемъ, что мы и видимъ дѣйствительно у животныхъ; но у человѣка умъ является, или по крайней мѣрѣ можетъ быть, самостоятельною силою независимою отъ воли. Поэтому дѣятельность ума можетъ служить средствомъ къ освобожденію отъ всякихъ желаній. Цѣль эта достигается лишь только мы вполне отдаемъ во власть созерцанія свойственнаго уму, которое бываетъ то въ видѣ познанія, когда предметомъ его служатъ разные виды и степени бытія, то въ видѣ эстетическаго наслажденія, когда предметомъ его служитъ прекрасное въ природѣ или искусствѣ. Когда дѣятельность ума достигаетъ наибольшаго развитія, такъ что вся душа наполняется ею, тогда воля вмѣстѣ съ неутолимою жаждою жизни, наслажденія, ослабѣваетъ и даже совершенно погасаетъ, всякія желанія въ самомъ ихъ корнѣ отсѣкаются. Разсужденіе это ясно показываетъ, въ чемъ заключается главное заблужденіе философіи пессимизма. Если умъ не только можетъ быть независимымъ отъ воли, но и въ состояніи преодолѣвать ее, лишать ее всякой силы, подавлять и какъ бы уничтожать ее, то какъ послѣ этого можно еще признавать умъ произведеніемъ и проявленіемъ воли? Въ такомъ случаѣ подавленіе воли дѣятельностью ума означало бы отрѣшеніе воли отъ самой себя и подавленіе ею самой же себя. Конечно, человѣкъ обладаетъ способностію вести борьбу противъ самаго себя и отрѣшаться отъ себя, но это возмож-

но потому только, что есть въ человѣкѣ разныя силы, -- высшія и низшія, и однѣ силы могутъ быть направлены противъ другихъ; но какъ возможно, чтобы единая и недѣлимая сила могла быть направлена противъ себя и самой себѣ противо-дѣйствовать? Отрѣшенія воли отъ самой себя не могло бы быть, если бы это отрѣшеніе должно было исполняться собственною ея силою; то было бы лишь отрѣшеніе одной части воли отъ другой, однихъ проявленій воли отъ другихъ, при чемъ сама воля все же оставалась бы при самой себѣ. Впрочемъ невозможность раздѣлять совершенно волю отъ ума была уже указана въ своемъ мѣстѣ. Для насъ теперь важнѣе то заключеніе, къ которому мы приходимъ, на основаніи предъидущаго, относительно ученія пессимистической философіи о конечной цѣли жизни: невозможно признать таковою цѣлью удовольствіе, коль скоро возможно, и даже предлагается, какъ высшее благо для человѣка, освобожденіе отъ всякихъ желаній. Вѣдь удовольствіе заключается въ осуществленіи желанія, а когда желанія совершенно отсутствуютъ, то какое же возможно тогда удовольствіе? При отсутствіи желаній и удовольствія, соединенныя съ ихъ удовлетвореніемъ, отсутствуютъ. А такъ какъ сама же философія пессимизма, смотря на жизнь, какъ на сплошное бѣдствіе, признаетъ важнѣйшимъ для человѣка дѣломъ освобожденіе отъ желаній, чрезъ что достигается избавленіе отъ страданія, то очевидно не только нельзя признать удовольствія конечною цѣлью, напротивъ такую цѣлью, по философіи же пессимистической, оказывается состояніе противоположное состоянію удовольствія. Состояніе удовольствія всегда есть эгоистическое, ибо удовольствіе состоитъ въ удовлетвореніи моего желанія, а потому и испытывается оно лишь мною, и что служить удовольствіемъ для меня, для другаго то же самое можетъ быть неудовольствіемъ; напротивъ, состояніе созерцанія (умственного или эстетическаго) есть состояніе полного отрѣшенія отъ своего личнаго я, состояніе самозабвенія. Но созерцанія умственныя и эстетическія развѣ это не удовольствія? Не потому ли они дороги для насъ, что избавляютъ отъ страданія, а слѣдовательно доставляютъ намъ внутреннее довольство, наслажденіе? Чище и совершеннѣе удовольствій не можетъ быть,

какъ удовольствія интеллектуальныя и эстетическія, и потому они заслуживаютъ предпочтенія предъ всѣми другими. Значить не просто въ удовольствіи заключается высшее благо и конечная цѣль жизни, а только въ удовольствіяхъ высшаго порядка, каковы удовольствія интеллектуальныя, состояція въ созерцаніи идеи, и эстетическія, состояція въ созерцаніи прекрасныхъ предметовъ. Такого рода удовольствія потому и составляютъ высшее благо для человѣка, что совпадаютъ въ сущности съ высшимъ нравственнымъ состояніемъ человѣка. Въ чемъ состоитъ существо нравственности по философіи пессимизма? Такъ какъ жизнь есть сплошное бѣдствіе, то нормальное нравственное отношеніе одного человѣка къ другому состоитъ въ дѣятельномъ выраженіи состраданія. Чувство состраданія побуждаетъ облегчать сколько возможно бѣдствія другаго. Но чтобы почувствовать состраданіе къ другому, для этого необходимо мысленно поставить себя на мѣсто другаго; средствомъ къ тому служитъ отрѣшеніе отъ самого себя, отъ своей индивидуальной воли. При такомъ отрѣшеніи отъ себя, отъ своей индивидуальной воли, наше я сливается съ другимъ я, а въ этомъ и состоитъ любовь,—высшее и нравственное состояніе духа. Такимъ образомъ состраданіе, при которомъ еще не вполне побѣждено раздѣленіе моего индивидуальнаго я, отъ другаго я, вслѣдствіе продолженія того же отвлекающаго дѣйствія нашего ума, переходитъ въ любовь—это высшее основаніе нравственности. А любовь характеризуется тою же чертою—слиянія любящаго съ любимымъ, которою отличается также состояніе умственного и эстетическаго созерцаній, ибо при этомъ также созерцающій субъектъ съ объектомъ созерцаемымъ сливается до безразличія.

Итакъ, мы теперь видимъ, что и по философіи пессимистической собственно не въ удовольствіи должна заключаться конечная цѣль жизни, ибо въ такомъ случаѣ для насъ было бы безразлично—каковы удовольствія и каковы ихъ источники. Коль скоро изъ всѣхъ удовольствій только эстетическія и интеллектуальныя признаются достойными избранія и предпочтенія, то важнос значеніе для насъ имѣетъ уже не самое удовольствіе, а его источникъ, именно то состояніе, которое озна-

чаетъ собою интеллектуальныя и эстетическія удовольствія. Таково состояніе отрѣшенія отъ своей индивидуальной воли, производимое силою мысли, вообще дѣятельностію ума. На этомъ основаніи мы приходимъ теперь къ тому заключенію, что назначеніе человѣка состоитъ собственно въ развитіи ума, ибо и само нравственное совершенство человѣка, которое заключается въ любви къ ближнему, достигается лишь чрезъ отрѣшеніе отъ своего индивидуальнаго я, а такое отрѣшеніе производится чрезъ дѣятельность ума. Оказывается такимъ образомъ, что Шопенгауеръ, подобно Фихте, Шеллингу и Гегелю, которыхъ онъ такъ жестоко порицалъ, и даже можно сказать, подобно всѣмъ философамъ, выше всего цѣнилъ въ человѣкѣ умъ, и въ преимущественномъ развитіи ума полагалъ высшее совершенство человѣка, источникъ всѣхъ наилучшихъ и наиболѣе желательныхъ качествъ. Хотя, повидимому, Шопенгауеръ во все отдавалъ рѣшительное преимущество предъ умомъ и ее признавалъ господствующею основною силою, но окончательный рѣшительный выводъ философіи Шопенгауера выражаетъ совершенно противоположное тому, полагая высшее достоинство человѣка въ развитіи не воли, а ума. Воля и не можетъ быть иною какъ только индивидуальною, между тѣмъ Шопенгауеръ требуетъ отрѣшенія отъ всего индивидуальнаго, а этимъ именно и характеризуется господство ума, какъ силы отвлекающей и обобщающей.

Какой же смыслъ имѣютъ послѣ этого толки о счастьи, какъ необходимой цѣли человѣческихъ стремленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ о невозможности счастья, — толки столь характеристическіе для пессимистической философіи? Вѣдь всякій кто ищетъ счастья иначе и не понимаетъ его, какъ въ смыслѣ индивидуальнаго личнаго состоянія, имѣющаго лишь отношеніе къ нему, а не къ кому либо иному. Когда же философъ отдается во власть свойственнаго ему влеченія къ познанію истины, то никакъ нельзя сказать, что онъ ищетъ своего счастья; напротивъ, онъ видитъ въ томъ лишь свое призваніе, которое требуетъ даже пожертвованія своимъ возможнымъ счастьемъ. Какъ-бы счастье ни понимать, оно во всякомъ случаѣ есть состояніе полнаго довольства, удовлетворенія, достигаемаго чрезъ исполненіе на-

шихъ желаній; но въ томъ то и дѣло, что полное удовлетвореніе потребности познанія, какъ и всѣхъ высшихъ потребностей, не возможно. Конечно, бываютъ и желанія не насыщаемыя (страсть къ приобрѣтенію, честолюбіе и под.), но это уже извращенныя желанія, желанія обратившіяся въ страсть, — состоянія справедливо признаваемыя ненормальными, между тѣмъ какъ высшія потребности, потребности духа, даже при нормальномъ своемъ развитіи, являются *безуграничными*. Словомъ, потребности тѣлесныя, лежащія въ основаніи всяческихъ желаній, и служащія условіемъ и основаніемъ стремленія къ счастью, ограничены, и удовлетвореніе ихъ легко достижимо; потребности же духа неограниченны, ибо самое предназначеніе его вѣчно, а не временно; по этому и удовлетвореніе таковыхъ потребностей недостижимо. Опять мы видимъ коренное двойство въ пессимистической философіи, требующее разъясненія. Съ одной стороны, изображая жизнь какъ страданіе, указывая на невозможность счастья, пессимистическая философія усматриваетъ въ этомъ трагизмъ нашего существованія на землѣ, — предполагая конечно, что стремленіе къ счастью совершенно для насъ необходимо, какъ вложенное въ насъ самую природою; если бы стремленіе къ счастью не было для насъ необходимо, то невозможность счастья не заключало бы въ себѣ ничего трагическаго. Въ томъ и заключается неизбѣжная и мучительная для насъ коллизія, что природа, возбуждая въ насъ усилія къ достиженію счастья, сама же ихъ дѣлаетъ тщетными, бесплодными. Съ другой же стороны, чрезъ дѣятельность ума мы въ состояніи отрѣшиться отъ всякъ желаній, а это показываетъ, что потребность счастья вовсе для насъ не необходима, слѣдовательно и недостижимость счастья не заключаетъ въ себѣ ничего трагическаго. Какъ же это произошло, что пессимистическая философія то утверждаетъ, то отрицаетъ необходимость для насъ счастья?

Мы знаемъ, что, по философіи Шопенгауера, бытіе воли, въ которой, по его мнѣнію, заключается истинное существо вещей, мы познаемъ чрезъ непосредственное внутреннее чувство. Отсюда само собою слѣдуетъ, что внутреннее чувство, какъ непосредственное выраженіе воли, этой вещи въ себѣ, должно

имѣть наибольшую важность въ экономіи нашей природы. Дѣйствительно, Шопенгауеръ придаетъ важное значеніе въ познаніи внутреннему опыту, т. е. свидѣтельству внутренняго чувства,—и это до такой степени, что внутренній опытъ онъ признаетъ главнымъ основаніемъ въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ, и въ томъ именно видитъ преимущество своей философіи, что она будто бы опирается главнымъ образомъ на внутреннемъ опытѣ. Если же внутреннее чувство рѣшаетъ столь важный и коренной вопросъ философіи, какъ вопросъ о сущности вещей, то понятно само собою, что изъ того же основанія должно быть выведено также и рѣшеніе вопроса о конечной цѣли человѣческой жизни. Внутреннее чувство, свидѣтельствуя о существѣ вещей, еще большее, т. е. ближайшее, отношеніе должно имѣть ко внутреннему существу и назначенію человѣка. Дѣйствительно, будучи то пріятнымъ, то неприятнымъ, внутреннее чувство тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о существующемъ въ нашей природѣ влеченіи къ удовольствію, вообще къ пріятному и отвращенію отъ неприятнаго. Теперь, если внутреннее чувство есть ближайшее откровеніе самой сущности вещей, то недолжно ли быть также существеннымъ въ нашей природѣ, тѣсно связанное съ нимъ и имъ свидѣтельствуемое влеченіе къ пріятному?

Если бы внутреннее чувство было силою самостоятельною и опредѣлялось бы само собою, тогда конечно этотъ выводъ о существенномъ значеніи для насъ влеченія къ пріятному былъ бы твердымъ и точно опредѣленнымъ. Но дѣло въ томъ, что само влеченіе къ пріятному можетъ имѣть различный и даже противоположный характеръ, смотря потому, какъ именно оно ближайшимъ образомъ опредѣлится для насъ по содержанію своему, а опредѣляется оно не внутреннимъ чувствомъ, но отношеніемъ его къ другимъ силамъ и потребностямъ души. Всего важнѣе знать, что именно для насъ пріятно? Можно пожалуй, сказать, что для того, въ комъ развиты духовныя потребности, напряженный трудъ, воздержаніе, всякаго рода тягости, сопряженные съ исполненіемъ долга,—все это пріятно; только, что же общаго имѣютъ пріятности подобнаго рода съ натуральнымъ влеченіемъ къ пріятному чисто чувственна-

го характера? Нѣтъ, внутреннее чувство само по себѣ ничего не рѣшаетъ относительно нашего существа и назначенія: оно само бываетъ крайне различнымъ въ зависимости отъ различнаго направленія и свойствъ нашей дѣятельности. Шопенгауеръ самъ эстетическія и умственные удовольствія предпочитаетъ всѣмъ другимъ, и развѣ можно сказать, что внутреннее чувство склонило его къ такому предпочтенію: отъ чего же другихъ то же внутреннее чувство располагаетъ совершенно къ иного рода удовольствіямъ? Вообще внутреннее чувство требуетъ воспитанія, а воспитывается оно развитіемъ другихъ силъ, именно—ума и воли. Хотя способность чувствованій и рассматривается какъ самостоятельная способность, отличная отъ ума и воли, но особый характеръ чувствованій всегда зависитъ отъ взаимоотношенія ума и воли: есть чувствованія теоретическія, есть чувствованія практическія—различіе зависящее очевидно отъ господства ума надъ волею, или воли надъ умомъ.

Философія пессимистическая признаетъ влеченіе къ пріятному и истекающее отсюда стремленіе къ счастью необходимымъ и существеннымъ свойствомъ нашей природы. Но рядомъ съ этимъ она доказываетъ невозможность для насъ счастья, совершенную бѣдственность жизни, старается доказать это вопреки даже очевидному свидѣтельству опыта, показанія котораго сама эта философія признаетъ главнымъ для себя основаніемъ: сколько есть людей считающихъ себя счастливыми и находящихъ полное довольство среди заботъ объ удовлетвореніи своихъ нуждъ! Пусть жизнь бѣдственна, но не для всѣхъ она такова, а менѣе всего она такова для тѣхъ, которые разсуждаютъ о бѣдственности жизни, т. е. для самыхъ представителей пессимистической философіи. Поэтому должно полагать, что пессимистическая философія имѣетъ нѣкоторый интересъ въ томъ, чтобы выставить жизнь бѣдственною. Замѣчательно, что по философіи пессимистической само по себѣ желаніе есть уже страданіе; иначе впрочемъ, если т. е. не считать самымъ желаніемъ — страданіемъ, было бы невозможно оправдать того положенія, что жизнь есть сплошное бѣдствіе. Смыслъ же этого положенія ясенъ. Дѣло въ томъ, что насколько намъ свой-

ственно влеченіе къ пріятному, на столько же естественно стремленіе къ избѣжанію всего непріятнаго. Если всякое желаніе само по себѣ есть страданіе, то, по естественному отращенію отъ всего непріятнаго, мы должны слѣдовательно стараться избавиться отъ всякихъ желаній, и этого мало: если сама жизнь есть бѣдствіе, ибо жизнь неотдѣлима отъ желаній—жить значитъ — желать,— то не менѣе того, по естественному же побужденію, влекущему насъ отъ всего непріятнаго, намъ приходится бѣжать отъ самой жизни. Не явное ли это безуміе, не очевидный ли это кругъ: стараться избавиться отъ всякихъ желаній, какъ будто самое это стремленіе быть свободнымъ отъ желаній не есть слѣдствіе желаній, и даже выраженіе желанія,—признавать естественнымъ, т. е. жизненнымъ, стремленіе направленное противъ самой жизни, именно стремленіе уйти отъ жизни, освободиться отъ нея. Какъ возможно такое стремленіе? Оно должно быть возможно, иначе и пессимистическая философія была бы невозможна. Мы обладаемъ силою отличною отъ самой способности желательной и дающею намъ возможность противостоятъ всякимъ желаніямъ; безъ этой силы возможно было бы только противленіе одного желанія другимъ желаніямъ, но не освобожденіе отъ желаній; возможно также, при посредствѣ этой силы, отрѣшеніе не отъ жизни вообще, но отъ жизни покорствующей всякимъ желаніямъ. Сила эта есть умъ. Полагая, что воля есть основа всѣхъ жизненныхъ проявленій, слѣдовательно и самого ума, а также свойственной уму дѣятельности, философія пессимистическая должна была изъяснить—какъ возможно отвлекающее дѣйствіе ума въ отношеніи къ желаніямъ—этимъ непосредственнымъ обнаруженіямъ воли. Другимъ способомъ пессимистическая философія не могла изъяснить такого отношенія ума къ желаніямъ, какъ только, вопреки очевидности, признавъ желанія страданіями и отождествивъ отвлекающую дѣятельность ума съ натуральнымъ отращеніемъ отъ всякаго страданія, хотя было бы вѣрнѣе признать самостоятельность ума и невыводимость его изъ воли. Съ другой стороны, все неразумное противно разуму, что само собою понятно. Если бы было вѣрно, какъ это утверждаетъ пессимистическая фи-

лософія, что жизнь есть произведеніе слѣпой неразумной силы, не извѣстно почему именуемой волею, тогда конечно иное отношеніе къ жизни, кромѣ отвращенія, и невозможно было бы для разума, а еще болѣе возмутительна должна быть для разумнаго существа мысль о происхожденіи самого разума отъ слѣпой, неразумной силы.

Такимъ образомъ пессимизмъ является для пессимистической философіи необходимымъ послѣдствіемъ собственнаго ея принципа. Жизнь дѣйствительно ничтожна и пуста, если она есть произведеніе слѣпой неразумной силы, для которой бытіе равно небытію, ибо какъ то, такъ и другое одинаково безцѣльно и ни на что не нужно. Только къ чему именовать эту неразумную, слѣпую силу, которая безцѣльно и бессмысленно играетъ всѣмъ живущимъ, — къ чему эту силу называть волею? Если міровая воля сама въ себѣ впѣ представленія, слѣдовательно, ничего не представляетъ, ничего не знаетъ, ни о чемъ, ни даже о себѣ самой, не имѣетъ сознанія, то это уже не есть воля; какая же это воля, если она ничего не хочетъ, а она ничего нехочетъ, такъ какъ не знаетъ чего она могла бы хотѣть. Конечно, говорятъ о бессознательныхъ влеченіяхъ и дѣйствіяхъ воли, но точнѣе было бы именовать, такъ называемыя, бессознательныя влеченія и дѣйствія нашей воли не бессознательными, а только неясно различимыми, по причинѣ ихъ сложности и недостаточной опредѣленности: сознать и различать не одно и то же; различіе есть дѣйствіе мышленія, а не простое сознаніе, которое существуетъ и у животныхъ, между тѣмъ какъ мышленіе, т. е. умственная дѣятельность въ собственномъ смыслѣ у нихъ несомнѣнно отсутствуетъ¹⁾; бессознательными дѣйствіями называются еще тѣ дѣйствія, о которыхъ не сохраняется воспоминанія, которыя скоро забываются, а это значитъ, что они сдѣлались бессознательными лишь послѣ ихъ совершенія, между тѣмъ какъ въ моментъ совершенія были сознаваемы. Наконецъ, еще Лей-

¹⁾ Естественнспытатели много говорятъ объ умѣ животныхъ, но теперь стали находить умъ и у растений, а это показываетъ—какъ неопредѣлены понятія таковыхъ писателей объ умѣ.

бницъ полагалъ, что всякое сознательное дѣйствіе есть результатъ сочетанія множества мелкихъ неразличимыхъ дѣйствій души. Не слѣдуетъ ли поэтому полагать, что и такъ называемая міровая воля есть сложность безконечнаго множества частичныхъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ? Но только при цѣлесообразномъ, или иначе, планосообразномъ дѣйствіи такихъ силъ можно бы разсматривать ихъ сложность, какъ единую цѣлостную силу, что опять таки предполагаетъ единство воли и ума, т. е. приводитъ къ тому понятію о волѣ, что она есть сила разумная. Воля понятна для насъ только какъ сила разумная, а иначе она совершенно невысказима.

Все предъидущее достаточно ясно показываетъ, какая глубокая рознь, какая двойственность проходитъ чрезъ всю философію Шопенгауера. Мы знаемъ теперь и главное основаніе этой раздвоенности, которою страдаютъ всѣ основныя понятія названной философіи. Основаніе это заключается въ недопустимомъ раздѣленіи другъ отъ друга нераздѣльныхъ силъ духа — воли и ума; раздѣленіе это составляетъ основную мысль Шопенгауеровой философіи. Остается теперь указать еще болѣе общее основаніе означенной двойственности въ философіи Шопенгауера, — основаніе, которымъ конечно не оправдывается, а только изъясняется эта философія и ея успѣхъ въ современномъ мірѣ. Мы разумѣемъ историческое положеніе Шопенгауеровой философіи. По своему историческому значенію философія Шопенгауера является какъ бы на поворотѣ отъ идеализма къ современному реализму или позитивизму. Трудно указать такое положеніе или понятіе въ философіи Шопенгауера, которому не нашлось бы совершенно противнаго понятія и положенія въ той же философіи. И это именно отъ того, что, исходя изъ основаній идеалистическаго характера, философія Шопенгауера замѣтно склоняется къ реализму и, можно сказать, даже прямо переходитъ въ позитивизмъ. Въ философіи Канта идеализмъ и реализмъ являются какъ бы въ равновѣсїи, примиряются. Но послѣ Канта въ однѣхъ системахъ идеализмъ является преобладающимъ (въ системахъ Фихте, Шеллинга и Гегеля), въ другихъ системахъ, наоборотъ, реализмъ замѣтно беретъ перевѣсъ надъ идеализмомъ (систе-

мы Гербарта и Шопенгауера). Послѣднимъ принадлежитъ господство въ современномъ мірѣ, — понятно почему: всѣмъ извѣстныя общія историческія причины произвели это господство реализма въ настоящее время. Но, что въ философіи Шопенгауера смѣшивается идеализмъ и реализмъ, такъ какъ она не беретъ сознательно на себя задачи — согласить и объединить оба эти направленія, а подъ вліяніемъ времени дѣлаетъ лишь переходъ отъ идеализма къ реализму, въ этомъ послѣ всего сказаннаго убѣдиться нетрудно. Въ основѣ вещей Шопенгауеръ полагаетъ волю. Но что такое воля Шопенгауера? Воля извѣстна намъ какъ сила духовная разумная; итакъ, повидимому, Шопенгауеръ принимаетъ за основной принципъ начало духовное; и это тѣмъ болѣе должно полагать, что, матерія, по Шопенгауеру, есть феноменъ нашего сознанія. Но то, какъ Шопенгауеръ опредѣляетъ волю міровую показываетъ, что онъ понималъ ее въ смыслѣ реалистическомъ, а не идеалистическомъ. Воля Шопенгауера прежде всего есть сила слѣпая, неразумная, — слѣдовательно, матеріальная, а не духовная сила. Великое значеніе имѣетъ для насъ умъ по философіи Шопенгауера. Умъ торжествуетъ надъ волею; своею дѣятельностію онъ погашаетъ міровую волю; но что такое умъ? Это не что иное, какъ головной мозгъ, главное средоточіе нервныхъ процессовъ, и потому онъ есть не болѣе, какъ продуктъ слѣпой міровой силы, которая производитъ его затѣмъ, чтобы потомъ разрушить, уничтожить. Важное преимущество человѣка предъ всѣми животными Шопенгауеръ вполне вѣрно усматриваетъ въ томъ, что только человѣкъ способенъ къ образованію отвлеченныхъ понятій, т. е. мыслить. Но рядомъ съ этимъ онъ жестоко издѣвается надъ философами, которые занимаются понятіями, и главное достоинство своей философіи полагаетъ въ томъ, что она опирается на опытъ, уважаетъ только факты и пренебрегаетъ отвлеченностями. Слѣдуя Канту, Шопенгауеръ различаетъ вещь въ себѣ отъ явленій. Но, что такое явленіе? Явленіе то же, что представленіе. Посему весь міръ, говоритъ Шопенгауеръ, есть мое представленіе, иначе сказать, весь міръ есть созданіе, продуктъ моего ума, но самый умъ, какъ головной мозгъ, есть продуктъ міровой силы, и съ этой точки

зрѣнія явленія далеко уже не представленія, а такіе объекты, въ которыхъ воплощается міровая воля, являясь самой себѣ, не извѣстно впрочемъ зачѣмъ, такъ какъ міровая воля чрезъ то не только ничего не пріобрѣтаетъ, но скорѣе теряетъ, именно она лишается свободы и подчиняется необходимости, свойственной явленіемъ, и потому, для возстановленія должно быть утраченной свободы, міровая воля спѣшитъ снова уничтожить ея же самую производимыя явленія. Или же не воля, а явленія составляютъ подлинную дѣйствительность? Тогда въ мірѣ нѣтъ свободы, а господствуетъ повсюду одинъ законъ необходимости. Послѣдній выводъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ изъ философіи Шопенгауера, что, какъ выше сказано, міровая воля Шопенгауера въ сущности есть не что иное какъ матерія, или пожалуй, матеріальная сила, т. е. просто-движущая сила, ибо къ движенію сводятся всѣ силы природы.

Послѣдователи Шопенгауеровой философіи у насъ вѣроятно не считаютъ себя позитивистами. Но вѣдь философія Шопенгауера въ сущности тотъ же позитивизмъ. Есть въ философіи Шопенгауера элементы идеалистическаго свойства, но главная ея тенденція далека отъ идеализма, напротивъ враждебна идеализму ¹⁾.

П. Липицкій.

1) Говорятъ, что Шопенгауеръ не былъ понятъ современниками, какъ это вѣрѣдко де случается съ великими людьми, и оттого слава его пришла позднѣе. Но вѣдь извѣстно, что Шопенгауеръ писалъ языкомъ яснымъ и простымъ, гораздо болѣе удобопонятнымъ, чѣмъ языкъ Шеллинга, а особенно Гегеля. И однако послѣднихъ философовъ понимали, а Шопенгауера не могли понять. Да и философія его вовсе не отличается недосыгаемою для обыкновенныхъ смертныхъ глубиною. Дѣло просто въ томъ, что при жизни Шопенгауера мало обращали вниманія на его философію, такъ какъ духъ времени былъ иной: господство реализма и эмпиризма наступило потомъ; вотъ почему и философія Шопенгауера, что случилось также и съ *Гербартомъ*, позже пріобрѣла успѣхъ, какового не могла имѣть въ свое время.

У насъ хотятъ, во что-бы то ни стало, возвеличить Шопенгауера. Принято считать Шопенгауера реформаторомъ западной философіи. Кажется, что возвеличенію Шопенгауера способствовала у насъ слѣдующая ассоціація идей: извѣстно, что западники осуждали всегда христіанскій аскетизмъ; находили, что христіанство, бывъ принято нами отъ грековъ, много повредило самобытности народной

жизни тѣмъ, что внесло въ ея среду аскетическіе идеалы: подъ изсушающимъ дѣйствіемъ этихъ идеаловъ зацвѣтъ народнаго творчества. Но вотъ Шопенгауеръ,—человѣкъ вполне чуждый христіанскаго духа, пишущій такъ бойко и остроумно, говоритъ въ защиту аскетизма. Этимъ онъ будто бы низвергнулъ рационализмъ прежней философіи, бывшій источникомъ ея разлада съ религіею, и такимъ образомъ сдѣлалъ возможнымъ союзъ философіи съ религіею. Но извѣстно, что аскетизмъ Шопенгауера ничего общаго не имѣетъ съ христіанскимъ аскетизмомъ, и даже вообще съ духомъ религіознымъ. Шопенгауерова философія, напротивъ, есть отрицаніе всякаго религіознаго духа, а въ связи съ тѣмъ и нравственнаго значенія она не имѣетъ, не то что важнаго и глубокаго, а вовсе никакого. На чемъ основываетъ Шопенгауеръ нравственную жизнь? Онъ возстаетъ противъ нравоученія Канта, потому что это нравоученіе въ основу нравственной жизни полагаетъ заповѣди, требованія, правила, сводитъ ихъ къ одному безусловному правилу или принципу. Это, видите ли, теологическая форма нравоученія. Шопенгауеръ смотритъ на дѣло проще: для него важно не то, что люди признаютъ для себя обязательнымъ, даютъ ли они вѣру какому-либо правилу, а каковы дѣйствительныя пружины ихъ поступковъ. Смотри же на дѣло съ этой стороны, Шопенгауеръ находитъ, что никакихъ правилъ и не нужно. Человѣкъ не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ: онъ всецѣло находится во власти мотивовъ, свойственныхъ его индивидуальному характеру. Если такими мотивами служатъ состраданіе и благожеланіе, то такого человѣка мы признаемъ нравственно добрымъ, а злой и безнравственный человѣкъ — тотъ, въ комъ преобладаетъ жестокой и беспощадный эгоизмъ. Итакъ, идеалъ нравственнаго совершенства, по философіи Шопенгауера, это человѣкъ мягкій, добродушный, о которомъ говорится, что и мухи онъ не обидитъ, и каковыхъ на свѣтѣ много, даже слишкомъ много. Гуманность и благодушіе—давно уже сдѣлались свойствами обычными; жестокіе и свирѣпыя люди рѣдки. Не дѣлай никому вреда и оказывай помощь другимъ—вотъ и вся нравственность. Такова она и есть на дѣлѣ. Боязнь причинять вредъ другому доходитъ до

того, что не считается грѣхомъ оправдать заведомаго преступника; людямъ настоячивымъ и смѣлымъ въ домогательствахъ и притязаніяхъ всякаго рода благодушіе, власть имущихъ какъ нельзя болѣе на руку. Благотворительность также все болѣе развивается. Но вѣдь и гуманность и благодушіе, никому не дозволяющее вредить, и благотворительность, все это такія качества, которыя не только не исключаютъ эгоизма, напротивъ служатъ нерѣдко удобнымъ прикртіемъ и даже прямымъ выраженіемъ эгоизма. Эволюція нравственной жизни, по теоріи Сенсера, впрочемъ къ тому и должна привести, т. е. къ созданію смягченныхъ и облагороженныхъ формъ для выраженія эгоизма,—этого кореннаго и необходимаго начала человѣческой дѣятельности. Аскетизмъ Шопенгауера есть не что иное, какъ погашеніе всякихъ желаній, въ которому человѣкъ приходитъ вслѣдствіе пресыщенія... Шопенгауеръ не столько философъ, сколько литераторъ (въ современномъ смыслѣ этого слова): остроумное, но бездушное и поверхностное вздѣвательство, иронія и сарказмъ у него служатъ вмѣсто доводовъ и доказательствъ. Хотя Шопенгауеръ широкое значеніе даетъ закону достаточнаго основанія, но объ основательности своихъ сужденій онъ заботится менѣе всего, ибо многое изъ того, что онъ говоритъ противъ другихъ философовъ, имѣетъ силу противъ него самого.

Когда указываютъ, какъ на заслугу Шопенгауера, на то, что онъ отвергнулъ рационализмъ, то, очевидно, смѣшиваютъ философскій рационализмъ съ религіознымъ. Рационализмъ въ религіи есть односторонность пагубная для религіознаго духа, хотя и въ религіозной области должно употребленіе разума и необходимо, и спасительно для самой вѣры, способствуя возвышенію и очищенію религіозной жизни. Отрицаніе разума въ области философіи скорѣе означаетъ упадокъ философскаго духа, но ужь ни какъ не реформу философіи. Шопенгауеръ никакой новой философіи не создалъ. Онъ только указалъ путь отъ идеализма къ матеріализму и позитивизму, т. е. значеніе его въ сущности такое же, какъ и значеніе Фейербаха.

О ПРИРОДѢ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ЗНАВІЯ

И

ОТНОШЕНІИ ЕГО КЪ БЫТІЮ ОБЪЕКТИВНОМУ

(Изъ чтеній профессора Казанской Духовной Академіи, В. А. Снегирева).

(Окончаніе *).

Званіе человѣческое имѣетъ въ своей основѣ и въ своемъ началѣ абсолютно достовѣрную истину, въ которой реальное бытіе открывается прямо и непосредственно, какъ такое. Эта истина, есть положеніе: мышленіе существуетъ. Въ ней сужденіе или объектъ мыслимый абсолютно тождественны: мышленіе и бытіе мыслимое совпадаютъ и покрываютъ другъ друга безъ остатка, потому что этотъ объектъ есть само-же мышленіе. Она одна съ такимъ характеромъ абсолютной достовѣрности во всей сферѣ человѣческаго знанія. Всѣ другія такъ называемыя очевидныя истины очевидны не сами по себѣ, а при предположеніи въ нихъ истины бытія мышленія. Такъ, положеніе: «ощущаю то-то», или: «у меня существуетъ ощущение такое-то» — есть несомнѣнная истина, утверждающая бытіе внутренняго измѣненія. Но самое это утвержденіе не есть ощущеніе, а актъ мышленія и предполагаетъ его способность утверждать бытіе очевиднаго. Въ ней дано, такимъ образомъ, прямое созерцаніе нѣкотораго бытія, какъ дѣйствительности и сущаго. Такое созерцаніе называется очевидностью и заключаетъ въ себѣ неотразимое принужденіе мыслить мышленіе

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 1.

существующимъ, когда оно совершается, т. е. существуетъ. Очевидность этой истины прямая и полная, а потому она есть какъ-бы сама достовѣрность и въ то же время ея (достоверности) источникъ и основа, опорный неподвижный пунктъ; потому что разъ имѣется открытіе бытія въ мысли—въ одномъ случаѣ,—нѣтъ никакого резона, чтобы оно не открывалось въ другихъ случаяхъ. Во всякомъ случаѣ, возможность открытія бытія въ мысли ясна, и, слѣдовательно, существуетъ. Всякое знаніе, въ которомъ прямо или косвенно устанавливается подобная очевидность, есть знаніе реального, дѣйствительно-сущаго, или—дѣйствительное знаніе. Вся познавательная дѣятельность человѣка есть, потому, установленіе очевидности, всѣ средства, орудія его—суть средства и орудія достиженія очевидности, абсолютнаго принужденія мыслить такъ, а не иначе. Очевидность и несомнѣнность, похожая на очевидность истины бытія мысли, слѣдовательно, послѣдній критеріумъ всякаго знанія, критеріумъ его истинности или ложности. Все, что съ полною очевидностью, похожею на очевидность этой истины, открывается, какъ существующее—существуетъ; все, что съ очевидностью открывается, какъ несуществующее—не существуетъ. Всякое утвержденіе существованія очевидно несуществующаго—есть не истинное. Все неочевидное въ томъ или другомъ смыслѣ, т. е. въ положительномъ или отрицательномъ,—сомнительно въ различныхъ степеняхъ, колеблющихся между полною вѣроятностію и невѣроятностію.

Въ представленномъ понятіи послѣдняго и рѣшительнаго критеріума достовѣрности, какъ очевидности, абсолютной принудительности мыслить что-либо такъ, а не иначе,—равной очевидности бытія мысли,—само собою заключается требованіе самой тщательной повѣрки всякаго положенія, всякой истины, и сравненія ея съ основною, первою очевидностью. Нарушеніе этого требованія, —требованія ничѣмъ неустраимаго, неумолимаго, вытекающаго изъ природы мысли, какъ отраженія бытія,—нарушеніе этого требованія есть источникъ всѣхъ заблужденій, всего непстиннаго въ человѣческомъ знаніи. Имъ, этимъ нарушеніемъ, создаютъ фиктивные очевидности разнаго рода, кажуціяся принужденія мыслить такъ, а

не иначе. Такъ какъ эта повѣрка чрезвычайно трудна, и во многихъ случаяхъ совершенно не возможна, за временнымъ недостаткомъ средствъ для этого, и такъ какъ мысль, по природѣ своей, стремится закончить свою дѣятельность по отношенію къ каждому познаваемому предмету, при самыхъ плохихъ средствахъ; такъ какъ она способна къ иллюзіямъ разнаго рода, описаннымъ нами,— то естественно и необходимо, что повѣрка, проба, критика дѣйствительная постоянно ослабляется. Мысль не успѣваетъ подвергать повѣркѣ свои созданія и построенія, и знаніе человѣческое всегда является переполненнымъ ошибками, фиктивными достовѣрностями, опирающимися на ложную, кажущуюся, а не дѣйствительную очевидность и принудительность,—очевидность, не равную очевидности бытія мышленія. Возможность образованія такихъ ложныхъ очевидностей и дарованія этимъ путемъ призрака достовѣрности не истинному, искаженію дѣйствительности, обуславливается существованіемъ второстепенныхъ критеріумовъ достовѣрности, каковы, наприм., ясность понятій, входящихъ въ составъ актовъ мысли, ихъ формальное совершенство, отсутствіе противорѣчій въ предложеніяхъ и выводахъ изъ нихъ, формальная правильность выводовъ изъ непровѣренныхъ посылокъ и т. п. Какъ извѣстно, ясность понятій, отсутствіе противорѣчій, соблюденіе формальныхъ законовъ вывода—умозаключенія всегда должны быть принимаемы во вниманіе при оцѣнкѣ истинности или ложности знанія; но сами по себѣ своимъ существованіемъ эти условія не ручаются за достовѣрность знанія, за согласіе его съ дѣйствительностью. Когда очевидность и достовѣрность знанія опираются только на эти побочные критеріумы и не провѣряются дѣйствительною и прямою очевидностію, получается фиктивная достовѣрность и фиктивное знаніе, которое можетъ быть дѣйствительнымъ только случайно. Какимъ образомъ, какими приемами и средствами добывается дѣйствительная очевидность и достовѣрность въ различныхъ областяхъ знанія и вообще всюду въ познавательной дѣятельности человѣка—это подробно объясняется въ спеціальной наукѣ — логикѣ. Здѣсь эти подробности не нужны и предполагаются извѣстными. Для достиженія предположенной цѣ-

ли—выяснить возможность и дѣйствительность достовѣрности знанія, открытія въ немъ дѣйствительно сущаго, объективнаго и главнымъ образомъ внѣшняго бытія—нужно представить только общую схему перехода отъ достовѣрности—очевидности бытія мысли, бытія субъективнаго,—къ достовѣрности утвержденій объективнаго бытія, соотвѣтствія отображеній мысли съ дѣйствительностью.

Утверждая свое бытіе, мышленіе познаетъ себя, и познаніе его не можетъ остановиться на этомъ только утвержденіи. Оно непосредственно созерцаетъ свой строй и составъ и этимъ путемъ получаетъ рядъ очевидныхъ положеній втораго порядка, въ которыхъ утверждаетъ свои свойства, также общія условія и законы своего бытія. Прежде всего, мышленіе непосредственно, прямымъ воспріятіемъ своихъ дѣятельностей познаетъ себя, какъ дѣятельность—и дѣятельность существенно выражающуюся въ сравненіи, т. е. различеніи и отождествленіи того, что служитъ объектомъ и содержаніемъ его дѣятельности. Отсюда возникаетъ признаніе необходимости, полной принудительности—мыслить сходное и равное сходнымъ и равнымъ, несходное и неравное—несходнымъ и неравнымъ,—или то-же тѣмъ же. Воспринимаемая непосредственно каждымъ мыслящимъ, эта необходимость, выраженная потомъ въ положеніи, превращается въ очевидную истину, или аксіому тождества. Въ то же время воспринимается полная невозможность мыслить сходное и равное несходнымъ и неравнымъ въ то же время, и наоборотъ. Опять—абсолютная невозможность такой дѣятельности, сознаваемая непосредственно и прямо всякимъ мыслящимъ существомъ, превращается потомъ въ аксіому противорѣчія. Противорѣчіе въ мысли разрушаетъ мысль, отсутствіе его дѣлаетъ всякую мысль состоятельною, дѣйствительною мыслью, или актомъ сравненія. Непротиворѣчащая себѣ мысль и согласная сама съ собою—есть дѣйствительность, противорѣчащая—не есть дѣйствительность. Въ этихъ аксіомахъ, которыя утверждаютъ дѣйствительное—сущее и недѣйствительное въ сферѣ мысли, открываются для мысли основныя условія ея бытія, и они истинны очевидно, или очевидны такъ-же, какъ истина бытія сравнивающей мы-

сли, и имѣютъ силу и значеніе только при ея признаніи. Въ тѣсной связи съ этими двумя аксіомами, съ полною необходимостью и принудительностью возникаетъ непосредственное, прямое воспріятіе, что мышленіе, какъ дѣятельность сравненія—различенія и отождествленія, подчиняется необходимымъ законамъ—тождества и противорѣчія, и что одно, безъ матеріала и объекта своей дѣятельности, быть не можетъ и не бываетъ: ему нужно что-нибудь сравнивать, въ чемъ-нибудь воспринимать тождество и противорѣчіе, — словомъ, что-нибудь такое, на что направляется его дѣятельность, что ее вызываетъ, и что не есть оно само, а есть нѣчто иное, виѣшнее по отношенію къ ней, прежде ея такъ или иначе существующее. Это непосредственное воспріятіе бытія иного присуще также мыслящему существу, какъ мыслящему, и дано съ самымъ бытіемъ мышленія. Оно нагляднѣе дается, затѣмъ, въ прямомъ наблюденіи того, что всякая мысль предполагаетъ другую, безъ которой она не можетъ существовать и которую принято называть основою, или основаніемъ первой. Отсюда аксіома необходимости для мышленія иного бытія получило названіе закона основанія.

Истина инобытія есть такая же прямая и необходимая, какъ и истина бытія мышленія, дѣятельности сравнивающей, и, при несомнѣнности первой, не можетъ быть сомнительной. Для того, чтобы усомниться въ этой истинѣ, нужно было исказить самое понятіе мышленія, создать нелѣпое и немислимое понятіе «чистаго мышленія», безъ-содержанія и объекта, т. е. мышленія, которое ничего не сравниваетъ, ничего не мыслить, т. е., значитъ, не существуетъ. Положеніе, что «чистое мышленіе мыслить себя», которымъ прикрывается этотъ абсурдъ, имѣетъ какой-нибудь смыслъ при предположеніи, что мышленіе дано, что оно мыслить, т. е. сравниваетъ что-нибудь, и не есть, слѣдовательно чистое, одно — само въ себѣ. Такимъ образомъ, мышленіе, утверждая свое бытіе этимъ самымъ утверждаетъ и бытіе чего-то другого, что не есть оно само, и это бытіе есть такая же аксіома, не требующая доказательства, какъ — бытіе мысли. Непосредственное сознаніе (не научное) прямо, затѣмъ, признаетъ объектомъ мышленія

внѣшніе предметы — тѣла и внутреннія состоянія мыслящаго существа въ томъ видѣ, какъ они открываются въ ощущеніяхъ и внутреннемъ чувствѣ. Отождествляя, такимъ образомъ, воспріятія съ предметами воспринимаемыми, непосредственное сознаніе, такъ называемый общій или здравый смыслъ не можетъ сомнѣваться въ бытіи ихъ, какъ и въ своемъ собственномъ, или въ бытіи мысли. Это прямое дѣйствіе — непосредственное и несознаваемое закона основанія, требованія естественной логики, присущей каждому человѣку и дѣйствующей съ особенною отчетливостью въ произвольномъ мышленіи.

Но научный анализъ внѣшняго воспріятія (не будемъ говорить о внутреннемъ, чтобы не усложнять и не затруднять и безъ того сложнаго и отвлеченнаго развитія мыслей), какъ извѣстно, сводитъ всѣ воспріятія къ внутреннему, чисто субъективному измѣненію мыслящаго субъекта и утверждаетъ ихъ полную идеальность. Необходимое утвержденіе и бытія въ бытіи мысли есть, такимъ образомъ, собственно утвержденіе и очевидность существованія, вмѣстѣ съ субъективною чисто дѣятельностью мышленія, еще другихъ субъективныхъ дѣятельностей, дающихъ матеріалъ для мышленія. Во всякомъ случаѣ, весь такъ называемый опытъ, основа и матеріалъ мышленія, есть міръ ощущеній и идей, который приводится въ порядокъ мышленіемъ и даетъ — въ результатѣ — то, что называется знаніемъ. Онъ дѣйствителенъ самъ по себѣ, его бытіе очевидно; но онъ можетъ не открывать еще ничего, никакого другаго бытія, -- бытія внѣшняго, реальнаго, и не дѣлаетъ знаніе человѣческое достовѣрнымъ, т. е. открывающимъ реальное, внѣшнее бытіе міра. Такимъ образомъ, всѣ предвидуція разсужденія оказываются какъ будто бесполезными. Мы возвращаемся къ тому, съ чего начали, — къ факту чистой идеальности знанія, и поставленный вопросъ о достовѣрности знанія кажется еще труднѣе и неразрѣшимѣе. Но это только кажется. На самомъ дѣлѣ онъ уже рѣшенъ *implicite* въ пользу очевидности бытія внѣшняго и объективной достовѣрности человеческого знанія.

Аксиома основанія, въ которой открывается мышленію нѣчто независимо отъ него сущее, такъ же реально сущее, какъ

оно само, реально сущее, оказывающееся просто совокупностью ощущеній и представлений,—эта аксіома имѣетъ еще другую сторону, легко обращающуюся въ новую аксіому—очевидность. Мышленіе, признающее съ необходимостію инобытіе, какъ основу своей дѣятельности, въ которой обнаруживается его бытіе, слѣдовательно, какъ основу самаго своего бытія, вынуждается признавать—тѣмъ самымъ — эту основу однимъ изъ своихъ производителей, или, вообще производителемъ, иначе, причиною. Созерцая непосредственно свое бытіе, мышленіе съ необходимостію созерцаетъ свою зависимость отъ инобытія. Отсюда—положеніе: «все сущее имѣетъ свою причину» — предполагаетъ своимъ существованіемъ другое бытіе, бытіе другаго, какъ своего производителя. Не имѣя возможности мыслить себя безпричиннымъ, и имѣя въ себѣ типъ бытія, мышленіе не можетъ мыслить и инаго бытія безъ причины. Законъ причинности мысли становится самъ собою закономъ всякаго бытія, потому что оно и открывается только въ мысли, и въ ней же только и дано непосредственно и съ абсолютною достовѣрностію. Такимъ образомъ, если идеи и ощущенія существуютъ, то и они имѣютъ свою причину, и эта причина такъ же очевидно реальна, дѣйствительно существуетъ, какъ сами они. Ощущенія и идеи возбуждаются реальностями, внѣ ихъ находящимися и съ ними нетождественными, какъ мысль возбуждается ощущеніями и идеями. Предположивши, какъ сдѣлали нѣкоторые философы, что эта причина бытія идей и ощущеній, къ которымъ сводится и наше собственное тѣло, есть особое, духовное, родственное по своей природѣ съ идеями и ощущеніями—существо,—душа,—я—и т. п., мы вставимъ только новое промежуточное звено въ цѣпь причинъ. Аксіома, или законъ причинности, вынуждаетъ мысль опять полагать причину этихъ дѣятельностей духовнаго начала внѣ его находящеюся и опять таки полагать причину ощущеній и идей. Признаніе, что существо ощущающее производитъ изъ себя ощущенія — было бы абсурдомъ, похожимъ на чистое мышленіе, потому что существо ощущающее и имѣющее идею само открывается только въ этихъ идеяхъ, и есть, прежде всего, идея. Утвержденіе, что эта внѣшняя причина ощущеній и идей есть

абсолютный духъ, который и производитъ все въ человѣкѣ познающемъ—и призракъ внѣшняго бытія, утвержденіе, сдѣланное Малекбраншемъ и Бэрклеемъ, не говоря уже объ его полной произвольности, все же есть признаніе внѣшней причины, внѣшняго, иного бытія, отличнаго отъ самыхъ ощущеній и идей. А для нашей цѣли это пока только и требуется. Очевидность бытія мысли приводитъ насъ къ очевидности иного бытія, внѣшняго—не только мысли, но и ощущеніямъ, идеямъ, вообще — субъекту.

Кромѣ того, бытіе самоочевидное, мышленіе, и, затѣмъ, бытіе прямого объекта мышленія, ощущенія и идей — прямо и непосредственно не полагаютъ еще бытія мыслящаго и ощущающаго субъекта, какъ особой, отличной отъ мышленія, ощущеній—идей реальности. Очевидность этого бытія получается изъ этой истины чрезъ рядъ аксіомъ другаго порядка, въ которомъ необходима аксіома бытія внѣшняго, матеріальнаго, такъ какъ идеи духа, мыслящаго начала, въ сущности, абсолютно невозможны безъ идеи тѣлеснаго и немслящаго, а безъ этой послѣдней невозможна идея абсолютнаго духа. Выраженный въ двухъ предъидущихъ предположеніяхъ, идеализмъ субъективный и объективный есть, дѣйствительно, не обоснованное предположеніе, логическій скачекъ: въ немъ исчезаетъ всякая тѣнь достовѣрности и очевидности, вслѣдствіе подстановки въ разсужденіи, вмѣсто аксіомы закона построенія мысли,—предположенія. Такимъ образомъ, полагая съ очевидною необходимостью бытіе реальной причины ощущеній и идей содержаніемъ которыхъ даются начало и содержаніе его собственной дѣятельности, даже его бытію,—обнаруженію,—мышленіе вынуждается искать причины содержанія этихъ ощущеній—идей въ содержаніи и качествахъ ихъ причины внѣшней. Оно должно мыслить съ необходимостью отношеніе ощущеній — идей къ ихъ причинѣ по образцу своего отношенія къ ощущеніямъ потому уже, что другаго образца у него нѣтъ и быть не можетъ: оно само и одно является для себя типомъ бытія, какъ мы видѣли. Отсюда опять очевидное, аксіоматическое положеніе: содержаніе и качество ощущеній зависитъ отъ содержанія и качества причины внѣшней имъ, ихъ про-

изводящей. Такъ какъ качества ощущеній многоразличны, и ихъ содержаніе разнообразно, то и причина ихъ такова же, т. е. состоитъ изъ разнообразныхъ дѣятелей. Другими словами, въ причинѣ ощущеній есть нѣчто соотвѣтствующее ощущеніямъ—свѣта, вкуса, боли и т. п. И какъ мышленіе объ ощущеніяхъ, или ихъ сравненіе, не тождественно съ ощущеніями, хотя изъ нихъ заимствуетъ свое содержаніе; какъ мышленіе измѣняетъ, такимъ образомъ, ощущенія,—такъ ощущеніе не тождественно съ внѣшними дѣятелями, его производящими, измѣняетъ ихъ въ себѣ, дѣлаетъ не тѣмъ, что они ссть внѣ его и безъ него. Иначе: свѣтъ въ ощущеніи, и свѣтъ, какъ сила, производящая это ощущеніе—не тождественны и не могутъ быть тождественными, по требованію мысли, непосредственно созерцающей свое различіе отъ производителей своихъ собственныхъ. Но значить ли это, что свѣтъ въ ощущеніи, какъ и другія качества внѣшняго, открывающіяся въ ощущеніи, есть нѣчто не реальное, не сущее, фантомъ? Нисколько. Такое положеніе было бы прямымъ противорѣчіемъ очевидному положенію, что ощущенія существуютъ, что они факты бытія, бытіе, сущее, пусть это сущее будетъ только форма и продуктъ двухъ дѣятелей. Еслибы даже свѣтъ пересталъ ощущаться во всей вселенной и остался только нѣкоторымъ дѣтелемъ, нѣкогда производившимъ свѣтъ ощущаемый, — онъ остался бы все-таки частью сущаго, реальностію своего рода: небытіемъ онъ былъ бы только въ такомъ случаѣ, если бы никогда не былъ ощущаемъ въ этой формѣ и не могъ производиться тѣмъ дѣтелемъ, которымъ производился у человѣка. Во всякомъ случаѣ, пока будутъ ощущенія свѣтовые, и свѣтъ ощущаемый будетъ существовать, будетъ дѣтелемъ и живою частью бытія. Тоже самое, *mutatis mutandis*, имѣетъ мѣсто и относительно всего ощущаемаго и открывающагося въ ощущеніи.

Но, кромѣ ощущеній, открывающихъ дѣятелей и силы внѣшнія, мышленіе имѣетъ дѣло съ идеями — образами, или представленіями. Эти представленія, при участіи сравненія, т. е. самого же мышленія, состояются изъ ощущеній. Сами по себѣ они суть дѣйствительные и очевидные факты бытія—сущее. Состоя изъ ощущеній, они косвенно производятся объектив-

ными, внѣшними силами и ихъ въ себѣ отражаютъ. Самыя нелѣпыя и дикія построенія фантазіи. образы, созданныя произвольнымъ комбинированіемъ другихъ образовъ, ихъ измѣненіемъ и пр., отражаютъ и будутъ всегда отражать реальное внѣшнее въ его основныхъ силахъ, производителяхъ ощущеній, потому что всѣ они, въ концѣ концовъ, строятся изъ ощущеній и создаются изъ матеріала въ нихъ—и только въ нихъ даннаго. Но, отображая реальности, данныя въ ощущеніи, силы производящія ощущенія, образы — представленія имѣютъ большею частію внутреннюю устойчивость и определенность, которая препятствуетъ ихъ перестройкѣ: устойчивость эта вынужденная, неотразимая для мысли и заставляющая ее съ необходимостью полагать особую внѣшнюю причину этой устойчивости образовъ. Она полагаетъ съ необходимостію и очевидностію, что существуютъ дѣятели внѣ образовъ, которыми эти образы создаются и удерживаются въ одномъ положеніи и составѣ. Такими дѣятелями являются отдѣльныя тѣла, въ ихъ безконечномъ разнообразіи, по одиночкѣ и въ своихъ совокупностяхъ разнаго рода, съ своими безчисленными измѣненіями по формѣ и прежде всего, въ формѣ тѣла. носителя самой мысли, представленія. И эти тѣла, данныя въ представленіяхъ устойчивыхъ и неизмѣнныхъ, существуютъ внѣ представленій, какъ существуетъ свѣтъ, какъ сила, внѣ ощущеній. Кромѣ того, и та форма ихъ, которая дана въ представленіяхъ, — состояніяхъ субъективныхъ, — тоже несомнѣнно существуютъ, какъ существуетъ ощущаемый свѣтъ и другія качества ощущеній. Столъ, который я воспринимаю и представляю на основаніи этихъ воспріятій — ощущеній въ определенныхъ формахъ, существуетъ именно въ этихъ формахъ. И до той поры, пока будетъ существо ощущающее и представляющее такъ же, какъ ощущаетъ и представляетъ человекъ, и пока самое это тѣло не измѣнится, — этотъ объектъ, въ этой, именно, ощущаемой и представляемой формѣ, есть реальность — сущее. Когда такого существа не будетъ, фактъ воспріятія имъ и представленія въ извѣстной определенной формѣ останется фактомъ бытія, стороною въ его содержаніи, и опять явившееся ощущающее и представляющее по-человѣ-

чески существо вновь увидитъ это опредѣленное тѣло и представитъ его въ такихъ же формахъ, если, конечно, это тѣло не разрушится и не приметъ другихъ формъ.

Выводъ общій изъ всего этого тотъ, что внѣшній міръ существуетъ, и существуетъ въ той, именно, формѣ, въ какой, вообще, человѣкъ воспринимаетъ его. И эта истина получается какъ очевидность и аксіома путемъ подстановки и развитія изъ основной самоочевидной и простѣйшей и по составу истины: мышленіе существуетъ, или: я мыслю. О полной иллюзорности и чистой субъективности знанія, потому, не можетъ быть и рѣчи. вмѣстѣ съ этимъ получаетъ силу очевидности положеніе, что въ знаніи силою мысли открывается вообще дѣйствительность, и оно имѣетъ средства достигать достовѣрности. Существованіе есть очевидная истина, и его отображеніе въ мышленіи, дающее начало знанію есть фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. А потому знаніе способно отображать дѣйствительность и быть, слѣдовательно, достовѣрнымъ.

Но общая достовѣрность человѣческаго знанія, тотъ фактъ, что въ знаніи этомъ всегда дано реально-сущее, въ томъ или другомъ отношеніи,—въ знаніи внѣшняго дано и отображается реально-сущее внѣшнее мысли и мыслящему субъекту,—еще не служитъ ручательствомъ того, что во всякомъ отдѣльномъ случаѣ знанія о внѣшнемъ дано отраженіе дѣйствительно сущаго внѣшняго, что всякое представленіе и понятіе достовѣрно. Такое отношеніе было бы необходимо, если бы мысль сравнивала и мыслила сущее безъ посредства и была чистою силою, заимствующею содержаніе и матеріалъ своей дѣятельности прямо изъ внѣшняго, чрезъ непосредственное имъ возбужденіе, какъ бы соприкосновеніе съ нимъ и превращеніе его въ себя. Тогда только содержаніе мысли и бытіе всегда бы совпадало и мысль была бы тождественною съ дѣйствительностью, или бытіемъ внѣшнимъ, внѣ ея находящимся,—самымъ своимъ существованіемъ. Но мышленіе имѣетъ дѣло непосредственно не съ дѣйствительностью, а съ знаками, символами ея, данными въ ощущеніи и представленіи, въ реальностяхъ внутреннихъ, субъективныхъ, другаго, слѣдователь-

наго порядка, чѣмъ реальности внѣшнія. Правда, въ своемъ непосредственномъ возникновеніи, эти знаки—образы производятся внѣшнею дѣйствительностію и ей соотвѣтствуютъ вообще. Но въ тоже время они имѣютъ и свое бытіе особое,—они остаются и существуютъ для мысли, когда дѣйствіе внѣшняго уже прекращено, и могутъ, по своей природѣ, входить въ различныя самостоятельныя соотношенія, дѣйствовать другъ на друга и быть причиною внѣшнихъ измѣненій самыхъ разнообразныхъ. При этомъ необходимо получается возможность такихъ формъ и сочетаній, которымъ ничто внѣшне не соотвѣтствуетъ, или соотвѣтствуетъ только въ той мѣрѣ, въ какой самыя элементы этихъ построеній зависятъ прямо отъ внѣшняго. Такія чисто субъективныя формы представленія, дѣйствительно, всегда существуютъ въ огромномъ количествѣ у человѣка и создаются сами собою, и называются творческими построеніями и дѣятельностію фантазіи. Пользуясь этою способностью представленій, освобожденныхъ отъ прямого вліянія внѣшней дѣйствительности, мышленіе можетъ сознательно, произвольно производить сочетаніе ощущеній и представленій, завѣдомо несоотвѣтствующихъ внѣшней дѣйствительности, завѣдомо и намѣренно ее извращающихъ и искажающихъ. Такъ какъ образы дѣйствительности и субъективно—творческіе въ своемъ составѣ внутреннемъ одинаковы, то созданія фантазіи, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ легко быть приняты за отображеніе внѣшняго, точно соотвѣтствующаго даже однимъ мыслящимъ существамъ. Передача представленій, какъ творческихъ, такъ и зависящихъ отъ внѣшнихъ возбужденій отъ одного мыслящаго субъекта другому, увеличиваетъ возможность такого смѣшенія. Кромѣ того, внѣшнее, какъ совокупность разнообразныхъ силъ, дѣйствующихъ въ сложныхъ сочетаніяхъ, дѣйствуетъ и производитъ впечатлѣнія и представленія не цѣликомъ и во всей подробности, а по частямъ, чрезъ непосредственное возбужденіе организма тѣлеснаго, который и самъ воспринимается только въ общихъ чертахъ, съ нѣкоторыми изъ дѣятелей и силъ, его образующихъ. Въ силу этого, при простомъ и естественномъ воспріятіи и образованіи представленій, въ нихъ дается только часть всякаго внѣшняго пред-

мета, часть, прямо и непосредственно дѣйствующая на чувства и мысль, часть состоящая изъ дѣятелей самыхъ сильныхъ и напряженныхъ въ своей энергіи, слѣдовательно, самая грубая и внѣшняя. Все остальное бываетъ сокрытымъ, не дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать. Образъ внѣшняго, потому, всегда бываетъ не полнымъ, съ пробѣлами, незаконченнымъ, — это въ самомъ благопріятномъ случаѣ; въ худшемъ—пробѣлы и остающееся невоспринятымъ, дополняются творческими построениями, причемъ, представленіе становится не только отрывочнымъ и неполнымъ, но искаженнымъ. Наконецъ, внѣшнія чувства приспособляются къ воспріятію внѣшняго, составляя сами часть этого внѣшняго, весьма часто измѣняютъ дѣйствіе внѣшнихъ предметовъ, производя такъ называемыя иллюзіи и обманы, т. е. возбуждая мысль дѣлать невѣрныя построенія и фальшивые образы внѣшняго. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ и условіямъ, между мыслящимъ, или мышленіемъ, и дѣйствительностью встаетъ неизбежно цѣлый міръ образовъ, искажающихъ дѣйствительность въ потребностяхъ и частностяхъ, или же вовсе ей несоотвѣтствующихъ, — представленій о такихъ тѣлахъ, дѣтеляхъ, явленіяхъ и силахъ, какихъ вовсе нѣтъ и быть не можетъ. Перерабатывая этотъ міръ обрывковъ дѣйствительности и чистыхъ призраковъ, мышленіе, руководствуясь указанными нами второстепенными критеріумами достовѣрности, можетъ создавать и создаетъ цѣлый міръ знаній, чуждый дѣйствительности, недостовѣрный въ подробностяхъ—карикатуру дѣйствительности. Но имѣя всегда въ себѣ истинный критеріумъ достовѣрности, идею достовѣрности, равной достовѣрности своего собственнаго бытія, сознавая основные законы своей дѣятельности прямо и непосредственно, — мышленіе въ себѣ самомъ всегда носитъ полную возможность разрушить этотъ міръ призраковъ и недостовѣрностей; рано или поздно оно должно и въ подробностяхъ своего знанія о внѣшнемъ придти къ достовѣрности, равной достовѣрности вообще бытія внѣшняго, выдѣлить точно соотвѣтствующее дѣйствительности внѣшней изъ соотвѣтствующаго ей отчасти, или вовсе ей несоотвѣтствующаго. Понятное дѣло, что, утверждая это, мы имѣемъ въ виду не индивидуаль-

ную мысль и мышленіе, а мышленіе, какъ дѣятельность цѣлаго рода, для развитія которой, какъ мы показывали въ своемъ мѣстѣ, нельзя установить опредѣленныхъ границъ.

Достовѣрность знанія относительно подробностей каждаго предмета и явленія становится возможною при расширеніи и усложненіи опыта, дѣйствительнаго воспріятія внѣшнихъ дѣятелей и образованія представленій о нихъ, подъ прямымъ ихъ дѣйствіемъ, вызываемымъ даже искусственно въ экспериментахъ. Чѣмъ больше такихъ представленій, тѣмъ менѣе становится мѣста для фантазіи и тѣмъ яснѣе становится разница между тѣмъ, что—чисто субъективное созданіе, и тѣмъ, что, дѣйствительно, образовано подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей. Но тѣмъ не менѣе достовѣрность образуется не опытомъ, какъ думаютъ такъ называемые эмпирики. Опытъ есть только условіе для ея явленія, пособіе, средство. Самъ по себѣ онъ остается сырымъ матеріаломъ знанія. Достовѣрность устанавливается мышленіемъ, и устанавливается тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и общая достовѣрность бытія внѣшняго, — путемъ испытанія очевидности и неотразимой принудительности представлять предметъ такъ, а не иначе. Самое исканіе ея мыслию начинается съ сознанія противорѣчія между представленіемъ одного и того-же предмета и самими воспріятіями—ощущеніями, имъ возбужденными. Этимъ сознаніемъ—наблюденіемъ только и открывается и можетъ быть открыта недостовѣрность одной части знанія и затѣмъ потребность его переработки, обновленія и точнаго опредѣленія,—что изъ противорѣчащаго достовѣрно. Это изслѣдованіе, приводящее къ достовѣрности во всякомъ отдѣльномъ случаѣ знанія заканчивается по закону основанія и причины, точнымъ опредѣленіемъ реальныхъ причинъ каждой части образовъ—представленій любого изъ внѣшнихъ предметовъ и явленій.

При установленіи въ мельчайшихъ подробностяхъ окончательной достовѣрности знанія о внѣшнемъ, достовѣрности такъ называемой научной, т. е. очевидной, разъ начинается и становится возможною дѣятельность мысли въ этомъ направленіи, творческая способность чловѣка получаетъ другое направленіе и назначеніе: творчество, закрывающее сначала

дѣйствительность отъ человѣка, становится орудіемъ ея точнаго опредѣленія, подчиняясь строгой критикѣ и законамъ достовѣрности. При его помощи тогда открывается мышленію и знанію недоступныя прямому воспріятію, сокрытыя отношенія вещей и силы, неспособныя вызывать ощущенія и представленія прямо и непосредственно. Получается своего ради искусственное, косвенное воспріятіе и ощущеніе, построенное цѣликомъ изъ ощущеній прямыхъ и данныхъ непосредственно. Изъ этого воспріятія строится образъ дѣйствительности, болѣе или менѣе точно ей соотвѣтствующій... Кромѣ того, при помощи творческой дѣятельности организуется искусственный опытъ—пытаніе природы. Мышленіе здѣсь дѣлаетъ шагъ за предѣлы своихъ естественныхъ орудій—чувствъ и становится умозрѣніемъ, которымъ открывается и опредѣляется, во всякомъ случаѣ, можетъ быть опредѣленъ составъ всякаго внѣшняго предмета и явленія, его строеніе,—опредѣленъ съ величайшею степенью достовѣрности.

Веніаминъ Снегиревъ.

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА.

Разсужденіе о благодѣи Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла.

(Окончаніе второй части *).

§ 215. Возвращаемся къ разсужденіямъ Беля. Онъ воображаетъ себѣ государя, намѣрѣвающагося выстроить городъ. Изъ ложнаго вкуса государь этотъ лучше желаетъ, чтобы городъ отличался великолѣпіемъ, смѣлою и своеобразною архитектурою, чѣмъ всѣми удобствами для обитателей. Если бы этотъ государь обладалъ дѣйствительнымъ великодушіемъ, то онъ предпочелъ бы архитектурныя удобства, архитектурному великолѣпію. Такъ думаетъ Бель. Я же полагаю, что бываютъ случаи, когда основательно предпочитаютъ красивое устройство дворца удобствамъ служащихъ въ немъ. Но я соглашаюсь, что устройство является дурнымъ, какъ бы оно ни было красивымъ, если оно служитъ причиною болѣзней обитателей; въ особенности, если оно могло быть лучшимъ, принимая въ соображеніе все вмѣстѣ—красоту, удобство и здоровье. Во всякомъ случаѣ можетъ случиться, что нельзя совмѣстить всѣхъ этихъ преимуществъ заразъ, и могутъ, на примѣръ, предпочитать постройку замка на южной сторонѣ горы при всемъ желаніи выстроить его на болѣе здоровой сѣверной сторонѣ, хотя этимъ будутъ противорѣчить строительному искусству.

216. Бель возражаетъ еще: «справедливо то, что наши законодатели никогда не могли найти постановленій, которыя

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 1.

были бы удобопримѣнными при всѣхъ частныхъ случаяхъ: «Nulla lex satis commoda omnibus est; id modo quaeritur, si majori parti et in summam prodest». (Cato ap. Livium, 1. 34, circa init.). (Никакой законъ не удовлетворяетъ всѣхъ; требуется только, чтобы онъ былъ пригоденъ для большинства и въ наибольшей мѣрѣ). Но это зависитъ уже отъ ограниченности знаній, вынуждающихъ законодателей издавать законы, которые въ большей мѣрѣ были бы полезными, чѣмъ вредными, если разсматривать эти законы въ общей совокупности. Все это однакоже не можетъ быть примѣнено къ Богу, который столько же непредѣленъ по своему могуществу и разуму, какъ по благодати и истинному величію». На это я отвѣчаю, что поелику Богъ избираетъ возможно лучшее, то въ этомъ нельзя видѣть ограниченія Его совершенствъ; и во вселенной не только добро превышаетъ зло, но и самое зло служитъ къ умноженію добра ¹⁾).

¹⁾ Кирхманъ всѣми мѣрами старается ослабить значеніе мыслей, высказанныхъ Лейбницемъ въ §§ 210—216. Конечно, разнообразіе твореній, красота ихъ, полнота и пр., какъ причины допущенія зла въ мірѣ, не могутъ быть поставлены въ параллель съ требованіями добра, какъ основаніемъ исключаящимъ зло; но Лейбницъ и не признаетъ этихъ причинъ рѣшающими; онъ не говоритъ того, будто именно этими причинами Богъ руководился при созданіи настоящаго міра. Лейбницъ пользуется этими причинами, если только ихъ можно назвать причинами, лишь какъ пояснительными мотивами, которыми Богъ могъ руководиться при допущеніи зла въ мірѣ и при созданіи именно этого, т. е. наилучшаго міра. Въ сущности же Лейбницъ остается вѣрнымъ той основной мысли своей, что зло допущено Богомъ для извлеченія изъ него наибольшаго добра. Мысль эта вполне христіанская, богооткровенная. И по христіанскому ученію, въ таинствѣ искупленія люди приобрѣли гораздо больше, чѣмъ потеряли въ актѣ прародительскаго грѣхопаденія.—Въ § 216 Вель слова возвращается къ своему прежнему возраженію, говоря, что примѣры, заимствованные изъ человѣческихъ дѣйствій, не могутъ быть примѣнены къ божественному всемогуществу, которое чуждо человѣческой ограниченности. Но Лейбницъ своими примѣрами, заимствованными изъ тварныхъ условій жизни, вовсе не опредѣляетъ границъ божественному всемогуществу. Онъ хочетъ только пояснить ту свою мысль, что зло допущено Богомъ для увеличенія добра и что въ общемъ добро преобладаетъ тварную ограниченность, несовершенство, физическое и нравственное зло въ мірѣ. Какимъ образомъ? Какимъ именно путемъ зло способствуетъ развитію и умноженію добра? Своими примѣрами Лейбницъ старается только помѣнить путь для уясненія этихъ вопросовъ, не припаявъ однакоже на себя непосильной задачи рѣшенія ихъ. Онъ даже ясно высказываетъ мысль, что рѣшеніе этихъ вопросовъ превышаетъ чело-

217. Бель говоритъ также, что стоики извлекли изъ этого положенія нечестивое заключеніе, говоря, будто надобно терпѣливо переносить бѣдствія, въ виду того, что бѣдствія необходимы не только для цѣлости и неповрежденности вселенной, но и для счастья, совершенства и продолженія ея Богомъ, Который управляетъ ею. Поэтому и императоръ Маркъ Аврелій (въ восьмой главѣ пятой книги) своихъ разговоровъ съ самимъ собою говоритъ: «*Duplici ratione diliges oportet, quicquid evenerit tibi; altera quod tibi natum et tibi coordinatum et ad te quodammodo affectum est; altera, quod Universi Gubernatori prosperitatis et consummationis atque adeo permansionis ipsius procurandae (της ευηδίας και συντελειας και λυς συμμονης αυτης) ex parte causa est*». (По двойной причинѣ тебѣ надобно любить все случающееся съ тобою: во-первыхъ, потому что оно тебѣ прирождено, къ тебѣ примѣнено и нѣкоторымъ образомъ тебѣ предназначено; во-вторыхъ, оно служитъ отчасти причиною благосостоянія и совершенства и такимъ образомъ продолженія дѣятельности Правителя вселенной). Это наставленіе не есть наиболѣе резонное изъ всѣхъ высказанныхъ этимъ великимъ императоромъ. Выраженіе: *diliges oportet* (стерγεις χρη, ты долженъ любить) не даетъ никакого опредѣленнаго значенія; предметъ не становится достойнымъ любви, когда бываетъ прирожденъ, примѣненъ и предназначенъ; и вредное для меня не перестанетъ быть таковымъ, когда бываетъ полезнымъ для моего господина, если только это полезное не сообщается и мнѣ. Къ числу существующихъ въ мірѣ благъ принадлежитъ, между прочимъ, и то, чтобы всеобщее благо на самомъ дѣлѣ становилось частнымъ благомъ тѣхъ, которые любятъ Творца

вѣческія силы, такъ какъ человѣкъ знаетъ только весьма ограниченную часть изъ всего богатаго содержанія вселенной. За эту же частію, т. е. за предѣлами ограниченаго человѣческаго знанія, начинается уже область вѣры; а вѣра именно требуетъ признанія благаго, премудраго и всесовершеннаго Промысла Божія. Во всякомъ случаѣ, мысль о томъ, что наибольшее добро въ мірѣ можетъ быть достижимо безъ допущенія зла, тоже ничѣмъ не доказана. Она даже противорѣчитъ нашимъ представленіямъ объ ограниченности, условности и творности всего существующаго въ мірѣ. Одно только безусловное Существо можетъ обладать безусловнымъ добромъ.

всѣхъ благъ. Но главная ошибка этого императора и вообще всѣхъ стойковъ состояла въ томъ, что они воображали будто благо во вселенной должно доставлять удовольствіе самому Богу, такъ какъ они представляли себѣ Бога душею міра. Это заблужденіе не имѣетъ ничего общаго съ моимъ ученіемъ. Богъ, по моему мнѣнію, есть *intelligentia extramundana* (разумъ внѣмірный), какъ выражается Мартіанъ Капелла, или лучше *supramundana* (премірный). Наконецъ дѣло идетъ о томъ, чтобы творить добро, а не о томъ, чтобы принимать его. *Melius est dare quam accipere* (лучше давать, чѣмъ получать). Блаженство Божіе всегда совершенно и не можетъ приобрѣтать никакого приращенія, ни внутреннимъ образомъ, ни внѣшнимъ.

218. Перехожу къ главному возраженію, которое дѣлаетъ мнѣ Бель, совмѣстно съ Арнольдомъ. Оно запутано. Оно предполагаетъ, будто Богъ былъ бы принужденъ или поступалъ бы по принужденію, если бы долженъ былъ творить одно наилучшее; или, по крайней мѣрѣ, Онъ былъ бы бессильнымъ, если бы не могъ найти наилучшаго средства для изытія изъ міра грѣховъ и другихъ золъ. А вмѣстѣ съ этимъ опровергается и то, что этотъ міръ есть наилучшій и что Богъ вынужденъ былъ избирать наилучшее.—Я достаточно отвѣчалъ на это возраженіе во многихъ мѣстахъ; я доказалъ, что Богъ не могъ отказаться отъ сотворенія наилучшаго; а изъ этого положенія слѣдуетъ, что испытываемыя вами бѣдствія не могли быть на разумныхъ основаніяхъ изыты изъ этого міра, поелику они существуютъ въ немъ. Посмотримъ однакоже, что говорятъ намъ эти два превосходные мужи, или лучше, посмотримъ, что возражаетъ мнѣ Бель; ибо онъ сознается, что воспользовался соображеніями Арнольда.

219. Въ 151 гл. своего отвѣта провинціалу и пр. (Ч. III, стр. 890) онъ говоритъ: «Возможно ли было, чтобы (божественная) природа, обладающая безконечною благостію, святостію, мудростію, вѣдѣніемъ и могуществомъ, любящая добродѣтель превыше всего, какъ это даетъ намъ понятъ ясная и раздѣльная идея объ этой природѣ и какъ объ этомъ свидѣтельствуется почти каждая страница св. Писанія, — не

могли найти въ добродѣтели никакого достаточнаго и соотвѣтствующаго средства для своихъ цѣлей? Возможно ли было, чтобы только порокъ могъ доставить ей это средство? Напротивъ, вѣроятнѣе то, что ничто столько не соотвѣтствуетъ этой природѣ, какъ сохраненіе добродѣтели во всѣхъ дѣлахъ, съ исключеніемъ всякаго порока». Бель преувеличиваетъ здѣсь дѣло. Я признаю, что нѣкоторый порокъ былъ соединенъ съ планомъ наилучшей вселенной; но я не допускаю, чтобы Богъ не могъ найти въ добродѣтели соотвѣтствующаго средства для своихъ цѣлей. Это возраженіе было бы умѣстно, если бы вовсе не было добродѣтели, и вмѣсто нея повсюду существовалъ бы только порокъ. Бель скажетъ, что допустимо, чтобы порокъ царствовалъ повсюду, и чтобы добродѣтель была чѣмъ-то неважнымъ въ сравненіи съ нимъ. Но я остерегаюсь усвоить Белью это, и я думаю, что въ дѣйствительности, въ разумныхъ твореніяхъ, извѣстныхъ намъ въ весьма ограниченномъ числѣ, при правильномъ пониманіи, существуетъ несравненно больше нравственнаго добра, чѣмъ нравственнаго зла.

220. При томъ же это зло не такъ велико среди людей, какъ его выставляютъ; существуютъ только (нѣкоторые) люди съ дурною природою, или люди, ставшіе отъ несчастій до извѣстной степени мизантропами, какъ Тимонъ у Лукіана, который находилъ дурное повсюду, и который своими толкованіями обливалъ ядомъ наилучшія дѣянія. Я говорю здѣсь о тѣхъ людяхъ, которые признаютъ это серьезно, чтобы отсюда вывести дурныя слѣдствія, которыя вводятъ въ свою практическую жизнь, потому что нѣкоторые дѣлаютъ это только для проявленія своей проницательности. Это подвергаютъ порицанію у Тацита и это же Декартъ (въ одномъ изъ своихъ писемъ) находитъ надобнымъ высказать по отношенію къ книгѣ Гоббеса *De Cive* (о гражданинѣ). Тогда эта книга напечатана была въ немногихъ экземплярахъ, предназначавшихся для друзей; второе же изданіе ея, которое я имѣю, распространено примѣчаніями автора. Хотя Декартъ признаетъ, что эта книга написана умнымъ человѣкомъ, но онъ находитъ въ ней положенія и правила весьма опасныя въ томъ

отношеніи, что книга представляетъ всѣхъ людей злыми, или подаетъ имъ поводъ быть такими. Покойный Яковъ Томазіи въ своихъ прекрасныхъ таблицахъ практической философіи говоритъ, что *πρωτον φεῦδος*, основное начало ошибокъ этой книги Гоббеса, состоитъ въ томъ, что онъ принимаетъ *statum legalem pro naturali* (состояніе опредѣленное законами за естественное), т. е. испорченное состояніе признается имъ масштабомъ и правиломъ, между тѣмъ, какъ человѣческой природѣ наиболѣе соотвѣтствуетъ то состояніе, которое имѣлъ въ виду Аристотель. Ибо, по Аристотелю, естественнымъ называютъ то, что наиболѣе сообразно съ совершенною природою вещи; Гоббесъ же называетъ естественнымъ состояніемъ то, которое всего менѣе содержитъ искусства, не принимая быть можетъ въ соображеніе, что человѣческая природа при своемъ совершенствованіи включаетъ въ себя и искусство. Но споръ о словахъ, т. е. о томъ, что надобно называть естественнымъ, не имѣетъ большой важности; такъ какъ Аристотель и Гоббесъ не соединяютъ съ нимъ понятія о естественномъ правѣ и каждый при этомъ удерживаетъ свое опредѣленіе. Я выше замѣтилъ, что въ книгѣ: *«Жизнь человѣческихъ добродѣтелей»* я нахожу тотъ-же недостатокъ, какой Декартъ нашелъ въ книгѣ Гоббеса *De Cive*.

221. Но предположимъ, что порокъ пересиливаетъ добродѣтель въ родѣ человѣческомъ, какъ предполагаютъ, что число людей осужденныхъ превышаетъ число избранныхъ; отсюда однакоже никоимъ образомъ не слѣдуетъ, будто порокъ и страданія пересиливаютъ добродѣтель и счастье во вселенной; скорѣе надобно думать совершенно напротивъ; потому что царство Божіе должно быть самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ возможныхъ царствъ, такъ какъ оно создано и управляется величайшимъ и наилучшимъ изъ монарховъ. Этотъ отвѣтъ согласенъ съ тѣмъ, какой я сдѣлалъ прежде, говоря о согласіи вѣры съ разумомъ. Именно, одинъ изъ величайшихъ источниковъ ошибочныхъ заключеній состоитъ въ томъ, что смѣшиваютъ видимость съ дѣйствительностію. Я же утверждаю, что видимость не является безусловно такою, какою она выводится изъ непосредственнаго разсмотрѣнія фактовъ;

но такую, какую она извлекается изъ опредѣленнаго объема нашихъ опытовъ. Было-бы неразумнымъ противопоставить видимость, столь несовершенную и столь мало обоснованную, доказательствамъ разума и откровеніямъ вѣры ¹⁾.

222. Наконецъ, я замѣтилъ уже, что любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку въ своемъ неограниченномъ направленіи къ осуществленію добродѣтели и задержанію порока есть воля, стремящаяся къ счастію всѣхъ людей и ограждающая ихъ отъ бѣдствій. И эта предшествующая воля составляетъ только часть всей предшествующей воли Божіей, взятой въ совокупности, коей результатомъ является воля послѣдующая, или опредѣленіе создать наилучшее. При посредствѣ этого то опредѣленія, любовь къ добродѣтели и счастію разумныхъ тварей, будучи неограниченной въ себѣ самой и простираясь до возможныхъ предѣловъ, получаетъ нѣкоторыя незначительныя ограниченія, въ силу должнаго вниманія къ общему благу. Такимъ то образомъ надобно понимать то, что Богъ въ высшей степени любитъ добродѣтель и въ высшей степени ненавидитъ порокъ; и несмотря на это, нѣкоторый порокъ долженъ быть допущенъ.

223. Арнольдъ и Бель повидимому думаютъ, что когда объясняютъ этимъ путемъ предметы и признаютъ планъ вселенской наилучшимъ, каковой не можетъ быть превзойденъ никакимъ другимъ, тогда этимъ путемъ ограничиваютъ всемогущество Божіе. «Подумали ли вы о томъ», говоритъ Арнольдъ Малбраншу (въ своихъ «Размышленіяхъ о новой системѣ приро-

¹⁾ Признаніе этого міра наилучшимъ есть *ипотеза*, а не научная или доказанная истина, говоритъ Кирхманъ. Это конечно справедливо. Но Кирхманъ ошибается, когда признаетъ ее только гипотезою вѣры, а не разума, т. е. лишенною всякихъ основаній со стороны разума. Напротивъ, именно человѣческій разумъ, признавая Бога существомъ совершеннѣйшимъ, высочайше благимъ, премудрымъ и всесильнымъ, требуетъ, чтобы существующій міръ былъ наилучшимъ. Иначе Богъ не обладалъ бы высочайшими совершенствами, или по непонятной причинѣ нарочно скрывалъ бы ихъ отъ тварей. Вообще идея Бога, какъ существа безусловнаго, есть предметъ не только вѣры, но и разума. Поэтому нельзя утверждать, какъ дѣлаетъ это Кирхманъ, будто Лейбницъ, опровергая Бежа, руководится только соображеніями вѣры, а не разума. Напротивъ, онъ обращается къ глубочайшимъ идеямъ, началамъ и требованіямъ разума и показываетъ полную гармонію ихъ съ ученіемъ христіанской вѣры. Его вѣра разумна.

ды и благодати, т. II, стр. 385), «что съ принятіемъ подобныхъ положеній вы ниспровергаете первый членъ Символа вѣры, коимъ мы исповѣдуемъ, что вѣримъ въ Бога Отца всемогущаго?» А прежде Арнольдъ сказалъ (стр. 362): «Могутъ ли, не впадая въ добровольную слѣпоту, утверждать, будто способъ дѣятельности, при которомъ неизбежно страшное слѣдствіе гибели большинства людей, отличается большимъ характеромъ божественной благости, чѣмъ другой способъ дѣятельности, который, если бы Богъ принялъ его, сдѣлался бы причиною спасенія всѣхъ людей»? Итакъ какъ Жакело не уклоняется отъ положеній, которыя я здѣсь излагаю; то Бель дѣлаетъ ему слѣдующія возраженія (Отвѣтъ провинціалу, гл. 151, стр. 900, т. III). «Когда прибѣгаютъ къ подобнымъ разъясненіямъ (говоритъ онъ); тогда бывають вынуждены отказаться отъ понятій самыхъ очевидныхъ о высочайше совершенномъ Существовѣ. Эти понятія показываютъ, что всѣ предметы не содержащія въ себѣ противорѣчія возможны для Него, и слѣдовательно для Него возможно спасеніе людей, которыхъ Онъ не спасаетъ; ибо какое противорѣчіе содержалось бы въ томъ, если бы число избранныхъ было большимъ, чѣмъ какимъ оно есть теперь? Понятія эти показываютъ намъ, что такъ какъ Богъ есть высочайше блаженный, то у Него нѣтъ не осуществимыхъ для Него желаній. Какъ можно понять то, что Онъ этого не можетъ? Мы ищемъ хотя какого нибудь свѣта, который вывелъ бы насъ изъ встрѣтившагося намъ затрудненія при сопоставленіи понятій о Богѣ съ понятіями о состояніи рода человѣческаго, и вотъ намъ даютъ разъясненія, которыя погружаютъ насъ еще въ большую тьму».

224. Всѣ эти возраженія рѣшаются разсужденіями, которыя я уже представилъ. Я согласенъ съ положеніемъ Беля, — и оно есть также и мое, — что все несодержащее въ себѣ противорѣчія возможно. Но для меня, утверждающаго, что Богъ сотворилъ наилучшее изъ всего возможнаго и что Онъ не могъ создать лучше того, какъ создалъ, — и думающаго, что усвоеніе себѣ другаго мнѣнія о всемъ Его твореніи было бы оскорбленіемъ Его благости и Его премудрости, — представлялось бы противорѣчіемъ, если бы можно было создать еще

нѣчто такое, что своею добротою превосходило бы и самое наилучшее. Это было бы подобно тому, какъ если бы кто сталъ утверждать, что Богъ можетъ провести отъ одной точки къ другой линію болѣе короткую, чѣмъ прямая, и сталъ бы укорять противорѣчащихъ этому въ отверженіи члена вѣры, по которому мы исповѣдуемъ Бога Отца всемогущимъ.

225. Безконечное число возможностей, какъ бы оно ни было велико, не больше безконечной премудрости Божіей, знающей всѣ возможности. Можно даже сказать, что если премудрость не превышаетъ возможностей экстенсивно, потому что предметы разума не переходятъ за предѣлы возможнаго и въ нѣкоторомъ смыслѣ составляютъ единственно постижимое; то она превосходить ихъ интенсивно, по причинѣ безчисленныхъ, составляемыхъ ею сочетаній и столькихъ же размышленій о нихъ. Премудрость Божія, не ограничиваясь созерцаніемъ всѣхъ возможностей, въ то же время проникаетъ, сравниваетъ, взвѣшиваетъ одни съ другими, чтобы оцѣнить степень ихъ совершенства или несовершенства, ихъ силы или слабости, добра или зла; она переходитъ за предѣлы сочетаній конечныхъ и творитъ безконечное соединеніе сочетаній безконечныхъ, т. е. безконечное число возможныхъ послѣдствій во вселенной, изъ коихъ каждое содержитъ въ себѣ безконечность тварей; и этимъ путемъ божественная премудрость сортируетъ всѣ возможности, изъ коихъ каждую она созерцала уже въ отдѣльности, въ такое же число системъ вселенныхъ, еще разъ сравниваемыхъ ею между собою. Результатомъ же всѣхъ этихъ сравненій и размышленій является избраніе наилучшей изъ всѣхъ этихъ возможныхъ системъ, — избраніе опредѣляемое премудростію для полнаго удовлетворенія благости, а это въ дѣйствительности и есть планъ существующей вселенной. И всѣ эти дѣйствія божественнаго разума, хотя между ними существуетъ порядокъ и первенство по природѣ, всегда происходятъ одновременно и между ними нѣтъ никакого первенства по времени.

226. При тщательномъ размышленіи объ этомъ предметѣ, я полагаю, что люди пришли бы къ иному представленію ве-

личія божественныхъ совершенствъ, и преимущественно премудрости и благости Божіей, чѣмъ то, какое имѣютъ тѣ люди, которые представляютъ себѣ Бога дѣйствующимъ случайно, безъ всякаго побужденія и безъ всякой причины. И я не знаю, какимъ образомъ мои противники могли бы избѣжать этого столь страннаго мнѣнія, если только не признаютъ, что существуютъ же причины божественнаго избранія и что эти причины заимствуются изъ Его благости; отсюда необходимо слѣдуетъ, что избранное преимуществуетъ доброю предъ неизбраннымъ и, слѣдовательно, есть лучшее изъ всего возможнаго. Наилучшее не можетъ быть превышаемо, чѣмъ-либо другимъ по добротѣ, и нѣтъ ограниченія всемогущества Божія, когда говорятъ, что Богъ не можетъ творить невозможнаго. Возможно ли, спрашиваетъ Бель, чтобы не было лучшаго плана, чѣмъ тотъ, который осуществленъ Богомъ? Я отвѣчаю, очень возможно и даже необходимо думать, что лучшаго рѣшительно не было; иначе Богъ предпочелъ бы его ¹⁾.

227. Кажется я достаточно показалъ, что между всѣми возможными планами вселенной существуетъ наилучшій изъ всѣхъ и что Богъ неприминулъ избрать его. Но Бель отсюда думаетъ выводить заключеніе, что Богъ по этому не сво-

1) Лейбницъ утверждаетъ, что Богъ могъ сотворить все, что не содержитъ въ себѣ противорѣчія. Кирхманъ пользуется этою мыслию и возражаетъ, что слѣдовательно Богъ могъ сотворить этотъ міръ безъ существующаго зла, такъ какъ подобный міръ не содержалъ бы въ себѣ никакого противорѣчія. Совершенно справедливо. Лейбницъ никогда не доказывалъ, будто созданіе подобнаго міра для Бога было невозможно. Напротивъ, онъ неоднократно высказывалъ мысль о возможности созданія безконечнаго числа міровъ; но въ то же время утверждалъ, что каждый изъ этихъ міровъ не былъ бы наилучшимъ, поэтому и міръ, въ которомъ не было бы допущено зла, тоже не былъ бы наилучшимъ. Кирхману только кажется, будто міръ безъ допущеннаго зла долженъ быть признаваемъ наилучшимъ; но этой мысли онъ ничѣмъ доказать не можетъ. Поэтому нельзя видѣть противорѣчія, какъ дѣлаетъ это Кирхманъ, между слѣдующими двумя положеніями Лейбница: 1) Богъ могъ создать все, что не содержитъ въ себѣ противорѣчія и слѣдовательно, могъ создать міръ безъ существующаго въ немъ зла; и 2) настоящій міръ, несмотря на допущенное въ немъ зло, долженъ быть признаваемъ наилучшимъ. Лейбницъ твердо держится той мысли, что допущенное зло способствуетъ умноженію и развитію добра, что въ мірѣ свободномъ отъ зла было бы недостижимо; потому что проявленіе механическаго или необходимаго добра въ тваряхъ приводило бы ихъ къ потерѣ существеннаго признака добра, т. е. свободы.

боденъ. Вотъ какъ выражается объ этомъ Бель (въ прежнемъ сочиненіи гл. 151, стр. 899): «Я думалъ было спорить съ однимъ человѣкомъ, который вмѣстѣ со мной признаетъ, что благодѣтельность и могущество Божіи столько же безпредѣльны, какъ и Его мудрость; но я увидѣлъ, что собственно говоря этотъ человѣкъ предполагаетъ, будто благодѣтельность и могущество Божіи заключены въ очень тѣсныя границы». Этотъ пунктъ уже достаточно разсмотрѣн мною; я не полагаю границъ божественному могуществу, такъ какъ я признаю, что оно простирается *ad maximum, ad omnia* (до величайшаго, до всего) въ отношеніи ко всему тому, что не содержитъ въ себѣ противорѣчія; я не полагаю границъ и божественной благодѣтельности, такъ какъ она направляется къ наилучшему, *ad optimum*. Но Бель продолжаетъ: «Такимъ образомъ въ Богѣ нѣтъ свободы, своею мудростію Онъ былъ вынужденъ создать и именно создать такое, а не иное твореніе и наконецъ создать именно такимъ, а не инымъ путемъ. Вотъ три рабства, дающія бытіе большому *fatum'у*; чѣмъ стоическій, и дѣлающія не возможнымъ все то, что находится внѣ ихъ сферы. Кажется, что по этой теоріи самъ Богъ могъ бы сказать, прежде приведенія въ исполненіе своихъ опредѣленій: Я не могу спасти такого-то человѣка, или осудить такого-то другого, *quippe vector fatis* (потому что судьба запрещаетъ Мнѣ это), Моя премудрость не позволяетъ этого».

228. Я отвѣчаю, что собственно благодѣтельность побуждаетъ Бога творить для сообщенія ея другимъ; и эта же благодѣтельность въ соединеніи съ мудростію побуждаетъ Его творить наилучшее; а это простирается на всѣ слѣдствія, дѣйствія и пути. Она побуждаетъ Его безъ принужденія, ибо она не дѣлаетъ невозможнымъ того, чего не избираетъ. Если назвать это *fatum'омъ*, то названіе надобно принимать въ хорошемъ смыслѣ, совершенно не противорѣчающимъ свободѣ. *Fatum* происходитъ отъ слова *fari*, говорить, произносить; оно выражаетъ сужденіе, опредѣленіе Божіе, рѣшеніе Его мудрости. Утверждать же, что нельзя дѣлать чего-либо, только потому, что этого не желаютъ, значить злоупотреблять словами. Мудрость желаетъ только добраго; и будетъ ли рабствомъ то,

когда воля поступаетъ согласно лишь съ мудростію? Можно ли быть менѣе рабомъ, какъ когда поступаютъ по собственному избранію и руководствуются самыми совершенными основаніями? Аристотель говоритъ, что лишь тотъ находится въ природномъ рабствѣ (*natura servus*), кто не живетъ самостоятельно, кто управляется другимъ. Рабство налагается совнѣ; оно склоняетъ къ тому, что не нравится и преимущественно къ тому, что не нравится резонно. Только чуждая власть и наши собственные страсти дѣлаютъ насъ рабами. Богъ никогда не склоняется никакимъ предметамъ, существующимъ внѣ Его, еще менѣе подчиненъ внутреннимъ страстямъ, и никогда не опредѣляется къ тому, что Ему можетъ не нравиться. Кажется поэтому, что Бель подбираетъ непріятныя названія для наилучшихъ въ мірѣ предметовъ и извращаетъ понятія, когда называетъ рабствомъ состояніе высочайшей и совершеннѣйшей свободы ¹⁾.

229. Немного прежде (гл. 151, стр. 891) онъ сказалъ: «Если

1) Кирхманъ противорѣчитъ этому выводу Лейбница; ему хочется доказать, будто Богъ творитъ міръ такимъ, а не инымъ по одной логической необходимости, а не по нравственной, т. е. не по требованію высочайшей свободы. Вотъ ходъ его мыслей. По общепринятымъ представленіямъ, говоритъ онъ, если бы кто либо постоянно творилъ одно доброе и иначе не могъ бы поступать, то его не признали бы свободнымъ; ибо онъ тогда механически творилъ бы одно доброе. На этомъ основаніи людямъ усвояютъ свободу, какъ *возможность* уклоняться отъ добра. Но подобная возможность существуетъ только у людей; потому что только они одни могутъ руководиться въ своей дѣятельности или страстями или нравственными мотивами. У Бога же нѣтъ подобной возможности, такъ какъ Онъ выше всякихъ страстей. А такъ какъ Богъ обладаетъ безусловною мудростію, то Онъ *не можетъ* уклоняться отъ правилъ мудрости; потому что подобное уклоненіе было бы противорѣчіемъ Его мудрости. Отсюда будто бы слѣдуетъ, что Богъ подчиненъ *fatum'у*, что Онъ подпадаетъ *логической необходимости* поступать всегда премудро. Пусть будетъ такъ; но слѣдуетъ ли отсюда, что поступаая премудро Богъ долженъ чуждаться нравственной необходимости, т. е. высочайшей свободы? Да и можетъ ли сохраняться у Него безусловная премудрость безъ соприсутствія нравственной необходимости, или высочайшей свободы? И Бель, и Кирхманъ отдѣляютъ премудрость отъ свободы и думаютъ, будто Богъ можетъ поступать премудро, по одной лишь логической необходимости, безъ всякаго участія свободы. Но это чистѣйшая нелѣпость. Безъ свободы нѣтъ премудрости, а существуетъ только механическая необходимость. Новѣйшая психологія признаетъ, что даже у людей вся умственная жизнь возникаетъ и совершенствуется подъ влияніемъ такой или иной свободы.

бы добродѣтель, или какое-либо другое благо были бы столько же согласны съ цѣлями Творца, какъ и порокъ, то порокъ не былъ бы предпочтенъ; итакъ надобно, чтобы существовало только одно средство, которымъ Творецъ могъ бы пользоваться; отсюда слѣдуетъ, что онъ пользуется имъ по необходимости. Поелику же Богъ любить свою славу не вслѣдствіе безразличной свободы, а по необходимости; то слѣдуетъ, что Онъ по необходимости долженъ любить всѣ средства, безъ которыхъ не можетъ проявить всю свою славу. Итакъ, если порокъ, поскольку есть порокъ, былъ единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли; то слѣдуетъ, что Богъ по необходимости долженъ любить порокъ, чего нельзя представить себѣ безъ ужаса, не говоря уже о томъ, что въ своемъ откровеніи Онъ говоритъ намъ совершенно противоположное. Въ то же время Бель замѣчаетъ, что нѣкоторые доктора—супраняпсаріи (напримѣръ Реторфортъ) отвергали то, чтобы Богъ желалъ грѣха, какъ грѣха; но допускали, что попустительнымъ образомъ Онъ желалъ грѣха, по скольку грѣхъ бываетъ наказуемъ и прощаемъ. Бель же возражаетъ имъ, что дѣйствіе бываетъ наказуемымъ и прощаемымъ лишь постольку, поскольку является порочнымъ.

230. Бель ложно толкуетъ только что приведенныя мною положенія и извлекаетъ отсюда ложныя слѣдствія. Несправедливо то, будто Богъ необходимо любить свою славу, если подъ этимъ разумѣть, что Онъ необходимо домогается приобрѣтать Себѣ славу при посредствѣ тварей. Если бы это было такъ, то Онъ приобрѣталъ бы эту славу всегда и повсюду. Но опредѣленіе къ творенію свободно: Богъ побуждается ко всему доброму; лишь доброе, и даже наилучшее склоняютъ Его къ дѣйствию; но оно не принуждаетъ Его, потому что Божественное избраніе не дѣлаетъ невозможнымъ того, что различается отъ наилучшаго; оно не причиняетъ и того, чтобы не избранное Богомъ, содержало поэтому въ себѣ противорѣчіе. Итакъ въ Богѣ существуетъ свобода, взятая не только отъ принужденія, но и отъ необходимости. Я разумѣю здѣсь необходимость метафизическую; ибо по необходимости нравственной и наиболѣе разумный человѣкъ обязанъ изби-

ратъ наилучшее. То же самое происходитъ и съ средствами, избираемыми Богомъ, для достиженія Своей славы. Что же касается порока, то я уже показалъ выше, что онъ не былъ предметомъ божественнаго опредѣленія, какъ средство, — но только какъ условіе *sine qua non* (безъ котораго нельзя обойтись); и только поэтому порокъ былъ допущенъ. Еще менѣе можно сказать, будто порокъ былъ единственнымъ средствомъ; лишь въ крайнемъ случаѣ его можно признать однимъ изъ средствъ, но самымъ незначительнымъ среди безчисленнаго числа другихъ средствъ ¹⁾).

231. Бель продолжаетъ: «съ этимъ связывается другое грозное слѣдствіе, именно роковая необходимость всего существующаго. Богъ не былъ свободнымъ въ установленіи событій какимъ либо инымъ образомъ; потому, что избранное Имъ средство для проявленія Своей славы было единственнымъ, соотвѣтствовавшимъ Его мудрости». Но эта мнимая фатальность или необходимость была только нравственною, какъ я это уже показалъ; она не противорѣчитъ свободѣ; напротивъ, она предполагаетъ наилучшее употребленіе ея. Она не совершаетъ и того, чтобы предметы неизбранные Богомъ, становились поэтому невозможными. «Что же станетъ тогда, присовокупляетъ Бель, съ свободною волею человѣка? Не по фатальности ли и по необходимости и Адамъ согрѣшилъ? Ибо если бы онъ не согрѣшилъ, то разрушилъ бы единственный планъ, осуществленный Богомъ по необходимости». Вотъ и

¹⁾ Кирхманъ хочетъ отождествить *единственное средство* Беля (*seul moyen*) съ *условіемъ* Лейбница *sine qua non*. Но подобное отождествленіе можетъ быть допущено только при посредствѣ софистическихъ приемовъ и софистическихъ натяжекъ. Нивогда средство не можетъ быть превращено въ условіе, или условіе въ средство. Средство является необходимымъ при совершеніи извѣстнаго дѣйствія; между тѣмъ какъ условіе только помогаетъ, замедляетъ или видоизмѣняетъ его совершеніе. Условія могутъ отсутствовать; тѣмъ не менѣе дѣйствіе можетъ совершиться при существованіи причинъ и средствъ. Кирхманъ не соглашается съ мыслию Лейбница, что избраніе Божіе наилучшаго міра не лишало Бога возможности создавать менѣе совершенные міры. Но конечно Лейбницъ говоритъ въ данномъ случаѣ не о нравственной возможности, а только объ умопредставляемой. Признаемъ же мы созданіе высочайшаго изъ ангеловъ и ничтожнѣйшей пылинки, и сравниваемъ ихъ относительное достоинство.

еще извращеніе понятій. Адамъ свободно согрѣшающій былъ созерцаемъ Богомъ въ числѣ возможныхъ идей, и Богъ опредѣлилъ призвать его къ существованію такимъ, какимъ созерцалъ. Это опредѣленіе рѣшительно не измѣняетъ природы предмета; оно не дѣлаетъ необходимымъ того, что само по себѣ случайно, ни невозможнымъ того, что возможно ¹⁾).

232. Бель продолжаетъ (стр. 892): «Глубокомысленный Скотъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что если Богъ не владелъ безразличною свободою (*liberté d'indifference*), то и ни одно твореніе не могло бы обладать этимъ родомъ свободы». Я соглашаюсь съ этимъ, но только подъ безразличною свободою не должно разумѣть такую, при которой нѣтъ никакого основанія склоняться въ одну сторону болѣе, чѣмъ въ другую. Бель тоже признаетъ (ниже въ гл. 168, стр. 1111), что такъ называемое *безразличіе* не исключаетъ собою склоненій и предшествующихъ склоненію удовольствій. Итакъ достаточно, чтобы не было метафизической необходимости въ дѣйствіи называемомъ свободнымъ, т. е. достаточно, чтобы его избирали среди многихъ возможныхъ направленій.

233. Бель продолжаетъ еще (въ упомянутой 157 гл., стр. 893): «Если Богъ опредѣлилъ создать міръ не свободнымъ движеніемъ своей благодати, а ради интересовъ своей славы, которую Онъ любитъ по необходимости и которая составляетъ единственный предметъ Его любви, такъ какъ она не различается отъ Его субстанціи; и если любовь, питаемая Имъ къ Самому Себѣ, вынудила Его проявить Свою славу, средствомъ наиболѣе соотвѣтственнымъ, а грѣхопаденіе человѣка было этимъ средствомъ; то очевидно, что это грѣхопаденіе совершилось со всею необходимостію, и что повиновеніе Евы и

1) Кирхманъ полагаетъ, что истинно свободныя дѣйствія человѣка не могутъ быть предвидимы и Самимъ Богомъ, несмотря на Его всевѣдніе, потому что они ничѣмъ не мотивированы. Очевидно Кирхманъ признаетъ свободу только *индифферентною*, безразличное отношеніе къ добру и злу. Но подобная свобода есть метафизическая нелѣпость, никогда и нигдѣ несуществовавшая. Истинная свобода состоитъ въ избраніи наиболѣе совершеннаго мотива при рѣшеніи; и слѣдовательно для божественнаго всевѣднія существуютъ условія предвидѣть направленіе такой или иной свободы при ея рѣшеніи, и опредѣлить качественное достоинство этой свободы.

Адама заповѣди Божіей было невозможно». Всегда одно и то же извращеніе понятій. Любовь, которую Богъ питаетъ къ Самому Себѣ, существенна; но любовь къ Своей славѣ, или желаніе стяжать ее никакимъ образомъ нельзя назвать существенными. Любовь питаемая Имъ къ Самому Себѣ рѣшительно не принуждала Его къ дѣйствіямъ во внѣ, дѣйствія эти были свободными; и поелику Богъ представлялъ многіе возможные планы, при которыхъ прародители не согрѣшили бы, то поэтому ихъ грѣхъ не былъ необходимъ. Наконецъ, я дѣйствительно утверждаю то, что Бель допускаетъ здѣсь; именно, что Богъ опредѣлилъ создать міръ свободнымъ движеніемъ Своей благодати; я прибавлю только, что это самое движеніе привело Его къ созданію наилучшаго.

234. Тоже надобно утверждать и противъ того, что еще говоритъ Бель (гл. 165, стр. 1071): «Наиболѣе соотвѣтственное средство для достиженія цѣли по необходимости есть только одно (это очень хорошо сказано, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ тому, что Богъ избираетъ). Поэтому, когда Богъ настоятельно былъ побуждаемъ воспользоваться этимъ средствомъ, то Онъ воспользовался имъ по необходимости». (Конечно Богъ былъ побуждаемъ, или былъ опредѣляемъ, или лучше, Онъ Самъ опредѣлилъ Себя къ этому; но предполагаемое не всегда является необходимымъ, или безусловно непреодолимымъ. Дѣло могло совершиться иначе, но этого не случилось и по основательной причинѣ. Богъ избиралъ одно изъ различныхъ предположеній, которыя всѣ были возможны. Такимъ образомъ, говоря метафизически, Онъ могъ избрать или совершить то, что не было наилучшимъ; но Онъ не могъ этого сдѣлать, говоря нравственно. Воспользуемся геометрическимъ сравненіемъ. Наилучшій путь отъ одного пункта къ другому (если не обращать вниманія на препятствія и другія случайныя условія среди нихъ) существуетъ только одинъ; онъ проходитъ кратчайшею линіею, которая называется прямою. Тѣмъ не менѣе существуетъ безчисленное множество другихъ путей отъ одного пункта къ другому. Такимъ образомъ, вѣтъ необходимости, принуждающей меня идти по прямой линіи; но коль скоро я избираю наилучшій путь, я обя-

зываютъ по немъ идти, хотя эта необходимость у мудраго человѣка бываетъ только нравственная. (Вотъ почему падаютъ и слѣдующія заключенія): «Поэтому Богъ могъ сотворить только то, что сотворилъ. Поэтому же все то, что не было сотворено или не будетъ сотворено, безусловно невозможно». (Эти заключенія падаютъ, говорю я; ибо поелику мыслится много предметовъ, которые никогда не существовали и никогда не будутъ существовать, которые однакоже мыслятся нами раздѣльно и не содержатъ въ себѣ никакого противорѣчія: то какимъ образомъ можно говорить, что они безусловно невозможны? Самъ Бель опровергаетъ это въ одномъ мѣстѣ, высказанномъ имъ противъ спинозистовъ и уже приведенномъ нами выше и неоднократно признаетъ, что невозможное мыслится только тогда, когда содержитъ въ себѣ противорѣчіе. Теперь же онъ перемѣняетъ рѣчь и выраженія). «Итакъ всегдашнее пребываніе Адама въ невинномъ состояніи было невозможно; итакъ паденіе его было абсолютно невѣжнѣмъ и даже предшествовало опредѣленію Божію; ибо было бы противорѣчіемъ, чтобы Богъ могъ желать чего-либо противоположнаго своей мудрости». (Въ нѣкоторомъ смыслѣ это уже есть извращеніе выраженій, когда говорятъ: могутъ желать, хотятъ желать: мощь касается здѣсь лишь дѣйствій, которыхъ желаютъ. И однако же нѣтъ противорѣчія въ томъ, что Богъ (прямо или попустительнымъ образомъ) желаетъ чего-либо такого, что не содержитъ въ себѣ противорѣчія и въ этомъ смыслѣ позволятельно выразаться, что Богъ можетъ желать) ¹⁾.

235. Однимъ словомъ, когда говорятъ о возможности како-

¹⁾ Вопреки Кирхману, мы не можемъ видѣть противорѣчія между двумя положеніями: 1) положеніемъ Беля: «Богъ не можетъ желать извѣстнаго дѣйствія»; и 2) положеніемъ Лейбница: «Богъ можетъ желать дѣйствія, несодержащаго въ себѣ противорѣчія». Если Бель говоритъ о нравственной невозможности въ Богѣ; то Лейбницъ отнюдь не противорѣчитъ этому. Нравственный долгъ всегда заставляетъ мудреца избирать одно только наилучшее. Если же Бель говоритъ о логической или умопредставляемой невозможности, то этому противорѣчитъ наличный опытъ Беля, т. е. его собственное убѣжденіе, что видимый міръ не есть наилучшій. Дѣло въ томъ, что Бель выражается недостаточно ясно и этимъ подаетъ поводъ къ кажушимся недоразумѣніямъ.

го-либо предмета, то дѣло идетъ не о причинахъ вызывающихъ или препятствующихъ его дѣйствительному существованію; иначе извратятъ значеніе выраженій и уничтожатъ различіе между возможнымъ и дѣйствительнымъ, какъ это сдѣлалъ Абельярдъ, а послѣ него, кажется, Виллефъ, что привело ихъ безъ всякой надобности къ мнѣніямъ неудобнымъ и страннымъ. Вотъ почему извращаютъ вопросъ, когда при изслѣдованіи о возможности или необходимости извѣстнаго предмета, присоединяютъ къ этому разсужденію о томъ, что Богъ желаетъ или избираетъ. Ибо Богъ избираетъ уже изъ многихъ возможностей, и именно поэтому избираетъ свободно и безъ всякаго принужденія. Если бы существовала только одна возможность, то не было бы ни выбора, ни свободы ¹⁾.

236. Я долженъ еще отвѣтить на силлогизмы Бея, чтобы не оставить безъ рѣшенія всѣхъ возраженій этого умнаго чело-вѣка. Силлогизмы эти изложены въ 151 гл. его *Отвѣта на вопросы провинціала*, стр. 900, 901, т. III.

Первый силлогизмъ.

«Богъ не можетъ желать ничего противорѣчащаго Его необходимой любви къ собственной мудрости».

«Но спасеніе всѣхъ людей противорѣчитъ необходимой любви Божіей къ собственной мудрости».

«Слѣдовательно Богъ не можетъ желать спасенія всѣхъ людей».

Большая посылка очевидна сама по себѣ; ибо нельзя со-

¹⁾ Кирхманъ замѣчаетъ, что несправедливо приписывать Богу избраніе. По своей премудрости, отъ которой Богъ никогда не можетъ уклониться, Онъ можетъ желать и творить одно только наилучшее и не можетъ допускать избранія между такими или иными дѣйствіями, вслѣдствіе ихъ меньшаго совершенства. Это справедливо. Но когда Лейбницъ допускаетъ возможность избранія Богомъ такого, или иного дѣйствія, не содержащаго въ себѣ противорѣчія, то онъ говоритъ только объ умопредставляемой возможности, а не о нравственной. Это само собою очевидно. Тоже самое надобно сказать и о самомъ актѣ избранія въ домірномъ бытіи. Конечно Лейбницъ говоритъ объ этомъ актѣ только чело-вѣкообразно, лишь примѣнительно къ нашимъ чело-вѣческимъ представленіямъ. Богъ живетъ единою и цѣльною жизнію, внѣ всякихъ формъ времени и пространства; а потому чуждъ и избранія.

вершать того, противоположное коему необходимо. Но нельзя допустить меньшую посылку; ибо хотя Богъ необходимо любить Свою мудрость; тѣмъ не менѣ дѣйствія, къ которымъ побуждаетъ Его мудрость, не перестаютъ быть свободными, и предметы, къ которымъ мудрость Его не склоняетъ, не перестаютъ быть возможными. Кромѣ того, Его мудрость побуждала Его желать спасенія всѣхъ людей, но только не въ силу, послѣдующей или опредѣляющей воли. А такъ какъ эта послѣдующая воля была результатомъ предшествующихъ свободныхъ желаній: то она тоже не могла не быть свободной.

Второй силлогизмъ.

«Самое достойное дѣло Божественной мудрости содержитъ въ себѣ въ числѣ другихъ предметовъ грѣхъ всѣхъ людей и вѣчное осужденіе наибольшей части людей».

«Но Богъ необходимо желаетъ дѣла наиболѣе достойнаго Его мудрости».

«Слѣдовательно: Онъ необходимо желаетъ дѣла, содержащаго въ себѣ, между прочимъ, грѣхъ всѣхъ людей, и вѣчное осужденіе наибольшей части людей».

Я соглашаюсь съ большею посылкою, но отвергаю меньшую. Опредѣленія Божія всегда свободны, хотя Богъ всегда принимаетъ ихъ вслѣдствіе основаній, имѣющихъ въ виду доброе; ибо нравственно быть побуждаемымъ мудростію; значить быть побуждаемымъ соображеніями о добромъ, значить быть свободнымъ, значить не быть вынуждаемымъ метафизически. А только одна метафизическая необходимость, какъ я уже замѣчалъ это неоднократно, противоположна свободѣ.

238. Я не хочу уже рѣшать силлогизмовъ, изложенныхъ Белемъ въ слѣдующей главѣ (гл. 152) противъ теоріи супраляпсаріевъ и преимущественно противъ разсужденія, высказаннаго Теодоромъ Безою въ разговорѣ съ Монбейляромъ (Montbelliard) въ 1586 г. Эти силлогизмы страдаютъ почти тѣмъ же недостаткомъ, какъ и тѣ, которые мы сейчасъ только изслѣдовали, но признаюсь, и теорія Безы меня не удовлетворяетъ. Да и самый разговоръ послужилъ только къ усиленію

раздраженія партій. «Богъ сотворилъ міръ для своей славы. Его слава не была бы вѣдома, говорить Беза, если бы не были явлены Его милосердіе и Его правда. По этой причинѣ Онъ не предопредѣлялъ ни одного человѣка къ вѣчной жизни по одному милосердію, и никого не опредѣлялъ къ вѣчному осужденію по справедливому осужденію. Милосердіе предполагаетъ бѣдствіе, правосудіе предполагаетъ вину (можно прибавить, что и бѣдствіе предполагаетъ вину). Но Богъ будучи благимъ, или лучше, будучи самою благодію, создалъ человѣка добрымъ и правдивымъ, хотя и переменчивымъ и способнымъ согрѣшить по своей свободной волѣ. Человѣкъ, же палъ не по легкомыслію (*à la volée*) или безразсудству; и не по причинамъ, привнесеннымъ, по мнѣнію манихеевъ, другимъ богомъ; но согласно съ божественнымъ провидѣніемъ и притомъ такъ, что Богъ не былъ причастенъ грѣху, и именно потому, что человѣкъ не былъ вынужденъ согрѣшить».

239. Эта теорія не принадлежитъ къ числу наилучшихъ, какія только были придуманы: она не особенно ясно даетъ возможность созерцать мудрость, благодію и правду Божію; по счастью, она уже почти оставлена въ наше время. Если бы не было другихъ болѣе глубокихъ причинъ, которыя побуждали Бога къ допущенію грѣха, источника бѣдствій, то въ мірѣ не было бы ни грѣха, ни бѣдствій, такъ какъ приведенныя здѣсь причины недостаточны. Богъ проявилъ бы больше Своего милосердія, если бы задержалъ бѣдствіе, больше Своего правосудія, если бы не допустилъ грѣха, а содѣйствовалъ бы добродѣтели, награждая ее. Не ясно также, какимъ образомъ допускающій не только то, что человѣкъ можетъ пасть, но и располагающій обстоятельствами такъ, что они способствуютъ его паденію, не подлежитъ за это обвиненію; если только нѣтъ другихъ причинъ, склоняющихъ его къ этому. Но когда примутъ въ соображеніе, что Богъ, совершенно благой и премудрый, долженъ былъ даровать бытіе всякой добродѣтели, благодію и счастью, къ какимъ только приспособленъ наилучшій планъ вселенной, — и что часто зло въ нѣкоторыхъ частяхъ можетъ служить къ пріобрѣтенію

наибольшаго блага въ цѣломъ: то легко признають, что Богъ могъ дать мѣсто несчастію и даже допустить грѣхъ, какъ Онъ дѣйствительно допустилъ это, и не можетъ быть порицаемъ за это. Это было единственнымъ средствомъ, восполнявшимъ то, чего недоставало во всѣхъ остальныхъ планахъ, какими бы послѣдствіями осуществленіе ихъ ни сопровождалось. Уже св. Августинъ благопріятствовалъ этимъ мыслямъ, и объ Евѣ можно сказать то, что поэтъ говоритъ о рукѣ Муція Сцеволи:

Si non errasset, fecerat illa minus.

(Если бы она не погрѣшила, то сдѣлала бы меньше).

240. Я нахожу, что славный англійскій прелать, написавшій умную книгу о началѣ зла, изъ которой нѣкоторыя страницы были опровергаемы Белемъ во второмъ томѣ его: «Отвѣта на вопросы провинціала», хотя повидимому удаляется отъ нѣкоторыхъ мнѣній, защищаемыхъ мною здѣсь, и неоднократно, кажется, возвращается къ допущенію деспотической власти, какъ если бы божественная воля не соображалась съ правилами мудрости въ отношеніи къ добру и злу, но произвольно опредѣляла признаніе такого или иного предмета добрымъ или злымъ, и какъ если бы и воля тварей, поскольку она свободна, дѣлала бы выборъ не вслѣдствіе того, что предметъ кажется ей добрымъ, но по совершенно произвольному опредѣленію, независимо отъ представленія предмета: этотъ епископъ, говорю я, въ другихъ мѣстахъ выражаетъ мысли, которыя, кажется, болѣе согласны съ моимъ ученіемъ, чѣмъ съ ученіемъ повидимому отвергаемымъ имъ. Онъ говоритъ, что избранное безконечно премудрою и свободною причиною было лучше того, что не было ею избрано ¹⁾. Не значитъ ли это признавать, что доброе было предметомъ и причиною

¹⁾ Упоминаемый здѣсь прелать есть *Dr. King*, бывший епископомъ въ *Derry*. Его книга о началѣ зла перепедена, между прочимъ, на нѣмецкій языкъ въ 1704 году. Въ третьемъ приложеніи къ «Теодицеѣ» Лейбницъ дѣлаетъ примѣчанія къ этому сочиненію.

Божественнаго избранія? Въ этомъ смыслѣ очень хорошо можно сказать здѣсь:

Si placuit superos, quaerere plura nefas.

(Если это благоугодно было богамъ, то нечестиво доискиваться большихъ основаній).

К. Истоминъ.

(Продолженіе булетъ).

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Марта № 5. 1891 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 18⁸⁹/₉₀ учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 18⁸⁹/₉₀ учебный годъ.

(Продолженіе *).

У.

1) Въ отчетномъ году всѣхъ школьныхъ помѣщеній (включая въ это число и помѣщенія для школъ грамотности) было 188. Школы находились: а) въ собственныхъ домахъ—38, б) въ наемныхъ—17, в) въ частныхъ квартирахъ 43, г) въ церковныхъ сторожкахъ—90. Изъ всего количества школъ 86 имѣли удобныя помѣщенія и 102—неудобныя.

2) Въ отчетномъ году школьныхъ помѣщеній устроено 11, а именно: а) при Куряжскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ на средства частію монастырскія, частію на пожертвованныя на сей предметъ деньги Харьковскимъ купцомъ В. П. Огненко (въ отчетѣ окружнаго наблюдателя не показано, сколько именно израсходовано монастыремъ и г. Огненко на устройство этого школьнаго зданія); б) въ селѣ Станичномъ Богодуховскаго уѣзда крестьянинъ Антоній Воробьевъ пожертвовалъ для помѣщенія школы домъ стоимостью въ 300 руб. (и употребилъ на ремонтъ онаго 75 р.), в) въ селѣ Коломакѣ Валковскаго уѣзда въ приходѣ Воскресенской церкви на неопредѣленные средства церковно-приходскаго попечительства пріобрѣтенъ для школьныхъ занятій деревянный, крытый соломой домъ съ просторною усадьбою; г) въ слоб. Нижне-Русскомъ-Бишкнѣ Зміевскаго уѣзда отстроено новое довольно удобное помѣщеніе для школы (произведенный на сей предметъ расходъ, а равно и источникъ онаго въ отчетѣ Зміевскаго отдѣленія не показаны); д) въ сл. Бвсугѣ Старобѣльскаго уѣзда

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 4.

на постройку новаго школьнаго зданія израсходовано мѣстнымъ церковно-приходскимъ попечительствомъ 100 руб. и сверхъ сего употреблено изъ церковныхъ суммъ на сей же предметъ 125 р., всего 225 р.; е) въ сл. Кононовкѣ того же уѣзда мѣстное общество употребило на постройку школьнаго помѣщенія 100 р.; ж) въ слоб. Трехизбянскѣ того же уѣзда школьное зданіе устроено на средства мѣстнаго общества, протоіерея Михаила Павлова и жены его. На этотъ предметъ поступило: отъ общества 2000 р., отъ протоіерея Павлова 500 р. и отъ жены его—100 р., всего—2600 р.; з) въ городѣ Сумахъ при Покровской церкви зданіе для двухклассной церковно-приходской школы устроено на пожертвованіи купца Прокофія Гриценко въ размѣрѣ 1155 р. 18 коп. съ пособіемъ отъ церкви въ 1409 р. 17 к. и п) въ селѣ Искрисковщинѣ Сумскаго уѣзда школьное зданіе о четырехъ комнатахъ сооружено на единоличныя средства мѣстнаго землевладѣльца И. Н. Терещенко. Размѣръ суммы употребленный на сей предметъ въ отчетѣ уѣзднаго отдѣленія не показанъ.

Застрахованныхъ школьныхъ помѣщеній въ отчетное время было 31.

VI.

1) Въ числѣ 130 церковно-приходскихъ школъ — 2 двухклассныя: въ городѣ Харьковѣ при Александро-Невской церкви и въ городѣ Сумахъ при Покровской церкви. Въ первой школѣ въ теченіе отчетнаго года обучалось 84 мальчика, а во второй 71, всего 155 мальчиковъ.

2) Учительскихъ курсовъ, ремесленныхъ отдѣленій и руководѣльных классовъ при церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи не было, а также не имѣлось при этихъ школахъ и земли подъ садъ и огородъ, за исключеніемъ незастроеннаго пространства земли при Сумской Спасо-Преображенской школѣ, одна часть котораго была занята садомъ, а другая огородомъ и усадебнаго мѣста при Коломакской Валковскаго уѣзда церковно-приходской школѣ, прибрѣтеннаго въ отчетномъ году на церковныя средства. Ремесленныхъ или земледѣльческихъ занятій, а также ночлежныхъ пріютовъ при школахъ не было. Общежитія были при двухъ школахъ: при Ряснянской, Ахтырскаго уѣзда, для 13 учениковъ и Голоделинской, Изюмскаго уѣзда, для 4 учениковъ.

VII.

Источниками для содержанія церковно-приходскихъ школъ епархіи служили нижеслѣдующія средства: а) единовременное пособіе изъ суммъ Святѣйшаго Синода; б) добротныя пожертвованія членовъ церковныхъ попечительствъ; в) ежегодныя и единовременныя пособія отъ земскихъ и иныхъ общественныхъ учреждений; г) пособія отъ родителей и родственниковъ учащихся; д) субсидіи, получаемыя отъ монастырей епархіи, пособія отъ приходскихъ церквей, употребленные исключительно на нужды мѣстныхъ школъ; е) суммы, отчисленныя отъ остатковъ кошельковаго сбора въ приходскихъ церквахъ епархіи; ж) десятая часть кружечнаго сбора въ пользу православныхъ Св. Земли; з) кружечный сборъ въ день Св. Николая—6-го декабря 1889 года, предназначенный исключительно на нужды школъ

епархій; и) кружечный сборъ у желѣзнодорожныхъ станцій, находящихся въ предѣлахъ Харьковской епархій; і) значительныя денежныя и разныя другія пожертвованія городскихъ учрежденій, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ, поступившія въ пользу мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ и к) плата за обученіе дѣтей.

1) Пособіе отъ церквей.

Въ отчетномъ учебномъ году съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства на содержаніе нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школъ епархій израсходовано 2808 р. 27 к. Сумма эта поступила отъ церквей, находящихся въ селеніяхъ а) Харьковскаго уѣзда: въ слободѣ Дергачахъ (на содержаніе Николаевской и Рождество-Богородичной церковно-приходскихъ школъ)—200 руб.; въ слоб. Ольшаной—75 р.; въ с. Полевой—80 р.; б) Ахтырскаго уѣзда: въ городѣ Ахтыркѣ (отъ Ахтырскаго Покровскаго собора)—180 р.; въ с. Жигайловкѣ—7 р. 75 к.; в) Волчанскаго уѣзда: въ с. Старо-Салтовѣ—130 р.; въ селѣ Заводахъ—30 р.; г) Зміевского уѣзда: въ с. Замостьѣ 60 р.; въ с. Гомольѣ—60 р.; въ с. Гуляй-Полѣ 60 р.; д) отъ церкви въ сл. Рябушкахъ Лебединскаго уѣзда 50 р.; е) отъ церквей Старобѣльскаго уѣзда: Шульгинской—7 р. 50 к., Голубовской—5 р., Нижне-Покровской—6 р. 45 к., Половинкинской—8 р., Ново-Астраханской—Покровской—9 р. 55 к., Шаровской—25 р., Осиновской Вознесенской—3 р., Городищенской—5 р., Воионовской—5 р., Боровской—50 р. и Старо-Айдарской—11 р. 50 к. и ж) отъ церквей Сумскаго уѣзда: Покровской г. Сумъ 1409 р. 17 к. (на устр. школьнаго зданія), Лучанской—100 р., Чернетчанской—150 р., Воробьевской—80 р. 35 к.

Сверхъ сего, по опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, въ распоряженіе уѣздныхъ отдѣленій на содержаніе школъ епархій поступилъ чрезъ окружныхъ о.о. Благочинныхъ обязательный кружечный отъ церквей сборъ въ половинномъ размѣрѣ, а именно: а) въ Ахтырское отдѣленіе—83 р. 59 к.; б) въ Богодуховское отдѣленіе—131 р.; в) въ Валковское отдѣленіе 87 р. 96 к.; г) въ Волчанское отдѣленіе—59 р. 84 к.; д) въ Зміевское—45 р. 56 к.; е) въ Изюмское—101 р.; ж) въ Бупянское—122 р. 6 к.; з) въ Лебединское—143 р. 83 к.; и) въ Старобѣльское—121 р. 6 к. и і) въ Сумское—128 р. 94 коп.—Итого—1024 р. 84 к., а всего по этой статьѣ на приходъ поступило—3833 р. 11 к.

2) Пособіе отъ монастырей.

На иждивеніи монастырей въ отчетномъ году состояли школы въ селѣ Рясномъ Ахтырскаго уѣзда, въ с. Голой Долинѣ Изюмскаго уѣзда и школа при Куряжскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ. На содержаніе первой школы Расиянскій Свято-Димитріевскій монастырь израсходовалъ 500 р.; на содержаніе Голо-Долинской отъ Святогорской Успенской Пустыни поступило 500 р. Школа при Куряжскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ содержалась на средства монастыря при пособіи въ 152 р., кои составляютъ проценты съ неприкосновеннаго капитала въ 4000 р., пожертвованнаго на сей предметъ заслуженнымъ профессоромъ Харьковскаго университета, Е. С. Гордѣенко,—всего 1152 р.

3) Пособіе отъ церковно-приходскихъ попечительствъ.

Средствами отъ церковно-приходскихъ попечительствъ пользовались нижеслѣдующія школы и въ такомъ размѣрѣ: Воскресенская въ г. Харьковѣ въ размѣрѣ 465 р., Свято-Духовская 1-я въ городѣ же Харьковѣ въ размѣрѣ 105 р.; Николаевская въ городѣ Сумахъ—215 р.; Воскресенская въ с. Коломакѣ Валковскаго уѣзда—15 р.; Изюмская при Покровской церкви—60 р.; Евсугская Старобѣльскаго уѣзда—100 р. (на постройку школьнаго зданія) и школы Купянскаго уѣзда, мѣстонахожденіе которыхъ ни въ отчетѣ уѣзднаго отдѣленія, ни въ отчетахъ окружныхъ наблюдателей не показано,—въ размѣрѣ 70 р.—всего 1030 руб.

4) Пособіе отъ городской думы, земства, городскихъ учреждений и сельскихъ обществъ.

Въ отчетномъ году нѣкоторыя церковно-приходскія школы пользовались болѣе или менѣе значительными денежными пособіями отъ нѣкоторыхъ учреждений и обществъ. Такъ, на содержаніе церковно-приходской школы при Харьковской Воскресенской церкви, поступило по опредѣленію Харьковской городской думы 300 р. Въ пособіе Харьковской Свято-Духовской 1-й церковно-приходской школѣ Харьковскій Земельный банкъ отпустилъ наличными 100 р. Отъ общества Приказчиковъ Харьковская Свято-Духовская 2-я церковно-приходская школа получила денежное пособіе въ количествѣ 50 р. и отъ торговаго банка 50 р., итого 500 р. Кромѣ поименованныхъ учреждений, матеріальныя нужды церковно-приходскихъ школъ и вообще расходы по содержанію ихъ покрывали опредѣленными денежными взносами и иными матеріальными пособіями нѣкоторыя сельскія общества. Общества, которыя, при пособіи натурою, дѣлали опредѣленные денежные взносы, въ отчетное время было 17, а именно: Роганское Харьковскаго уѣзда внесло на содержаніе мѣстной школы 165 р., Княжанское Валковскаго уѣзда 135 р., Черемушанское того-же уѣзда 100 р., Кочетковское Зміевскаго уѣзда 60 р., Шевелевское того-же уѣзда 60 р., Гуляй-Польское того-же уѣзда 30 р., Яремовское (въ приходѣ села Студенка) Изюмскаго уѣзда 120 р., Мало-Камышевахское того же уѣзда 22 р., непоименованное общество Купянскаго уѣзда 30 р., Нияне-Верхосулское Лебединскаго уѣзда 50 р., Боровеньское Старобѣльскаго уѣзда 15 р., Маньговское того-же уѣзда 50 р., Варваровское того-же уѣзда 5 р., Чебановское того-же уѣзда 60 р., Гребениковское Сумскаго уѣзда 50 р., Локнянское того-же уѣзда 50 р. и Ободовское того-же уѣзда 120 р.

Такимъ образомъ, въ пользу церковно-приходскихъ школъ епархіи всего отъ сельскихъ обществъ поступило 1122 р., а всего отъ городскихъ учреждений и сельскихъ обществъ поступило 1622 р. Кромѣ поименованныхъ 17 обществъ, другія 66 принимали на себя заботу по отопленію, освѣщенію, по найму прислуги и нѣкоторому благоустройству школьныхъ зданій. По даннымъ, имѣющимся въ совѣтѣ, всѣхъ сельскихъ обществъ, которыя посильно содѣйствовали матеріальному обезпеченію церковно-приходскихъ школъ, было 83.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Діаконъ Успенской ц. слоб. Климовки, Сумск. у. *Василій Пономаревъ* уволенъ отъ должности согласно прошенію по болѣзни.

— Сынъ свящ. Григорій *Макаровскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Успенской ц. слоб. Климовки, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Всѣхсвятской ц. с. Вирѣй, Сумск. у., Ѳеоктистъ *Феденко* уволенъ отъ должности согласно прошенію его, а на его мѣсто опредѣленъ сверхштатный псаломщикъ сей же ц. Николай *Ковалевскій*.

— Псаломщикъ Успенской ц. с. Браснополя, Ахтырскаго у., діаконъ Іоаннъ *Михайловскій* уволенъ отъ должности по болѣзни, а на его мѣсто перемѣщенъ псалом. Успен. ц. сл. Рубежной, Волчанскаго у., Сумеонъ *Мигулинъ*.

— Псаломщикъ Вознесенской ц. сл. Великаго Бобрка, Сумскаго уѣзда, Алексій *Лядскій* уволенъ отъ занимаемой должности, а на его мѣсто опредѣленъ воспитанникъ семинаріи Василій *Арбузовъ*.

— Утвержд. въ должн. церкви. старос. къ Троицкой ц. с. Славгородна Ахтырскаго у., крестьян. Кириллъ *Супрунъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Храмъ и часовня на мѣстѣ событія 17 октября 1888 года.—Торжественное собраніе Славянскаго Благотворительнаго Общества въ С.-Петербургѣ.—О. Іоаннъ Кронштадтскій и общество трезвости въ С.-Петербургѣ.—Новый болгарскій митрополитъ.—Положеніе духовнаго просвѣщенія въ сирійской православной церкви.—Торжественное освященіе соборнаго храма во имя Воскресенія Христа въ Токио въ Японіи.—Православіе въ Эстляндіи.—Объ увольнительныхъ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ монашествующимъ лицамъ.—Славянскій Календарь на 1891 годъ.—Тиражъ выгнршей билетовъ втораго внутренняго 5⁰/₀ займа, произведенный въ Петербургѣ 4-го марта 1891 года.

Недавно послѣдовало Высочайшее утвержденіе проекта сооруженія храма и часовни на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда, въ память чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи отъ грозившей опасности.

На особый комитетъ, образованный въ Харьковѣ по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ начальника Харьковской губерніи, тайнаго совѣтника А. И. Петрова, было возложено: 1) составъ соображенія по вопросу о сооруженіяхъ, могущихъ быть воздвигнутыми въ память событія 17-го октября 1888 года, на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда, и 2) производить приемъ

поступающихъ съ этою цѣлью пожертвованій, не устроивая отъ имени комитета денежныхъ сборовъ на указанную надобность. Согласно Высочайше выраженной воли, всѣ предположенія комитета должны были находиться въ зависимости отъ имѣющихся въ наличности денежныхъ средствъ; цифру ихъ, на первое время, рѣшено было ограничить 250,000 руб.

30-го мая 1889 года, комитетъ открылъ свои дѣйствія. Тогда же, въ первомъ засѣданіи комитета, при посѣщеніи членами его, во главѣ съ высокопреосвященнымъ Амвросіемъ, мѣста чудеснаго проявленія Промысла Божія, было высказанно единодушное желаніе, чтобы «былъ сооруженъ, въ ознаменованіе спасенія драгоцѣнной жизни Государя Императора и Его Семьи, постоянный молитвенный памятникъ, который бы служилъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ и напоминаніемъ о дивной благодати, промышленности и милосердіи Божию, проявленномъ надъ русскимъ народомъ».

Таимъ памятникомъ долженъ быть величественный каменный храмъ вблизи мѣста событія 17-го октября, а на самомъ мѣстѣ спасенія Ихъ Императорскихъ Высочествъ, въ насыпи полотна желѣзной дороги, пещерная часовня съ возвышающею надъ линіею желѣзной дороги наружною частью и съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса внутри часовни.

По мысли комитета, эти сооруженія, составляющія одно общее цѣлое и выражающія единодушныя желанія дворянства, земства, городского общества и духовенства, должны быть поставлены во главѣ всѣхъ прочихъ начинаній, а осуществленіе ихъ желательнѣе въ ближайшемъ, по возможности, будущемъ.

Для осуществленія такой своей мысли, комитетъ озаботился, прежде всего, приобрести тотъ участокъ земли, который находится съ правой стороны линіи желѣзной дороги, какъ разъ противъ мѣста событія 17-го октября. Этотъ участокъ, въ количествѣ 9 дес. 1.920 кв. саж., уступленъ безвозмездно дворяниномъ Мѣрненковымъ и 31-го октября 1889 года укрѣпленъ формальнымъ актомъ.

Приглашенный комитетомъ академикъ архитектуры, Р. Р. Марфельдъ, составилъ проектъ сооруженія храма и часовни, удостоенный нынѣ Высочайшаго одобренія.

Въ «Пр. Вѣстн.» приведено слѣдующее подробное описаніе предполагаемыхъ къ сооруженію храма и часовни, на основаніи упомянутаго проекта.

Подъ мѣстомъ нахождения Императорскаго вагона-столовой будетъ устроена пещерная часовня съ выступающею изъ насыпи

входною башнею, возвышающеюся надъ полотномъ желѣзной дороги. На разстояніи около 40 саж. отъ насыпи желѣзной дороги и 65 саж. отъ существующей нынѣ ограды Спасова Скита, на западъ, будетъ выстроенъ храмъ; онъ будетъ однопрѣдѣльный, на 600—650 человекъ. Распланировка этого храма отличается тѣмъ, что главный фасадъ, вмѣстѣ съ алтаремъ, обращенъ на востокъ, къ полотну желѣзной дороги, т. е. къ мѣсту спасенія Августѣйшей Семьи, гдѣ будетъ устроена часовня. Главный входъ храма будетъ устроенъ въ колокольнѣ, расположенной за алтаремъ. Часть храма, обращенная къ востоку, будетъ окружена каменною крышею-галлереею, съ 4 входными сѣнями, соединяющей главный (восточный) входъ съ сѣверными и южными дверями. Такимъ образомъ, главная ось сооруженій будетъ расположена по линіи, перпендикулярной желѣзнодорожному пути и начинающейся съ востока, отъ мѣста, гдѣ Ихъ Величества изволили благополучно выйти изъ-подъ обломковъ вагона-столовой, — часовнею и заканчивающейся съ запада храмомъ. При соблюденіи изложенныхъ условій, храмъ, расположенный на возвышенности, которая будетъ спланирована, и находясь на значительномъ разстояніи отъ линіи желѣзной дороги, представитъ собою открытый и величественный видъ какъ съ желѣзнодорожной насыпи, такъ и со всѣхъ точекъ окружающей мѣстности. Вокругъ церкви образуется горизонтальная площадь, съ широкимъ тротуаромъ у храма и съ прямымъ широкимъ проспектомъ, открывающимся на часовню. Какъ храмъ, такъ и часовня будутъ сооружены изъ обыкновеннаго гончарнаго кирпича, но съ облицовкою кирпичемъ болѣе высокаго качества, съ добавленіемъ изразцовъ, такъ что снаружи храмъ и часовня оштукатурены не будутъ. Вся кладка, какъ фундамента и покоя, такъ равно и стѣнъ, столбовъ и сводовъ, предположена на портуландскомъ цементѣ. Внутренность храма также предположено оштукатурить на портуландскомъ цементѣ и покрасить масляною краскою; дерева совсѣмъ почти не будетъ.

Выдающуюся особенность и красоту храма составитъ позолота какъ главнаго купола храма, такъ равно шпилей, луковицъ, орловъ и коронъ сѣней и часовни.

Что касается живописи и иконъ, то этой части работъ, по проекту, отведено широкое мѣсто. Фасады будутъ росписаны многочисленными образами на золотомъ фонѣ. Внутри храмъ будетъ росписанъ богатымъ узоромъ, мѣстами съ позолотою. На главныхъ пилонахъ—4 богатыхъ кіота и 4 евангелиста. Иконостасъ—бога-

той рѣзбы, съ сплошною разноцвѣтною позолотою и образами на полотнѣ въ чебанномъ фонѣ. Вокругъ входной башни часовни будетъ 20 образовъ въ золотомъ фонѣ.

Стоимость этихъ сооружений опредѣлена по смѣтѣ въ 245.622 р. 34 коп., считая въ этой суммѣ стоимость доставки матеріаловъ, а также и плату за составленіе проекта и смѣты, и техническій надзоръ во все время производства работъ, рассчитанныхъ на три года, но могущихъ быть исполненными и въ болѣе короткій срокъ.

Кромѣ драгоценныхъ иконъ и церковной утвари, присланныхъ изъ всѣхъ концовъ государства, въ наличности имѣется свыше 220,000 р. пожертвованій деньгами. Пожертвованія и теперь поступаютъ въ комитетъ безостановочно.

«День»

27 Февраля зала Кредитнаго Общества С.-Петербургъ, залитая щедро электрическимъ свѣтомъ, была полна. Всѣ мѣста для публики были заняты. Для многихъ не хватало стульевъ. На эстрадѣ была водружена хоругвь Общества. За почетнымъ столомъ засѣдали: предсѣдатель Славянскаго Общества, графъ Н. П. Игнатьевъ, почетный предсѣдатель нынѣшняго собранія преосвященный Никаноръ, третій викарій с.-петербургскій, В. К. Саблеръ, сербскій посланникъ Петровъ и представители высшаго духовенства.

Торжественное собраніе было созвано для чествованія памяти св. Кирилла. Засѣданіе было открыто рѣчью предсѣдателя, графа Н. П. Игнатьева, очертившаго въ краткихъ словахъ программу засѣданія. Хоръ г. Архангельскаго исполнилъ тропарь св. Кириллу и Меодію и, послѣ рѣчи предсѣдателя, пропѣлъ народный гимнь, покрытый громкими рукоплесканіями.

Съ каѳедры былъ прочитанъ годовой отчетъ за 1890 годъ. Членовъ было: почетныхъ 35, пожизненныхъ 68 и дѣйствительныхъ 350. Въ почетные члены были избраны А. Э. Вычковъ и М. Г. Кояловичъ. Общество въ теченіе года понесло утраты въ лицѣ Э. Э. Радецкаго, Г. П. Данилевскаго и преосвященнаго Никанора. Въ составѣ совѣта перемѣнъ не произошло. Московское попечительство объ учащейся славянской молодежи получило нѣсколько крупныхъ пожертвованій и могло выдавать стипендіи и пособія нѣсколькимъ студентамъ-славянамъ, слушающимъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. Въ будущемъ году, если притокъ пожертвованій не уменьшится, попечительство предполагаетъ открыть общежитіе для учащихся славянъ. Издательскою комиссіею Общества выпущены въ свѣтъ: «Сербская грамматика» Новаховича и «Славянскій календарь», составленный Бѣлозерскимъ. Собраній въ те-

ченіе года было 5, изъ нихъ 4 торжественныхъ. Славянское Общество въ Петербургѣ имѣло 33 стипендіата и 3 стипендіатки. Средства и капиталы Общества возросли. Приходъ выразился 35,338 р., расходъ — 25,307 р. Капиталы Общества выражаются почтенной суммой въ 222,684 руб. Отчетъ этотъ былъ единогласно утвержденъ.

Послѣ пѣнія хора, исполнившаго «Гусситскую пѣсню» и пѣсню «Гдѣ домувъ муй?», секретарь Общества, В. И. Аристовъ прочелъ статью славянскаго проповѣдника отца Наумовича, посвященную памяти тысячелѣтія патріарха Фотія и по своему содержанію имѣющую связь съ историческимъ положеніемъ Червонной Руси. По словамъ о Наумовича, всякій народъ переживаетъ какъ и отдѣльный человѣкъ, стадіи младенчества, юности, зрѣлости и старости и уступаетъ за тѣмъ свое мѣсто другимъ, молодымъ народамъ. Таковы были древняя Греція, Римъ, государства среднихъ вѣковъ и, наконецъ, нынѣшняя зрѣлая Германія. Пойдетъ-ли Германія далѣе въ своемъ развитіи и ростѣ? Едва ли. Выступаетъ другой молодой факторъ— славянство. Оно крѣпнетъ и растетъ. Обращаясь къ старинѣ, авторъ утверждаетъ, что не будь 1,000 лѣтъ тому назадъ такого борца какъ Фотій, славянство нынѣ было бы подъ игомъ Рима и католицизма. Нынѣ идетъ борьба за православіе и въ Червонной Руси, которая хочетъ жить общою жизнью со всѣми славянами. Она надѣется на то, что сольется съ мощнымъ русломъ православныхъ славянскихъ народностей. И въ Червонной Руси были измѣнники и ярые враги всего русскаго, въ средѣ депутатовъ на Львовскомъ сеймѣ. Но народъ отказалъ имъ въ своемъ довѣріи. Онъ стоитъ за дружбу съ Россіей. Онъ презрительно отвернулся отъ тѣхъ глашатаевъ, которые проповѣдывали непримиримую вражду къ Россіи, дружбу съ Польшею и рабство передъ папой. Галиційскій народъ полонъ чувства національности...

Послѣ этой рѣчи, встрѣченной очень сочувственно, публика съ удовольствіемъ прослушала пѣсню «Слава Богу на небѣ, Государю нашему по всей землѣ слава» и сопровождала ее аплодисментами. Затѣмъ былъ объявленъ краткій перерывъ, послѣ котораго дѣйствительный членъ Общества, М. И. Городецкій прочиталъ статью о русскихъ симпатіяхъ въ польской поэзіи и о польскомъ поэтѣ -Антонѣ-Эдуардѣ Одынцѣ (умеръ въ 1885 г.), который, не утрачивая своей національности и патріотизма, относился къ русскимъ не только безъ ненависти подобно большинству поляковъ, но съ полнымъ расположеніемъ и любовью.

Эти рѣдкія чувства онъ выразилъ въ нѣсколькихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Лекторъ познакомилъ присутствующихъ съ образцами этихъ произведеній, прочитавъ его «Привѣтствіе Императору Александру II по случаю освобожденія крестьянъ», и посланіе поэта къ одной русской дамѣ въ Вильнѣ. Все это было прочитано въ польскихъ оригиналахъ и въ русскомъ переводѣ. Очень хорошее впечатлѣніе произвели польскіе переводы съ славянскаго и съ русскаго: молитвы Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего» и посланія Жуковскаго къ Е. Ѳ. Вадковской: «Минувшихъ дней очарованье». Послѣднія три произведенія нигдѣ не были напечатаны. За свои русскія симпатіи Одынецъ оставался среди поляковъ долгое время въ тѣни, но этими братскими чувствами къ русскимъ онъ выказалъ себя лучшимъ славяниномъ, вполне заслужившимъ воспоминанія о немъ въ засѣданіи Общества. Если бы было побольше такихъ поляковъ, какъ Одынецъ, тогда быть можетъ не было бы такихъ отношеній поляковъ ко всему русскому, какія существуютъ, къ сожалѣнію, нынѣ.

Публика встрѣтила это сообщеніе полнымъ одобреніемъ. Хоръ исполнилъ прекрасную по музыкѣ славянскую пьесу: «Бойна труба», которая по общему требованію и была повторена.

Засѣданіе закончилось чтеніемъ трехъ стихотвореній кн. Церетелева и народнымъ гимномъ, послѣ чего графъ Н. П. Игнатьевъ объявилъ собраніе закрытымъ. «Н. В.»

— Газета «День» сообщаетъ, что въ С.-Петербургѣ 24-го февраля, члены общества трезвости съ ранняго утра стали готовиться къ встрѣчѣ своего почетнаго предсѣдателя, о. Іоанна Кронштадтскаго. Въ четвертомъ часу дня не только чайная, но и вся Глазова улица была запружена народомъ. Но участь тѣхъ, кто попалъ въ чайную, была ничуть не лучше стоявшихъ на панеляхъ. Въ 4 часа посѣтителей стали просить о выходѣ и двери были немедленно закрыты.

Въ пять часовъ въ чайную прибылъ о. Іоаннъ Кронштадтскій и въ сопровожденіи Д. Н. Бородина направился въ нее чернымъ ходомъ. Здѣсь онъ сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ по адресу общества трезвости и, благословивъ обружающихъ, напутствуемый громадной толпою членовъ, вышелъ во дворъ, чтобы направиться въ городскую думу, гдѣ назначено было подъ его предсѣдательствомъ общее собраніе членовъ общества трезвости. Едва карета появилась на улицѣ, какъ тысячная толпа бросилась за нею. Началась страшная давка и толкотня. Стоило неимовѣрныхъ

усилій, чтобы освободить карету отъ этой ужасной атаки. У думы собралась тоже тысячная толпа. Также черезъ черный ходъ прошелъ почтенный пастырь въ залъ засѣданія, уже переполненный членами общества.

При появленіи его всѣ встали. Поздоровавшись съ присутствующими, онъ занялъ на эстрадѣ предсѣдательское кресло.

Первымъ привѣтствовалъ о. Іоанна Кронштадтскаго предсѣдатель общества, о. Гурновъ. Въ теплой, проникнутой чувствомъ рѣчи, онъ благодарилъ почтеннаго пастыря, что онъ не отказался принять на себя званіе почетнаго предсѣдателя, выразивъ надежду, что во главѣ съ нимъ общество скорѣе достигнетъ желанной цѣли.

— Мой долгъ придти къ вамъ на помощь,—отвѣчалъ о. Іоаннъ, видимо тронутый радушнымъ приѣмомъ.

За о. Гурновымъ привѣтствовалъ о. Іоанна другой членъ правленія—Д. Н. Бородинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прочиталъ краткій отчетъ о дѣятельности общества и открытой имъ чайной.

Въ заключеніе Д. Н. Бородинъ просилъ выразить благодарность о. Іоанну за его посѣщеніе и принесенное имъ пожертвованіе на устройство чайной (200 руб.). Въ залѣ раздался громъ аплодисментовъ, не стихавшій въ продолженіи 10 минутъ.

На всѣ эти привѣтствія о. Іоаннъ отвѣчалъ приблизительно слѣдующее: «Я очень радъ, что Д. Н. Бородинъ познакомилъ меня съ дѣятельностью общества, и радъ еще болѣе, что у насъ возникло общество трезвости. Съ своей стороны, я охотно буду содѣйствовать ему. Предлагаю соединиться воедино, чтобы бороться съ такимъ могущественнымъ зломъ, какъ пьянство. Ко мнѣ стекается много людей страдающихъ запоемъ и я знаю, какъ они несчастны. У меня давно была мысль учредить общество трезвости, но при моей постоянной суетливости, я этого не могъ сдѣлать. Я радъ видѣть, что моя мысль осуществилась»...

Когда почтенный пастырь окончилъ свою рѣчь, опять раздались оглушительныя рукоплесканія, смѣнявшіяся пѣніемъ хора Архангельскаго «Днесъ благодать».

Затѣмъ о. Іоаннъ вручилъ предсѣдателю 500 рублей на нужды общества, говоря при этомъ: «это не мое, а Божье». По его призыву со всѣхъ сторонъ полетѣли на предсѣдательскій столъ различныя бумажки и серебряныя деньги. Члены правленія не успѣвали собирать. Подносъ, поставленный по срединѣ стола, превратился въ горы разноцвѣтныхъ бумажекъ. Тутъ были и радужныя и красненькія, и синенькія, но больше всего рублевокъ.

Въ концѣ засѣданія о. Іоаннъ пригласилъ всѣхъ присутствующихъ спѣть хоромъ «Очи всѣхъ на Тя Господи, уповаютъ», а когда звуки пѣнія умолкли, направился къ выходу.

Въ томъ же собраніи были избраны въ почетные члены общества спб. градоначальникъ, П. А. Грессеръ, город. голова В. И. Лихачевъ, Д. Н. Бородинъ и г-жа Кузнецова.

— 6-го декабря въ болгарской церкви Константинополя былъ рукоположенъ въ митрополиты председатель Солунской Болгарской общины, Архимандритъ Григорій Зефировъ. Рукоположеніе совершалъ самъ экзархъ вмѣстѣ со Сливненскимъ митрополитомъ Гервасіемъ и всѣмъ высшимъ болгарскимъ духовенствомъ въ Константинополѣ. Григорій Зефировъ воспитывался въ Россіи: сначала въ Одесской Духовной семинаріи и затѣмъ въ Московской Духовной Академіи, курсъ которой окончилъ только полтора года тому назадъ. Митрополиту Григорію Зефирову не болѣе тридцати шести лѣтъ, онъ весьма представительнъ и энергиченъ. Онъ обладаетъ даромъ слова и сильно располагаетъ къ себѣ. Говорятъ, что онъ получитъ въ непродолжительномъ времени назначеніе на вакантную Вселескую кафедру въ Македоніи. Григорій Зефировъ родомъ изъ Старой Загоры. Будучи въ Московской Духовной Академіи, онъ усердно занимался религіознымъ вопросомъ въ Македоніи и для полученія ученой степени кандидата богословія представилъ сочиненіе на тему: «Возникновеніе и распространеніе въ Болгаріи католической пропаганды».

— О просвѣщеніи въ Сирійской православной церкви въ Моск. Церк. Вѣд. мы читаемъ слѣдующее: обозрѣвая исторію просвѣщенія въ Сирійской православной церкви, мы удивляемся яркому свѣту тѣхъ величайшихъ свѣтилъ, которыя появлялись нѣкогда на горизонтѣ этой древнѣйшей изъ всѣхъ церквей православныхъ. Дѣйствительно подъ яснымъ небомъ живописной Сирійской области, родились и воспитались самые великіе и самые знаменитые изъ отцевъ и учителей церкви; какъ-то: святые Игнатій Богоносецъ, Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ, и многіе другіе ревностные пастыри и замѣчательные писатели. Да, въ тѣ славныя времена процвѣтали, въ предѣлахъ Сирійской православной церкви, двѣ великолѣпныхъ богословскихъ и философскихъ школы, Эдесская и Антиохійская, которыя испускали благоуханіе христіанскихъ истинъ на всѣ страны и пространства. Но, увы! тѣ благоприятныя для Сирійской православной церкви времена быстро минули, и съ наступленіемъ разныхъ завоевате-

лей на Сирійскую область наступилъ мракъ отцвѣтанія и истребленія! Съ той поры, предъ истребительнымъ огнемъ непрерывныхъ варварскихъ набѣговъ, изсякла почти всякая влага жизни на плодоносной землѣ Сирійской области. Съ тѣхъ поръ, стоящая впереди всѣхъ другихъ христіанскихъ церквей, Сирійская церковь, начала падать, такъ что въ настоящее время видимъ ее стоящую позади всѣхъ другихъ православныхъ церквей.

Въ настоящее время Сирійская православная церковь предъявляетъ благочестивому изслѣдователю скорбное и плачевное зрѣлище. Нигдѣ не встрѣтитъ онъ въ ней ни великолѣпныхъ храмовъ, ни благоустроенныхъ обитателей, ни даже духовныхъ школъ или училищъ! Такъ она обѣднѣла, послѣ неописанныхъ гоненій и жестокихъ бѣдствій, что однѣми своими силами не въ состояніи не только возстановить свое славное прошлое, но и готовить необходимыхъ для своего самоуправленія пастырей и учителей. Вотъ почему она до настоящаго времени принуждена для выбора своихъ первоархипастерей обращаться, то къ Константинопольскому патріархату, то къ Іерусалимскому, а для выбора учителей и учительницъ своимъ народнымъ школамъ, прибѣгать то къ католикамъ, то къ протестантамъ.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что настоящее прискорбное положеніе просвѣщенія въ Сирійской православной церкви, не оттого происходитъ, что православные Сирійцы не любятъ образованія или неспособны къ духовному призванію, въ чемъ ихъ обвиняютъ нѣкоторые, но оттого, что она уже съ VI-го вѣка, — слѣдовательно ранѣе всѣхъ другихъ, единовѣрныхъ ей церквей, сдѣлавшись полприщемъ непрерывныхъ набѣговъ различныхъ завоевателей, сильныхъ враговъ христіанства и православія, — какъ-то: Персіанъ, разныхъ мусульманскихъ племенъ — Амавіевъ, Аббакиевъ, Акбіевъ, — Татаръ, Черкесовъ, Монголовъ, крестоносцевъ, Египтянъ, и наконецъ Турокъ, — такъ ослабѣла и обѣднѣла, что потеряла всякую возможность возстановить, однѣми собственными силами, свое прежнее значеніе.

Но какъ бы она ни рано подвергнулась, по неисповѣдимымъ судьбамъ Господнимъ, жестокимъ страданіямъ и неописаннымъ гоненіямъ, ради Христовой истины и православной вѣры, однако она, при помощи подкрѣпляющаго немощныхъ, невидимаго ея главы Іисуса Христа, не перестала и не перестаетъ бороться, съ мужественнымъ героизмомъ, со своими врагами иди впередъ насколько позволяютъ ей собственныя силы. Съ утѣшеніемъ можно

сказать, что многострадальная Сирійская православная церковь, въ настоящее время, такъ настойчиво подвигается въ дѣлѣ образованія, что достаточно твердой помощи, надлежащаго вниманія, со стороны всемогущей и Богомъ прославленной Всероссійской православной церкви, чтобы доставить ей возможность возстановить свое славное прошлое.

Чтобы не быть голословными относительно примѣчающагося, въ настоящее время, въ Сирійской православной церкви, утѣшительнаго движенія къ духовному просвѣщенію, укажемъ на ея тихую, но плодотворную дѣятельность въ этомъ отношеніи. Не имѣя надлежащихъ средствъ, для открытія необходимыхъ духовныхъ школъ и училищъ, Сирійская православная церковь стала недавно посылать нѣкоторыхъ своихъ молодыхъ людей, жаждущихъ православнаго духовнаго образованія, въ тѣ страны, гдѣ находятся такія школы и училища. Такимъ образомъ она могла, въ недолгое сравнительное время, доставить полное духовное образованіе восьми человекамъ изъ своихъ чадъ, которые приносятъ ей, въ настоящее время, не малую пользу. Изъ этихъ восьми дѣятелей, три получили свое высшее духовное образованіе въ Русскихъ духовныхъ академіяхъ; именно: 1) Митрополитъ Эдесскій Агапій, викарій Антиохійскаго Патріарха въ Дамаскѣ и предсѣдатель общества духовнаго просвѣщенія «Іоанна Дамаскина»; 2) Митрополитъ Селевкійскій и Иліопольскій Герасимъ, магистръ богословія и бывшій ректоръ двухъ духовныхъ семинарій, въ Ригѣ и Псковѣ и 3) Александръ Косма, который до окончанія курса Московской Духовной Академіи былъ избранъ въ 1882 года «Палестинскимъ Обществомъ» въ ректора учрежденнаго въ Назаретѣ духовнаго училища. Остальные пять — окончили курсъ богословія въ высшемъ богословскомъ училищѣ находящемся на островѣ Халки въ разстояніи двухъ часовъ ѣзды отъ Константинополя; а именно: 1) Іосифъ Тарази, преподаватель закона Божія и греческаго языка въ православной школѣ и основатель катехизическаго общества въ Бейрутѣ; 2) Архимандритъ Герасимъ, бывшій проповѣдникъ Антиохійскаго Патріаршаго престола и въ настоящее время настоятель Сирійской православной церкви въ Александріи; 3) Архимандритъ Рафаиль, бывшій проповѣдникъ Антиохійскаго Патріаршаго престола и въ настоящее время настоятель Антиохійскаго Патріаршаго въ Москвѣ подворья. 4) Василій Жибара, проповѣдникъ и преподаватель закона Божія въ Епифанійской епархіи и, 5) Іеродіаконъ Павелъ, проповѣдникъ Дамасскаго Успенскаго собора и секретарь Антиохійскаго Патріарха.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, въ настоящее время въ Сирійской православной церкви слывутъ отличными проповѣдниками слова Божія слѣдующіе Сирійскіе митрополиты: 1) Эмесскій, Аванасій, 2) Елпфанійскій, Григорій, 3) Триполійскій, Григорій и 4) Архимандритъ Христофоръ, бывший настоятель Антіохійскаго Патріаршата въ Москвѣ подворья.

Конечно это число духовно образованныхъ лицъ, хотя утѣшительно, но весьма мало сравнительно, съ одной стороны съ числомъ православныхъ Сирійцевъ доходящихъ до 300,000, а съ другой—съ числомъ духовнообразованныхъ у другихъ иновѣрныхъ христіанскихъ общинъ въ Сиріи. Имѣя это въ виду, Сирійская православная церковь не перестаетъ посылать молодыхъ людей въ вышеупомянутыя, православныя духовныя заведенія. Такимъ образомъ, изъ ея молодыхъ чадъ, находятся въ настоящее время: одинъ въ Халкійскомъ богословскомъ училищѣ; одинъ въ Ризарскомъ церковномъ училищѣ въ Афинахъ и одиннадцать въ разныхъ духовныхъ семинаріяхъ въ Россіи, именно: двое въ Московской, одинъ въ Виѣанской, двое въ Тульской, двое въ Харьковской и трое въ Кіевской и одинъ въ иконописной школѣ при Сергіево-Троицкой Лаврѣ.

Мало того, въ Сирійской православной церкви, находятся въ настоящее время многія благотворительныя общества, содержимыя посильными благодѣяніями самихъ православныхъ Сирійцевъ. Изъ этихъ обществъ, болѣе замѣчательныя три; одно въ Дамаскѣ «Общество Іоанна Дамаскина» и два въ Бейрутѣ, «Катехизическое Общество» и «Общество Апостола Павла». Цѣль этихъ обществъ распространеніе православнаго ученія среди Сирійцевъ и сохраненіе ихъ отъ губельныхъ дѣйствій католическихъ и протестантскихъ пропагандистовъ,—вспомоществованіе нуждающимся сельскимъ священникамъ, построеніе храмовъ, украшеніе бѣдныхъ церквей, открытіе народныхъ школъ, проповѣданіе слова Божія и т. п.

Вотъ въ какомъ положеніи находится, въ настоящее время, духовное просвѣщеніе въ Сирійской православной церкви. Это положеніе, хотя не блистательно, но однако подаетъ надежды и достаточно, думаемъ, показываетъ неосновательность словъ утверждающихъ, что православные Сирійцы не любятъ духовнаго образованія или неспособны къ духовному призванію.

А что Сирійская православная церковь далеко еще не въ томъ желательномъ духовномъ просвѣщеніи, въ которомъ находятся

другія, единовѣрныя ей церкви, съ этимъ мы вполне согласны. Но мы надѣемся, что единовѣрная ей, всемогущая Русская церковь въ обиліи своей братской любви, нравственной поддержки и матеріальной помощи всѣмъ другимъ православнымъ церквамъ, не забудетъ и единовѣрной ей Сирійской церкви, лишенной всякой внѣшней помощи въ ея непосильной борьбѣ съ миссіонерами католицизма и протестантизма.

— Въ Токио—столицѣ Японіи, состоялось торжественное освященіе сооруженнаго соборнаго храма во имя Воскресенія Христова. Въ Японіи, странѣ, остающейся до сихъ поръ языческой, православіе дѣлаетъ быстрые шаги, благодаря ревностному отношенію къ своему дѣлу нашей духовной миссіи, съ преосвященнымъ епископомъ Николаемъ во главѣ. Новый соборъ насчитываетъ около тысячи прихожанъ изъ мѣстныхъ жителей, не считая русскихъ проживающихъ въ Японіи; въ Токио открыта православная школа, Евангеліе и многія духовныя книги переведены на японскій языкъ, а по словамъ преосвященнаго Николая замѣчается стремленіе къ принятію православія не только въ столицѣ Японіи, но и внутри страны.

— Вслѣдствіе возбужденнаго въ послѣднее время интереса къ положенію православныхъ Эстовъ, не лишне будетъ привести нѣсколько фактическихъ данныхъ, касающихся послѣдняго религіознаго движенія въ Эстляндской губерніи вообще.

Съ 1886 года присоединенія къ православію уменьшаются съ каждымъ годомъ:

	Перешло въ православіе:		
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Въ 1885 году	994	806	1,800
» 1886 »	2.036	1.540	3.576
» 1887 »	998	793	1.791
» 1888 »	115	149	264
» 1889 »	122	154	276

Такимъ образомъ, кромѣ 1886 года, движеніе въ православіе видимо сокращается подъ вліяніемъ тѣхъ именно причинъ для ослабленія которыхъ открытъ приѣмъ пожертвованій въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей». Изъ отдѣльныхъ приходоу, только въ Пюхтицкомъ движеніе въ православіе продолжало усиливаться, но и тамъ, послѣ извѣстныхъ фактовъ, оно уменьшилось. Особенно сильно замѣтно уменьшеніе числа принявшихъ православіе въ тѣхъ именно приходоу, гдѣ въ 1887 году замѣчалось наибольшее движеніе.

Тѣмъ не менѣе духовенство и православныя братства усердно работаютъ, чтобъ устроить церковный бытъ новоприсоединенныхъ; главная нужда, конечно, въ церковныхъ зданіяхъ, и только со времени изданія закона, 10 февраля 1886 года, объ отчужденіи земель на церковныя надобности явилась возможность къ осуществленію этого дѣла. Съ того времени строительная дѣятельность идетъ весьма успѣшно и Св. Синодомъ дѣлается все, что только возможно къ благополучному завершенію дѣла. Каждый годъ приносятъ губерніи нѣсколько церквей, которыя обыкновенно въ лѣтнее время освящаются преосвященнымъ Арсеніемъ.

Изъ этихъ новыхъ церквей достойна вниманія Велисская, очень изящная, сооруженная изъ дикаго камня; несмотря на грубый матеріаль, она производитъ чудное впечатлѣніе. Закладка ея совершилась въ іюнь 1888 года, а въ сентябрѣ 1889 года храмъ былъ уже вполне готовъ; для причта выстроены домъ и службы; найдено помѣщеніе и для школы.

Вяйке-Ляхтерская церковь въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, начатая постройка въ декабрѣ 1887 года, окончена и освящена въ сентябрѣ 1889 года; она построена на холмѣ и видна издалека. Эсты гордятся этою церковью; она дѣйствительно очень красива, такъ какъ сложена изъ доломита, а углы церкви сдѣланы изъ плить. Необходимо замѣтить, что много матеріала для этой церкви пожертвовалъ сосѣдній помѣщикъ, баронъ К. Р. Унгернъ-Штернбергъ.

Падекормская церковь въ честь Св. Троицы напоминаетъ своими пятью главами соборъ, въ особенности же она привлекаетъ вниманіе своею детальною отдѣлкой; выстроена она тоже изъ дикаго камня, но, по отсутствію плить въ той мѣстности, углы ея сдѣланы изъ кирпича. Мѣсто для церкви выбрано чрезвычайно удачно—оно господствуетъ надъ окрестностью; тутъ же протекаетъ рѣчка; кладбище находится въ сосновомъ бору. Земельный участокъ подъ церковь, причтовья постройки, школа и кладбище пожертвованы баронессой Елизаветой Искуль.

Ново-Вердерскій храмъ, сооруженный въ честь Рождества Христова, стоитъ у большой дороги и виденъ за нѣсколько верстъ; земля подъ церковь и причтовья постройки пожертвованы, такъ же какъ и въ Падекормѣ, баронессой Искуль.

Леальская церковь во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго построена почти въ центрѣ мѣстечка Леаль; начатая въ январѣ 1888 года, она въ сентябрѣ 1889 года была

уже совершенно готова; внутри церковь эта украшена многими пожертвованными иконами.

Олешницкая церковь (въ Возенбергскомъ уѣздѣ) также очень скоро была выстроена на возвышенномъ мѣстѣ, въ полуверстѣ отъ берега Чудскаго озера. Наконецъ, истекшимъ лѣтомъ освящены церкви на островахъ Даго и Вормсѣ.

Что касается до притѣсненій, чинимыхъ лютеранскими земле-владѣльцами новообращеннымъ въ православіе Эстамъ, то, за отсутствіемъ нынѣ всякой возможности допекать новообращеннымъ путемъ физической расправы, всѣ эти притѣсненія разыгрываются главнымъ образомъ на почвѣ экономической, къ чему особенности мѣстнаго аграрнаго строя даютъ обильный матеріаль.

Такъ до сихъ поръ продолжаютъ попытки заставить православныхъ Эстовъ нести повинности и въ пользу лютеранской церкви; а такъ какъ это прямо сдѣлать нельзя, то пользуются здѣшнею арендною системою, которою эти повинности и маскируются. Какъ извѣстно, свое упорство въ этомъ отношеніи Балты оправдываютъ тѣмъ, что церковно-лютеранскія повинности суть повинности «реальные», а сущность этого понятія на основаніи ст. 1.297, т. III Св. мѣстн. узакон. губ. Остз. состоитъ въ томъ, что на извѣстномъ земельномъ участкѣ лежитъ «постоянное обязательство къ отбыванію опредѣленныхъ, вѣчно возвращающихся повинностей». Вотъ этотъ-то принципъ, утверждающій, что повинность лежитъ на *землѣ*, а не на *лицѣ*, и давалъ Балтамъ основаніе привлекать всѣхъ «держателей» участковъ къ платежу налоговъ въ пользу лютеранской церкви, причемъ исповѣданіе такого «держателя» по ученію Балтовъ не имѣетъ въ данномъ вопросѣ никакого значенія.

Впервые обратили здѣсь вниманіе на это толкованіе въ 1884 году послѣ перехода въ православіе 2,602 Эстонцевъ, когда губернаторомъ представленъ былъ на разрѣшеніе правительства вопросъ объ освобожденіи православныхъ арендаторовъ отъ возложенной на нихъ контрактами обязанности нести расходы на содержаніе лютеранскихъ церквей и духовенства. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ разъяснило въ то время этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что на основаніи примѣчанія къ ст. 608 устава о Ев.-Лютер. церкви въ Россіи православные освобождены отъ уплаты всѣхъ повинностей въ пользу лютеранскихъ церквей и духовенства и что поэтому взысканіе означенныхъ повинностей съ православныхъ «не соответствовало бы точному смыслу приведеннаго узаконенія».

Объявивъ объ этомъ гагенрихтерамъ, эстляндскій губернаторъ

циркулярно предложилъ тогдашнимъ «герпхтамъ» не утверждать на будущее время арендныхъ договоровъ между помѣщиками и православными крестьянами, не согласныхъ съ означеннымъ разъясненіемъ. Основываясь на тѣхъ же соображеніяхъ, которыми руководилось Министерство, Правительствующій Сенатъ, по первому департаменту, особымъ приказомъ оставилъ безъ послѣдствій жалобы на постановленія Эстляндскаго губернскаго правленія отъ освобожденія православныхъ крестьянъ отъ платежа взыскиваемыхъ съ нихъ повинностей въ пользу лютеранскихъ церквей. Но хотя этотъ указъ, по распоряженію Правительствующаго Сената, былъ опубликованъ въ *Собраніи Узаконеній и Распоряженій Правительства*, взысканіе съ православныхъ повинностей въ пользу лютеранской церкви, тѣмъ не менѣе подъ различными предлогами, продолжалось. Вслѣдствіе этого Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вошло въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ о мѣрахъ къ огражденію православныхъ крестьянъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ отъ взысканія повинностей въ пользу лютеранской церкви. Тогда послѣдовало Высочайшее утвержденіе Положенія Комитета Министровъ, коимъ постановлено впредь до законодательнаго разрѣшенія общаго вопроса о порядкѣ обезпеченія въ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерніяхъ, матеріальныхъ нуждъ какъ православныхъ, такъ и протестантскихъ церквей и духовенства воспретить взысканіе въ томъ краѣ съ лицъ православною исповѣданія всякихъ въ пользу протестантскихъ церквей повинностей или сборовъ взимаемыхъ доселѣ, съ пріостановленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ исполнительныхъ дѣйствій по постановленіямъ мѣстныхъ установленій о взысканіи съ православныхъ вышеозначенныхъ сборовъ.

Но и этотъ ясный и категорическій законъ не могъ положить предѣла взысканіямъ съ православныхъ этихъ сборовъ, такъ какъ чего нельзя брать прямо, стали брать путемъ повышенной аренды. Вообще только крестьяне-собственники окончательно раздѣлялись съ этими сборами, православные же арендаторы, каковыхъ большинство, вынуждены уплачивать сборы въ пользу лютеранскихъ церквей, хотя и подъ другими видами и именованиями. «М. В.».

— По поводу выдачи нѣкоторыми изъ епархіальныхъ и монастырскихъ начальствъ увольнительныхъ изъ епархія и монастырей свидѣтельствъ монашествующимъ, безъ указанія благословныхъ причинъ и законныхъ сборовъ, послѣдствіемъ чего является бродяжничество увольняемыхъ лицъ, Св. Синодъ сдѣлалъ слѣдующее разъ-

ясненіе: имѣя въ виду, 1) что правилами св. соборовъ—IV всел. пр. 4-мъ, VII всел. пр. 21-мъ и двукр. пр. 4-мъ—монашествующимъ предписывается пребывать въ иноческомъ послушаніи въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ они отреклись отъ міра, не отходя въ иные, перемѣщеніе же изъ одного монастыря въ другой допускается въ тѣхъ только тѣхъ случаяхъ, когда начальство найдетъ необходимымъ монаха, извѣстнаго по благочестію и честному житію, перевести въ другую обитель, для благоустройства ея, или назначить въ иное какое мѣсто по особымъ нуждамъ, для пользы общей; 2) что тѣми же правилами стремленіе монашествующихъ къ самовольнымъ и безцѣльнымъ переходамъ изъ монастыря въ монастырь, или же бродяжничество ихъ по мірскихъ домамъ признается явленіемъ, исполняющимъ обители многимъ неблагообразіемъ, вносящимъ въ оныя беспорядокъ и разстроивающимъ благолѣпіе послушанія, и потому строго осуждается и воспрещается съ угрозою отлученія отъ общенія церковнаго, не только самому приходящему, но и пріившему его; 3) что какъ духовнымъ регламентомъ—прибавл. о правил. причта церковнаго и чина монашескаго, о монахахъ п.п. 30 и 31,—такъ и опредѣленіемъ святѣйшаго синода отъ 21 мая 1722 г. переходъ монаховъ изъ монастыря въ монастырь допускается лишь ради благословныхъ винъ и согласно вышеприведеннымъ канонамъ подъ страхомъ, за противоположное сему, жестокаго штрафованія какъ отшедшему, такъ и отпущившему и пріившему его, и 4) что по 82 ст. уст. дух. конс. епархіальное начальство можетъ позволять монашествующимъ временно отлучаться въ другія епархіи лишь по самымъ настоятельнымъ нуждамъ и на самыя умѣренныя по роду надобности сроки, причемъ отпускаемые лица должны быть несомнительнаго поведенія и имѣть, согласно требованіямъ 74, 75 и 81 ст. XIV т. св. зак. изд. 1857 года уст. пасп., узаконенные виды на жительство, святѣйшій синодъ находитъ, что случаи отпуска монашествующихъ, безъ указанія надобности въ отпускѣ и срока онаго представляются явленіемъ, по стольку же незаконнымъ, по скольку и ведущимъ къ неизбѣжнымъ беспорядкамъ въ монастыряхъ, упадку монашества и поношенію монашескаго чина. А посему святѣйшій синодъ опредѣляетъ: для прекращенія и предотвращенія столь прискорбныхъ послѣдствій, несоблюденія законнаго порядка, впредь при отпускахъ монашествующихъ строго руководствоваться точнымъ смысломъ приведенныхъ узаконеній, въ случаяхъ же несоотвѣтствія монашествующихъ лицъ принятому ими на себя подвигу и нарушенія ими данныхъ обѣ-

товъ, не увольнять ихъ изъ монастыря и епархіи, въ виду того, что монахъ, оказывающійся неспособнымъ къ монашеству въ одномъ монастырѣ, не можетъ оказаться способнымъ въ другомъ, а подвергать ихъ взысканіямъ, упомянутымъ въ 196 ст. уст. дух. конс.

— Не легкія времена переживаетъ сельское духовенство, однако нельзя не отмѣтить, что достойный пастырь и нынче окружается самою горячею народною любовію. «Сынъ Отечества», въ корреспонденціи изъ Средне-Ахтубинскаго села (Астрах. губ.), такъ рассказываетъ о проводахъ отца Іоанна Нигровскаго, въ другое село:

Утромъ отецъ Іоаннъ служилъ послѣднюю обѣдню, на которую собралась такая масса народа, что какъ ни обширно зданіе нашей церкви, а помѣститься въ ней всѣ не могли. Когда отецъ Іоаннъ, послѣ службы, обратился къ народу съ прощальною рѣчью, первоначально наступила гробовая тишина, а затѣмъ поднялось такое рыданіе народа, что почти заглушило слова проповѣдника, да и самъ отецъ Іоаннъ отъ волненія и душившихъ его слезъ говорилъ съ перерывами. При выходѣ изъ церкви, представителями общества была поднесена отцу Іоанну, въ знакъ признательности, икона Владимірской Божіей Матери въ серебрянной оправѣ при адресѣ. Послѣ поднесенія иконы и адреса, масса народа собралась къ квартирѣ отца Нигровскаго. При отъѣздѣ народъ всею массой двинулся за отъѣзжающимъ, сопровождая своего любимца рыданіемъ. Улица, по которой нужно было ѣхать отцу Нигровскому, до того переполнилась, что лошади съ великимъ трудомъ двигались. Провожали далеко за село, а бывшіе на лошадяхъ проводили пастыря до первой станціи, с. Лучки. Нужно сказать, что отецъ Нигровскій велъ миссіонерскія бесѣды съ сектами, входилъ въ положеніе каждаго нуждающагося, помогалъ бѣднякамъ, заботился о поднятій нравственности въ народѣ; у него имѣлось болѣе 200 чловѣкъ читателей, которымъ онъ давалъ свои книги религіознонравственнаго содержанія, велъ много бесѣдъ о пьянствѣ, и всѣмъ этимъ, а также тихою и скромною жизнію заслужилъ любовь и уваженіе своихъ прихожанъ.

— Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на вышедшій недавно въ свѣтъ:

„Славянскій Календарь на 1891 годъ“,

изданный С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, въ память тысячелѣтія со дня блаженной кончины *Фотія*, святѣйшаго патріарха Константинопольскаго. Намъ нѣтъ надобности указывать на пробужденіе у славянъ сознанія общности ихъ духовныхъ и культурныхъ задачъ, а отсюда на все болѣе и болѣе возрастающее стремленіе въ Россіи изучить различныя славянскія страны, равно какъ и на стремленіе этихъ послѣднихъ изучить Россію, этотъ главный оплотъ славянства и православія. Все это факты общеизвѣстные. Нельзя относиться ко всему этому иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ. Апостоль сказалъ: *еще кто о своихъ, паче же о присныхъ въ вѣрѣ не промышляетъ, вѣры отверся есть и невѣрнаго горійи есть*. Апостоль, слѣдовательно, не отвергаетъ ни племеннаго, ни вѣроисповѣднаго родства. Онъ даже признаетъ мѣру заботливости о поддержаніи связей этого родства мѣрою заботливости о собственномъ спасеніи. Казалось бы потому, что ближайшее знакомство и взаимообщеніе единоплеменниковъ и единовѣрцевъ должно составлять насущную потребность всѣхъ православныхъ русскихъ людей. И однако-же, вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ условій жизни, этого не было. Мы интересовались жизнью французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и пр., и очень мало обращали вниманія на нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. И только въ послѣднее время, благодаря дѣятельности просвѣщенныхъ славистовъ и благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ славянскихъ обществъ, каково наиримѣръ: «С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество», русскій народъ приходитъ къ сознанію своихъ славянскихъ задачъ, своей славянской культуры и своихъ славянскихъ идеаловъ. Дѣло это идетъ медленно, но вѣрно. Православная Россія несетъ славянскимъ народамъ знамя православія, а вмѣстѣ съ нимъ знамя низверженія папскаго и протестантскаго ига и національную свободу. Эта славянская идея становится теперь общимъ достояніемъ. Теперь голоса въ пользу ея раздаются не только въ Россіи, но и среди многихъ славянскихъ народностей, которыя спѣшатъ отъликнуться на призывъ русскихъ людей, спѣшатъ выразить свои симпатіи единовѣрному имъ и единоплеменному государству, или спѣшатъ заявить свои симпатіи къ великой православной церкви и выступить на борьбу съ злѣйшими врагами своими—католичествомъ и протестантствомъ. Намъ нѣтъ надобности указывать этому комитету. Кто разумно слѣ-

дѣть за текущими историческими событіями, тотъ ясно видитъ это пробужденіе славянскаго духа и эту культурную миссію Россіи. Прекрасно понимаютъ эту идею издатели «Славянскаго календаря на 1891 годъ» и самое изданіе свое назначаютъ въ память тысячелѣтія со дня блаженной кончины Фотія, святѣйшаго патріарха Константинопольскаго (891—1891). Потребность въ подобномъ славянскомъ календарѣ, каковой нынѣ изданъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, давно ощущалась въ нашемъ обществѣ, и эту потребность до сихъ поръ не могли удовлетворить ни прежнія, ни новыя многочисленныя изданія календарей съ разнообразнымъ направленіемъ. Тѣмъ съ большимъ пріятнымъ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы это изданіе Славянскаго Благотворительнаго Общества. Минувя первые отдѣлы календаря, которые составляютъ необходимую принадлежность каждаго подобнаго изданія, мы сразу встрѣчаемся съ тѣми отдѣлами его, которые сообщаютъ особенный характеръ этому календарю и которые даютъ намъ свѣдѣнія о положеніи славянскихъ народностей и православныхъ церквей какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Таковы именно помѣщенные въ немъ два отдѣла: 1) та часть календаря, гдѣ дается множество полезныхъ и интересныхъ свѣдѣній о современномъ положеніи русской и другихъ славянскихъ православныхъ церквей, также свѣдѣнія о славянахъ католикахъ и протестантахъ, и 2) специальный славянскій отдѣлъ, который знакомитъ насъ съ культурнымъ развитіемъ славянства въ Россіи и внѣ ея предѣловъ. Свѣдѣнія эти большею частію проверены и выведены на основаніи статистическихъ данныхъ; а потому имѣютъ для читателя особенный интересъ. «Числовыя данныя, по словамъ календаря, официально собранныя и строго проверенныя, говорятъ краснорѣчивѣй всякихъ словъ о блестящемъ положеніи Русской Церкви, въ опроверженіе лживыхъ толковъ и клеветъ, распускаемыхъ на Западѣ непримиримыми противниками православія». Изъ нихъ ясно открывается, что съ каждымъ годомъ громче и громче стучитъ въ дверь исторіи наша православная славянская идея. «Съ каждымъ днемъ, говоритъ календарь, спадаютъ во прахъ отребія лжи, коими въ теченіе цѣлыхъ девяти столѣтій, съ такимъ недостойнымъ христіанскаго имени усердіемъ, старались укрыть отъ міра истину православія, какъ носителя апостольскаго знамени; міръ, чувствующій все сильнѣе и глубже потребность стать подъ такое знамя и подъ его покровомъ продолжать жизнь, съ каждымъ днемъ яснѣе прозрѣваетъ — куда слѣдуетъ ему устремлять свои взоры и за кѣмъ слѣдовать». Именно эти очевидныя, неопровержимыя свѣдѣ-

нія сообщаетъ славянскій календарь, быть можетъ, къ немалому удивленію разныхъ нашихъ либераловъ, западниковъ и космополитовъ.

Кромѣ статистическихъ и другихъ данныхъ, касающихся спеціально текущей церковной жизни среди славянъ, въ этомъ же, т. е. первомъ отдѣлѣ календаря помѣщено немало и другихъ интересныхъ замѣтокъ историческаго, этнографическаго и вообще научнаго характера. Изъ нихъ мы назовемъ, какъ наиболѣе интересные: «Голосъ русскаго о состояніи православной церкви въ Америкѣ», «Церковная жизнь русскихъ униатовъ изъ Галичины и Угорской Руси въ Америкѣ», «Сербская церковь на основаніи новаго церковнаго закона», «Преподобный Сергій Радонежскій», написанная по поводу предстоящей въ нынѣшнемъ году (25-го сентября) 500-лѣтней годовщины со времени его блаженной кончины, и, наконецъ, «Фотій, патріархъ Цареградскій», въ которой, въ виду исполнившагося въ настоящемъ году (6-го февраля) тысячелѣтія со времени блаженной кончины Цареградскаго патріарха Фотія, редакція старается опредѣлить значеніе его для православной церкви вообще и для православныхъ славянъ въ частности. Много можно было бы сказать по поводу этого интереснаго и поучительнаго отдѣла въ «Славянскомъ Календарѣ», но къ сожалѣнію мы связаны размѣрами настоящей рецензіи, а потому переходимъ къ другому отдѣлу, упомянутому нами выше. Отдѣлъ этотъ носитъ общее заглавіе: «Культурная жизнь славянскихъ народовъ» и представляетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что большею частію сообщаетъ совершенно новыя и весьма обстоятельныя свѣдѣнія объ ученыхъ, литературныхъ, драматическихъ, школьныхъ, академическихъ (студенческихъ), гимнастическихъ, благотворительныхъ и др. обществахъ въ славянскихъ земляхъ. Въ сравненіи съ изданіемъ прошлаго года этотъ отдѣлъ календаря въ настоящемъ году значительно расширенъ. «Культурная сторона, говоритъ редакція календаря, жизни каждаго изъ Славянскихъ народовъ предполагается однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ издаваемыхъ СПБ. Слав. Общ. календарей»; поэтому редакція календаря въ настоящемъ году въ особенности позаботилась расширить и пополнить этотъ отдѣлъ; съ этою цѣлью она разослала въ славянскія земли академіямъ, университетамъ, ученымъ, литературнымъ, художественнымъ и т. д., и т. д. обществамъ и учрежденіямъ «приглашенія доставить, по выработанной программѣ, свѣдѣнія о себѣ для помѣщенія въ Календарѣ. Такихъ писемъ было разослано свыше 1000. Успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя наши ожиданія, — говоритъ редакція: на большую часть писемъ

пришли отвѣты (значительное число ихъ было составлено по русски), которые и дали весьма цѣнный матеріалъ для названнаго отдѣла календаря. Нѣтъ надобности замѣчать, что этотъ успѣхъ, о которомъ сообщаетъ редакція, уже самъ по себѣ говоритъ очень много въ доказательство пробужденія славянскаго самосознанія и симпатій къ Россіи, о которыхъ мы говорили выше. Но это же еще яснѣе открывается изъ разсмотрѣнія задачъ и цѣлей, которыми задаются разныя дружества и общества въ разныхъ славянскихъ земляхъ. Потребность въ славянскомъ единеніи, въ славянскомъ сближеніи и въ славянской культурѣ въ нихъ сказывается съ полною силою. Мы не можемъ, впрочемъ, опять-таки за недостаткомъ мѣста, подробнѣе остановиться на этомъ богатомъ и интересномъ отдѣлѣ. Упомянемъ только о нѣкоторыхъ, наиболѣе интересныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ отдѣла, каковы: «По поводу 400—лѣтія старопечатной кириллицы», «Успѣхи русскаго языка въ славянскихъ земляхъ» и, наконецъ, въ самомъ концѣ книги приведена «Азбука славянскихъ нарѣчій по Гильфердингу» и небольшая замѣтка подъ названіемъ: «Первенецъ старопечатной кириллицы» съ тремя приложеніями къ ней — факсимиле 3-хъ страницъ Октоихи 1491 г.

Изъ сказаннаго видно, какія цѣли преслѣдуетъ редакція при изданіи «Славянскаго Календаря» и на сколько успѣшно выполняетъ ихъ. Мы не можемъ не сочувствовать этимъ цѣлямъ редакціи, которая употребила все свое стараніе, чтобы сдѣлать свой календарь разнообразнымъ, интереснымъ и удовлетворяющимъ настоятельной потребности православныхъ русскихъ людей поближе познакомиться съ великимъ славянскимъ міромъ. Цѣна календаря 1 руб. съ пересылкою.

Тиражъ выигрышей билетовъ втораго внутренняго пяти процентнаго займа, произведенный въ Петербургѣ 4-го марта 1891 года. Главныя выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
1395	21	200000	18078	42	8000	11869	32	1000	5650	10	1000
890	33	75000	5468	10	8000	11572	04	1000	5622	5	1000
5581	33	40000	5787	37	5000	9986	39	1000	6980	3	1000
585	12	25000	11113	39	5000	15037	41	1000	3315	3	1000
11252	41	10000	8766	49	5000	4849	11	1000	16419	15	1000
980	35	10000	10512	12	5000	16520	11	1000	15596	15	1000
8583	41	10000	14602	28	5000	9508	15	1000	7757	32	1000
12704	44	8000	2423	35	5000	12430	11	1000	607	45	1000
10246	24	8000	15085	27	5000	16252	17	1000	8463	34	1000
18451	18	8000	8073	46	5000	2442	13	1000	11114	18	1000

Въ 500 руб. выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
143	1	9784	7	10990	13	19715	19	11668	26	7715	34	8948	43
1277	1	13725	7	12518	13	4727	20	14282	26	8557	34	15350	43
4031	1	14941	7	14816	13	9237	20	15355	26	16073	34	2723	44
5331	1	19489	7	18517	13	14629	20	1753	27	19473	34	2556	44
7503	1	570	8	4579	14	18988	20	5505	27	421	35	4388	44
11794	1	4029	8	5251	14	836	21	6411	27	15574	35	6177	44
15127	1	7694	8	6120	14	3351	21	7271	27	19325	35	8205	44
15708	1	9936	8	6664	14	6375	21	10576	27	19329	35	11769	44
16114	1	12068	8	7117	14	11359	21	11074	27	99	36	18990	44
17152	1	14768	8	10635	14	15694	21	12610	27	1665	36	234	45
4454	2	14917	8	12646	14	15939	21	1670	28	4780	36	6622	45
7466	2	14988	8	13091	14	17749	21	3885	28	5931	36	3719	46
8878	2	91	9	16083	14	18906	21	10480	28	6351	36	10513	46
2875	3	15032	9	17842	14	3830	22	13158	28	6530	36	11484	46
4443	3	15641	9	13620	15	7779	22	19388	28	12136	36	13619	46
4495	3	17545	9	15963	15	10917	22	1114	29	98	37	176	47
12448	3	17626	9	15357	16	15395	22	1879	29	2644	37	623	47
18375	3	1720	10	15950	16	1992	23	11917	29	19933	37	9575	47
3591	4	3394	10	16709	16	5643	23	14235	29	5178	38	14063	47
3877	4	5314	10	17141	16	6693	23	17194	29	11237	38	16961	47
12676	4	6049	10	596	17	8263	23	3834	30	19633	38	625	48
14384	4	10417	10	1070	17	10130	23	14167	30	8133	39	5716	48
15199	4	1930	11	9669	17	10153	23	342	31	9777	39	8962	48
18845	4	2488	11	11495	17	18129	23	558	31	12749	39	13281	48
19301	4	3304	11	14368	17	2544	24	638	31	15486	39	16523	48
2724	5	12324	11	15620	17	5002	24	13028	31	15508	39	19121	48
3834	5	14377	11	17097	17	11819	24	6011	32	16613	39	1962	49
4864	5	9410	12	17543	17	12462	24	8021	32	16681	39	2419	49
5712	5	9503	12	18937	17	14469	24	9657	32	12804	40	3362	49
8766	5	9520	12	19484	17	14942	24	14411	32	15325	40	12374	49
9185	5	1068	12	429	18	19984	24	5339	33	18009	40	16941	49
12391	5	1153	12	2140	18	767	25	6281	33	18610	40	18049	49
14643	6	14456	12	11792	18	1554	25	8742	33	19148	40	19695	49
16319	6	16767	12	15180	18	6796	25	12680	33	408	41	502	50
16661	6	19414	12	1992	19	19505	25	14867	33	7966	42	15882	50
3634	7	19957	12	12081	19	2338	26	17121	33	13801	42	16104	50
3819	7	8444	1	15952	19	5468	26	19325	33	17192	42	18028	50
7707	7												

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1891 г.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго 5⁰/₀ съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго банка 4 марта 1891 г.

15813	3603	11879	17050	18869	19969	18685	10685	12984	12933	10440
11717	2644	16110	1803	17581	13813	10090	15619	3109	18498	13894
9273	1483	8053	4894	17618	13668	12133	18766	13852	6813	14737
6450	13361	17095	661	6280	15874	17420	9552	3205	2472	4057
13403	10426	12772	13897	6017	12843	19483	15313	1536	6145	
5052	19111	17287	420	3369	18879	14135	3598	5753	7976	
8331	16845	8575	11511	8313	11940	12007	5712	8445	14907	
11285	6688	10879	3665	756	9375	17787	15879	10341	11674	
19432	2838	15709	1409	4368	7053	2900	6029	15559	9913	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1891 г. въ Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

Вышли изъ печати вторымъ изданіемъ сочиненія

В. Д. Кудрявцева:

1. Введеніе въ философію. М. 1890 г. Цѣна 40 к. съ перес.

2. Начальныя основанія философіи. М. 1891 г. Цѣна 1 р. 75 к. съ пересылкою.

Складъ изданія у автора, профессора Московской духовной Академіи въ Сергіевскомъ посадѣ, Московской губ.

Вышли и имѣются въ продажѣ у книгопродавцевъ Тузова (С.-Петербургъ), Оглоблина (Кіевъ), Распопова (Одесса), Думнова (Москва).

Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и посланія Никанора Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго т. I, II, III и IV. Изданіе 1890 г. въ новомъ составѣ. Цѣна каждаго тома 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Поученія, бесѣды, рѣчи, воззванія и посланія Никанора Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго т. V. Посмертное изданіе 1891 г., съ портретомъ и краткой біографіей въ Бозѣ почившаго Архипастыря. Цѣна 3 руб. съ перес.

Весѣды и поученія Никанора Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго т. III и IV; изданіе 1887 года. Цѣна тома 2 руб. съ пересылкою.

Разборъ римскаго ученія о видимомъ (папскомъ) главенствѣ. Сочиненіе Архимандрита Никанора. Казань 1871 г. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Весѣда о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія (большое изслѣдованіе на основаніи новооткрытыхъ данныхъ) Никанора Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Цѣна 2 р. съ перес.

Позитивная философія и сверхчувственное бытіе, томъ III. Критика на критику чистаго разума Канта. Полная система гносеологіи Никанора Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Изданіе 1888 г. Цѣна 3 р. съ пересылкою.

Весѣда о томъ, есть-ли что еретическое въ латинской церкви Никанора Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Цѣна 50 к. съ пересылкою.

Церковь и государство. Противъ графа Л. Толстаго, Никанора Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго. Цѣна 15 к. съ перес.

Съ требованіями можно обращаться также въ Одессу, соборный домъ къ священнику *Цетровскому*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „СТРАННИКЪ“

на 1891 годъ.

[ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ].

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ общей церковной исторіи и историко-литературнаго знанія, — преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные материалы по всѣмъ отдѣламъ Русской церковной исторіи. 3) Бесѣды, поученія, слова и рѣчи извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской мысли. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящіе съ складомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно — съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простого народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокъ и Западъ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная лѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки корреспонденціи; объявленія.

Въ минувшемъ 1890 году, кромѣ ежемѣсячныхъ статей по всѣмъ отдѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ текущей современной жизни, въ „Странникѣ“, между прочимъ, были напечатаны слѣдующія слова и бесѣды архіепископа Нинанора: „О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія“, „О христіанскомъ супружествѣ“ (противъ „Крейцеровой Сонаты“ гр. Л. Толстого), „О значеніи семинарскаго образованія“ (противъ ненавистно-враждебнаго отношенія къ духовному сословію стараго русскаго дворянства), „О классицизмѣ“. Изслѣдованія и статьи: „О лицѣ Господа І. Христа“, В. Белавина — „Пастырско-начальникъ Господь І. Христосъ и его св. Апостолы“, П. Н. Ранинскаго — „Иконографія креста Христова“, Н. Бирюкова. — „Нравственное Богословіе Филарета, митроп. московскаго“, Свящ. Вышеславцева — „Ученіе о нравственности въ католичествѣ и протестантствѣ“, Г. Гр—цкаго. — „Вселенскіе отцы Церкви“, Фаррара, въ пер. А. П. Лопухина. — „Католическій приходъ въ Пруссіи“, П. Ф. Марнова — „Участіе духовенства въ народномъ образованіи“, Ѳ. Благовидова. — Статьи проф. П. Б. Знаменскаго, прот. А. А. Лебедева, А. Новальническаго, К. Попова, І. Коритенко и другихъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10 до 12 и болѣе листовъ. Подписная цѣна: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургъ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургѣ (Невскій пр., д. № 173).

Редакторы-издатели: А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.